

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Центральная Азия:
роль в перестройке мировых рынков
нефти и природного газа**

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 339.166.2(51)
ББК 65.428(54)
Центр 382

Серия “Библиотека Института мировой экономики международных отношений”
основана в 2009 году

Рецензенты: д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. С.С. Дмитриев

Центр 382

Центральная Азия: роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа / Под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2014, 104 с.
ISBN 978-5-9535-0395-2

В сборник включены расширенные варианты докладов на международной конференции, организованной Центром энергетических исследований ИМЭМО РАН и Факультетом международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. В фокусе анализа находятся роль и место стран Центральной Азии в перестройке рынков нефти и природного газа, в том числе: стратегическое партнерство Казахстана и Туркменистана с КНР в энергетическом секторе; долгосрочные перспективы нефтедобычи в Казахстане; политика Туркменистана по диверсификации рынков экспорта природного газа; потенциал сотрудничества в энергетической сфере России и Центральной Азии; специфика экономического взаимодействия центральноазиатских стран и Японии.

Central Asia: Role in the Restructuring of World Oil and Natural Gas Markets

The collection of articles combines the extended versions of reports presented at the international conference, organized by Center of Energy Studies, IMEMO RAN and Faculty of International Energy Business, Gubkin Russian State University of Oil and Gas. The analysis focuses on role and place of Central Asian states in world oil and gas markets restructuring, including: Kazakhstan and China strategic partnership in energy sector; long-term perspectives of oil production in Kazakhstan; Turkmenistan’s policy of diversification of gas export; potential Russia – Central Asia cooperation in energy sphere; peculiarities of economic interactions between Central Asian states and Japan.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0395-2

© ИМЭМО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Резникова О.Б. Нефть и газ Центральной Азии: разворот на рынок КНР	6
Калюжнова Е., Джулиан Л. Китайско-казахстанское сотрудничество в области углеводородного сектора в начале XXI столетия	13
Сычева А.М., Спивак В.Ю. Проекты китайских нефтегазовых корпораций в государствах Центральной Азии	33
Рэнэ Канаяма Инвестиции японских компаний в энергетический сектор государств ЦАР	43
Золина С.А., Сеницын М.В. Прогноз нефтедобычи в Казахстане с помощью кривой Хубберта: возможности и ограничения методологии	58
Халова Г.О., Морозов В.В., Шорохова Е.О. Энергетическая интеграция РФ и государств ЦАР: проблемы и решения	68
Шабарова А.К. Энергетическая интеграция Казахстана и России в энергетике.....	88
Копытин И.А., Масленников А.О. Диверсификация газового экспорта Туркменистана: планы и реалии	95
Об авторах.....	103

Введение

В декабре 2013 г. Центр энергетических исследований ИМЭМО РАН и Факультет международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина провели международную конференцию «Центральная Азия: роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа». В настоящий сборник включены переработанные расширенные версии докладов конференции. В фокусе анализа находятся проблемы утверждения на глобальной энергетической карте нового нефтегазового региона, который до некоторой степени меняет баланс сил на региональных рынках нефти и газа, а также географическую структуру международной торговли углеводородами. Эти процессы напрямую затрагивают интересы России, что придает сборнику не только научный, но и практический интерес.

Представленные в сборнике работы можно разделить на две группы. Первая группа фокусируется на анализе перестройки нефтегазового сектора центральноазиатских стран и его развороте в направлении китайского рынка. Во второй группе работ рассматриваются проблемы и возможности развития сотрудничества в энергетическом секторе Центральной Азии и России.

Особый интерес, на мой взгляд, представляют следующие тезисы и положения, которые обогащают отечественный и международный дискурс относительно экономических и энергетических перспектив Центральной Азии:

- Во-первых, показано, что китайские компании являются активнейшими игроками в нефтегазовом секторе Казахстана и газовом секторе Туркменистана. Речь идет не просто о возрастающем экспорте казахстанской нефти и туркменского газа на китайский рынок, но масштабном присутствии китайского капитала в проектах по добыче нефти и газа в центральноазиатских странах. Казахстан и Туркменистан стали едва ли не главной базой в реализации стратегий глобализации китайских нефтегазовых компаний. Анализ стратегического партнерства Казахстана и Туркменистана с Китаем в энергетическом секторе показывает, КНР давно является одним из основных игроков в Центральной Азии;

- Во-вторых, долгосрочный количественный прогноз экспорта туркменского, узбекского и казахстанского газа в Китай в перспективе до 2035 г. позволяет лучше понять китайскую позицию при переговорах с РФ и Газпромом о строительстве газопровода и экспортных поставках российского газа на китайский рынок. Наладив стратегическое партнерство по газу с Туркменистаном, Китай не только на очень выгодных для себя условиях получил ценный энергетический ресурс, но также приобрел мощный рычаг давления на других газоэкспортеров;

- В-третьих, попытки построения формализованных моделей прогнозирования нефтедобычи дают возможность более предметно судить о потенциале Казахстана по экспорту нефти на европейский и азиатские рынки, где казахстанская нефть нередко выступает прямым конкурентом российской нефти;

В-четвертых, детальный анализ инвестиционных проектов японских компаний в странах Центральной Азии. Япония нередко направляет инвестиционные ресурсы в местные проекты с более высокой долей добавленной стоимости, продукция которых при этом востребована на японском рынке. Опираясь на богатый опыт сотрудничества и помощи развивающимся странам, Япония смогла найти свою нишу и в центральноазиатском регионе

С. В. Жуков, д.э.н. руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН

Резникова О.Б.

Нефть и газ Центральной Азии: разворот на рынок КНР

Экономика КНР находится в экстенсивной стадии развития. Высокая динамика экономического роста в КНР в ближайшие десятилетия может быть удержана только при условии нахождения дополнительных источников нефти и других первичных энергоресурсов. Обеспечение растущих потребностей в импорте углеводородов императивно выдвинулось в центр внешней политики КНР. Китай быстро наращивает свое присутствие в нефтегазовом секторе как традиционных продуцентов (Ближний Восток и Северная Африка), так и новых участников глобальных энергетических рынков, включая постсоветские государства.

Со своей стороны ряд постсоветских республик – Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и частично Узбекистан – встраиваются в международное разделение труда в качестве поставщиков нефти и газа. В 2013 г. указанные четыре страны, по предварительным оценкам, добыли 145 и экспортировали около 120 млн. тонн нефти и соответственно 91 и 37 млрд. куб. м. природного газа.

Объективное совпадение интересов обеспечило быстрое налаживание сотрудничества Китая и центральноазиатских стран в нефтегазовом секторе.

Нефть

Естественными партнерами в нефтяном секторе являются Казахстан и КНР. Во-первых, эти страны имеют общую границу; во-вторых, граничащий с Казахстаном Синьцзян–Уйгурский автономный район (СУАР) является крупным нефтедобывающим центром в самой КНР. Объективная энергетическая и географическая взаимодополняемость двух стран в нефтяной сфере нашла свое отражение в том, что в декабре 2005 г. между ними был построен нефтепровод Атасу (Казахстан) – Алашанькоу (СУАР, КНР) – первый казахстанский нефтепровод, не проходящий через территорию третьих стран и соединяющий местные нефтяные месторождения с зарубежными потребителями напрямую. Нефтепровод стал основным каналом экспорта казахстанской нефти в КНР, поставки которой возросли (рисунок 1).

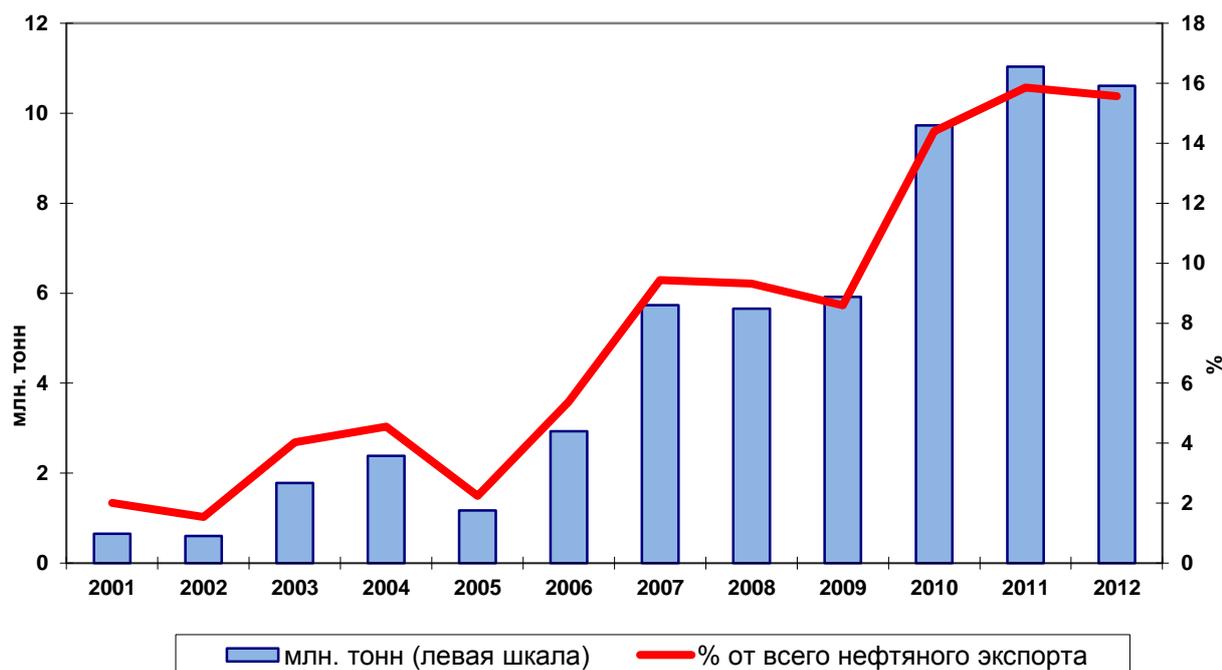

Рисунок 1. Экспорт нефти из Казахстана в КНР, млн. тонн и доля в совокупном нефтяном экспорте.

Источники: рассчитано по данным национальной статистики Казахстана.

Еще более важную роль Казахстан играет в реализации стратегий глобализации китайских нефтегазовых компаний. Китайская нефтяная триада – Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) и ее публичная «дочка» Petro China, Китайская нефтяная и химическая корпорация (Sinorec) и Китайская национальная нефтяная оффшорная компания (CNOOC) активно стремятся нарастить зарубежную активность и получить доступ к так называемой «собственной нефти» (equity oil). В середине 1990-х годов Казахстан беспрецедентно дешево и на льготных для иностранного капитала условиях распродал свои углеводородные запасы. В результате подавляющая часть местного нефтегазового сектора контролируется иностранным капиталом. И хотя китайские компании опоздали к первичному разделу казахстанского «нефтяного пирога», на конец прошедшего десятилетия они смогли заметно упрочить свои позиции в Казахстане. В 2010 г. в проектах в этой центрально-азиатской стране китайскими компаниями было получено около трети всей их «собственной нефти» за рубежом, столько же, сколько и в Судане (рисунок 2).

В других центрально-азиатских странах присутствие Китая в нефтяной сфере заметно более скромно. В Туркменистане в последние годы нефтедобыча не превышала 10.5 млн. тонн, причем около трех четвертей добычи перерабатывается на местных нефтехимических комплексах. В Узбекистане же с 2001 г. наблюдается кризис нефтедобычи, который с 2003 г.

перешел в острую фазу. Таджикистан практически не добывает нефти, а в Кыргызстане среднегодовой уровень нефтедобычи не превышает 100 тыс. тонн.

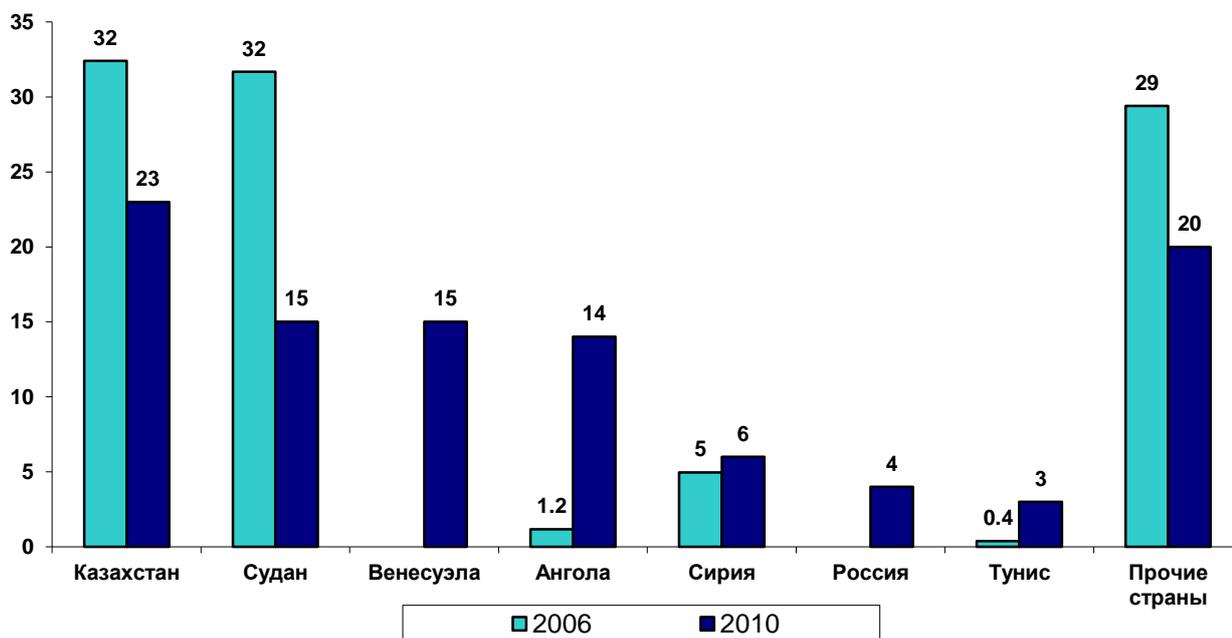

Рисунок 2. Компании КНР: добыча долевой нефти за рубежом в разрезе стран, % от всей долевой нефти

Источники: расчеты ЦЭИ ИМЭМО по национальной и международной бизнес периодике и официальной статистике.

Природный газ

Как и в случае с нефтью между Центральной Азией и Китаем существует объективная взаимодополняемость в газовой сфере. Географически близкая Синьцзяну Центральная Азия естественным образом рассматривается в качестве важнейшего источника природного газа для китайской экономики. Планы Китая по расширению газового сотрудничества с Центральной Азией особенно активизировались после пуска в эксплуатацию в сентябре 2004 г. магистрального газопровода Запад–Восток I, соединившего Урумчи с Шанхаем. Строительство магистрального газопровода Запад–Восток II, связывающего Синьцзян-Уйгурский автономный район с восточными провинциями КНР было уже синхронизировано со строительством газопровода в КНР из Центральной Азии.

Первоначально партнером КНР в газовой сфере в центрально-азиатском регионе стал Казахстан, который рассчитывал значительно увеличить производство газа на гигантских нефтяных месторождениях Тенгиз и Кашаган. Однако эти планы не реализовались. Со второй половины 2000-х годов Китай активизировал газовое взаимодействие с Туркменистаном. Газовый прорыв произошел в апреле 2006 г., когда КНР и Туркменистан подписали стратегическое пакетное соглашение по развитию газового сектора. Соглашение

предусматривало строительство магистрального газопровода из Туркменистана в КНР пропускной способностью 30 млрд. куб. м. в год. Поставки газа должны производиться на протяжении 30 лет, начиная с 2009 г. В качестве ресурсной базы для заполнения газопровода была намечена газоносная территория на правом берегу р. Амударья с совокупными запасами до 1700 млрд. куб. м. газа. Согласно условиям соглашения, оплачивать туркменский газ КНР обязалась на границе Туркменистана. Притом, что попасть в Китай этот газ может только через территорию третьих центральноазиатских стран, КНР, как это следует из статьи 5 соглашения, взяла на себя обязательства договориться о транзите туркменского газа через территорию Узбекистана и Казахстана.

В развитие успеха в ноябре 2006 г. Туркменистан уполномочил CNPC на проведение разведочных работ на месторождении Гунорта Елотень с потенциальными запасами газа до 7 трлн. млрд. куб. м. газа.¹ В июле 2007 г. новый президент Туркменистана Г. Бердымахамедов подтвердил предыдущие договоренности в газовой сфере, достигнутые во время правления С.Ниязова. КНР и Туркменистан также подписали соглашение о разделе продукции по разработке месторождений зоны Багтыярлык на правом берегу Амударьи. Наряду с этим было подписано соглашение о покупке природного газа, предусматривающее первые поставки в 2009 г. Согласно информации Petro China, с месторождений зоны Багтыярлык в газопровод ежегодно будет поставляться 13 млрд. куб. м. газа. Остальные 17 млрд. куб. м. будут поступать с других месторождений.

В декабре 2009 г. была пущена в эксплуатацию первая очередь газопровода Туркменистан–Китай протяженностью около 7 тысяч километров. Вторая нитка этого газопровода была запущена в конце 2010 г. В 2010 г. туркменский газовый экспорт на китайский рынок составил 3,6 млрд. куб. м., к 2012 г. он вырос до 21 млрд. куб. м. Доля Китая в совокупном газовом экспорте Туркменистана превысила в конце указанного периода 51% (рисунок 3). С 2011 г. КНР стала крупнейшим экспортным рынком для туркменского газового экспорта (рисунок 4).

Помимо Туркменистана с 2012 г. газ в Китай экспортирует также Узбекистан. В 2012 г. эта страна была 16 крупнейшим производителем природного газа в мире. По запасам газа страна занимает 20 место в мире. Хотя Узбекистан является крупным производителем природного газа, при этом развитие газового сектора здесь отличается немалой спецификой. Во-первых, большинство эксплуатируемых газовых месторождений относятся к не крупным и даже мелким. К тому же они широко разбросаны по территории страны. Во-вторых,

¹ В настоящее время это месторождение наряду с другими объединено в гигантское месторождение Галкыныш, подтвержденные международным аудитом запасы которого составляют до 26 трлн. куб. м.

качество добываемого газа сравнительно невысоко, и прежде чем попасть в магистральные газопроводы и конечным потребителям исходное сырье нуждается в дополнительной переработке. Все это вместе взятое заметно повышает издержки геологоразведки, обустройства месторождений и добычи газа, а также его транспортировки по газопроводам. Подавляющая часть производимого газа потребляется внутри страны.

Рисунок 3. Динамика экспорта туркменского природного газа в Китай, млрд. куб. м.
 Источник: BP Statistical Review of World Energy за разные годы.

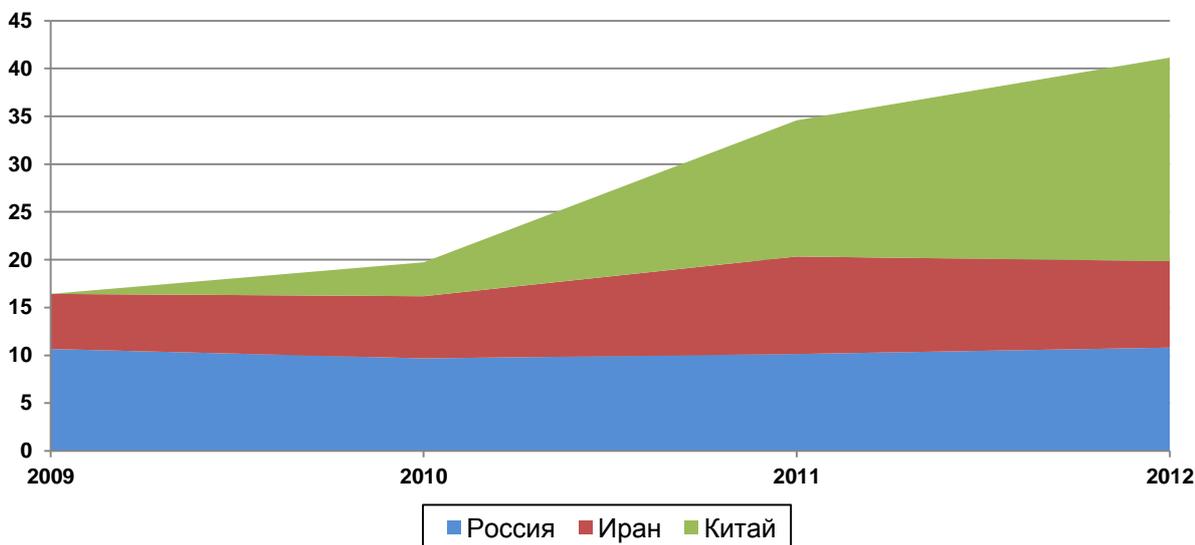

Рисунок 4. Экспортные рынки туркменского газа в 2009–2012 гг.
 Источник: BP Statistical Review of World Energy за разные годы.

В июне 2010 г. Ташкент и Пекин подписали соглашение о поставках в Китай 10 млрд. куб. м. узбекского газа ежегодно. В 2011 г. отделение государственной компании

Узбекнефтегаз Узтрансгаз заключило с Petro China контракт на экспорт газа по газопроводу Центральная Азия–КНР. Согласно условиям контракта, Petro China может ежегодно закупать у Узбекистана до 10 млрд. куб. м. газа.

В ближайшие годы экспортировать газ с территории Узбекистана на китайский рынок начнет российская ЛУКОЙЛ, которая ведет в этой стране два добычных газовых проекта - блок Кандым–Хаузак–Шады и Гиссарская группа месторождений, а также участвует в международном консорциуме Agal Sea Operating Co. К 2018 г. ЛУКОЙЛ рассчитывает добывать в Узбекистане 12 млрд. куб. м. газа. На пике добычи этот показатель может вырасти до 19 млрд. куб. м. При этом российская компания намерена встроиться в наметившуюся тенденцию разворота экспортных потоков центральноазиатского газа в направлении КНР. В сентябре 2010 г. российская компания договорилась с китайской CNPC о поставках газа с разрабатываемых узбекских месторождений. Начало поставок запланировано на 2014 г., т.е. приурочено к запуску третьей нитки газопровода Центральная Азия–КНР.

В марте 2012 г. Petro China приступила к строительству магистрального газопровода «Запад–Восток III», соединяющего западные и восточные китайские провинции. Газопровод пропускной способностью 30 млрд. куб. м. газа в год будет проложен параллельно газопроводам «Запад–Восток I» и «Запад–Восток II». Пуск третьего газопровода, намеченный на 2014 г., откроет дополнительные возможности для экспорта газа из стран Центральной Азии к растущим центрам газопотребления на востоке Китая.

Начиная с 2020 г. около 5 млрд. куб. м. газа в КНР рассчитывает экспортировать Казахстан.

С учетом проектов по добыче и транспортировке в Туркменистане, Узбекистане и Казахстане, к 2035 г. Центральная Азия может обеспечивать до половины всех потребностей КНР в импорте природного газа. Экспорт туркменского газа на китайский рынок может достигнуть 80 млрд. куб. м., Узбекистана – 20 млрд. куб. м. и Казахстана – 10 млрд. куб. м. (рисунок 5).

В 2012 г. китайские компании вошли в проекты по разведке углеводородов в Таджикистане и Кыргызстане. CNPC в партнерстве с Total приобрели по 33,335% в соглашении по разделу продукции (СПР) Бохтар, которое ранее с таджикскими властями подписала канадская компания Tethys Petroleum. Последняя утверждает, что контрактная

территория СПР содержит потенциальные извлекаемые ресурсы 27,5 млрд. н.э., включая 8,5 млрд. баррелей нефти и конденсатов и 114 трлн. куб. футов природного газа.²

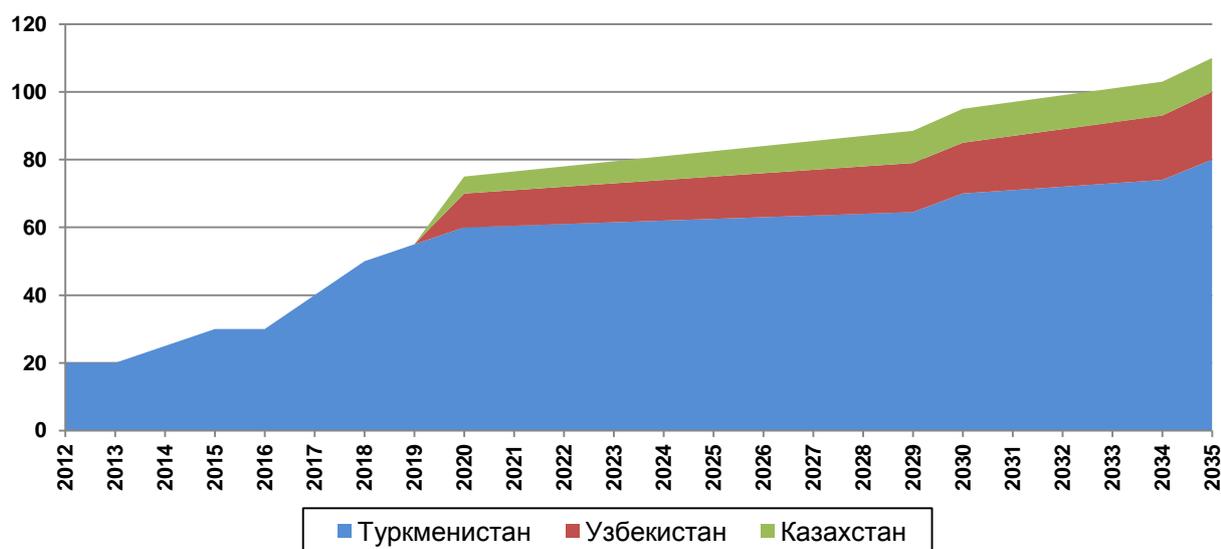

Рисунок 5. Прогноз экспорта центральноазиатского газа в КНР до 2035 г.

Источники: Центр энергетических исследований ИМЭМО.

СПР Бохтар охватывает бассейн Амударьи, который простирается по территории Узбекистана, Туркменистана и Афганистана. Геологоразведочные работы в бассейне Амударьи, которые в начале 1990-х годов вели японские геологи на территории Узбекистана, результатов не принесли.

Одна из возможных причин интереса китайских компаний к Таджикистану – оказание косвенного давления на Казахстан в вопросе о тарифах на транспортировку газа по газопроводам, связывающим Туркменистан и Синьцзян–Уйгурский автономный район через казахстанскую территорию, а также в вопросах нефтяного сотрудничества.³ Обсуждаемые иногда перспективы экспорта туркменского газа в Афганистан через территорию Таджикистана не имеют под собой экономических оснований.

² O'Sullivan D. Total Boss Says Tajik Gas May Justify New China Pipe// International Oil Daily, 15 February, 2013.

³ Kazakh Tensions Prompt China Gas Rethink// Petroleum Intelligence Weekly, Vol. LI, No. 28, July 16, 2012.

Калюжнова Е., Джулиан Л.

Китайско-казахстанское сотрудничество в области углеводородного сектора в начале XXI столетия

Введение

Казахстан и Китай становятся важными энергетическими партнерами со значительной долей инвестиций китайскими компаниями в казахстанский углеводородный сектор и большими объемами казахстанского экспорта в Китай. (Lee, 2001a and 2007, Jiang and Sinton, 2011).

Экономический рост Китая тесно связан с быстро растущим энерго потреблением, где спрос на нефть и газ удовлетворяется через импорт. Это делает богатый нефтью и газом Казахстан очевидным стратегическим партнером Китая, но стратегические энергетические цели Китая в Казахстане и Центральной Азии менее прямые, так как они подвержены влиянию географических, коммерческих и геополитических факторов. (Swanstrom, 2005; Niquet, 2006). Исследование Китайско-Казахских отношений является достаточно новой темой в академической литературе. (Cao, Bluth, 2012; Downes, 2004; Saurbek, 2008). Исследования существующих контрактов и институциональных устройств для добычи, переработки и кооперации (Kalyuzhnova 2008; Lee; 2012; Paik, 2012) может послужить основой для анализа китайской энергетической политики в Центрально-Азиатском регионе.

В данной статье мы анализируем различные формы контрактных отношений используемых Китаем в его отношениях в области нефти и газа с Казахстаном. Мы также определяем, как индивидуальные инвестиционные проекты в Казахстане вписываются в эти взаимоотношения. В дополнении, мы оцениваем насколько эффективно Китай конкурирует за казахстанское углеводородное сырье, забирая его с других энергетических рынков (включая Европу). Мы используем метод вычисления netback (Mian, 2002; Stermole, and Stermole, 2000) с целью определения относительной стоимости казахстанского углеводородного сырья на различных рынках и определения цен, какие Китай должен предложить производителям в Казахстане, чтобы получить их нефть для Китая.

2 Обзор Китайско-Казахстанских отношений в нефтегазовом секторе

С середины 80х и в 90х либерализация китайской экономики продемонстрировала миру, что Китай имеет конкурентные преимущества, которые используются им в глобальном масштабе. Распад Советского Союза и возникновение новых соседних государств Центральной Азии и России в начале 90х, а также вхождение Китая в ВТО в 2001 году

обеспечили китайскому бизнесу доступ к новым рынкам. В этих новых геополитических условиях Казахстан за последнее десятилетие превратился в одного из основных бизнес и торгового партнера. (Жуков и Резникова, 2009).

На сегодняшний день Китай является одним из основных партнеров Казахстана. Китайская доля казахстанского экспорта возросла с 5.9% в 1995 году до 18.5% в 2011, превращая Китай в одного наиболее важного торгового партнера, в то время когда российская доля уменьшилась с 45.1% до 8.4% за тот же самый период (рис.1). Большая часть казахстанского экспорта в Китай представлено сырьем (медь, нефть, нефтепродукты, цинк и цветные металлы).

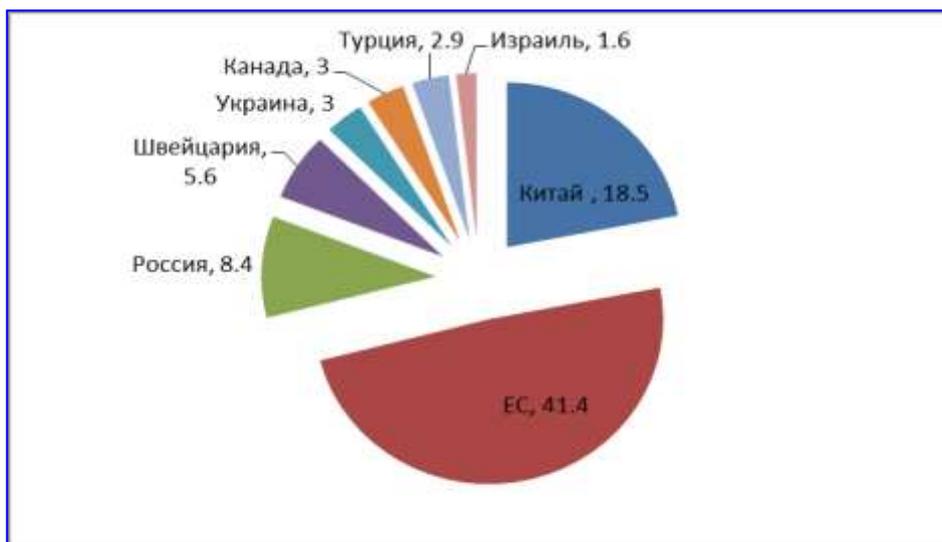

Рисунок 1. Основные экспортные партнеры Казахстана в 2011 г., %

Источник: Агентство Республики Казахстан по статистике: Внешняя торговля Республики Казахстан, 2012 г.

Несмотря на то, что в результате структурных изменений темпы экономического роста Китая с недавнего времени стали замедляться, китайская экономика все еще достаточно быстро растет в сравнении с мировыми стандартами. Согласно данным МВФ (IMF, 2013), прогнозы роста в 2014 году обещают быть 7.3%, без сомнений такие темпы роста предполагают увеличение использования ресурсов, включая энергетические ресурсы. Согласно недавнему отчету *World Energy Outlook* (Прогноз мировой энергетики) МАЭ (IEA, 2013), спрос Китая на нефть возрастет до 4,060 млн. тонн усл. топлива к 2035 году, который будет основным фактором возрастания глобального спроса на энергетические ресурсы и торговлю ими. В настоящее время Китай не может увеличить производство нефти больше чем на 4 млн. барр/сут и, таким образом, весь остальной спрос может быть удовлетворен

только путем увеличения импорта. Следовательно, китайский импорт должен быть удвоен к 2020 году. Уже сейчас Китай является самым большим мировым потребителем энергии и мировым импортером нефти, превосходя США.

Около 18% потребления энергии Китая составляет нефть. К 2012 г. потребление нефти Китаем (рассчитанное как внутреннее производство плюс чистый импорт) было в 6 раз больше чем в 1980 году. Уровень китайского спроса на нефть в 2012 году, отмеченный в BP Statistical Review of World Energy (June 2013), составлял 484 млн. тонн (10.2 млн. барр/сут), по сравнению с 85 млн. тонн (1.7 млн. барр/сут) в 1980 году. Это не удивляет, так как китайский импорт нефти увеличился с середины 90х годов в силу того, что внутреннее производство нефти не успевало удовлетворять растущий спрос. Согласно данным the UN Comtrade database суммарный импорт сырой нефти Китая возрос с 450,000 bpd (барр/сут) в 1995 году до 4.4 млн. барр/сут в 2011 году. По данным BP: 5.5 млн. барр/сут в 2012 году с дальнейшим 1.7 млн. барр/сут экспорта переработанных продуктов, который частично смещен экспортом переработанного продукта в 0.5 млн. барр/сут. Эта внутренняя и внешняя торговля продуктами нефтепереработки отражает перепроизводство бензина относительно потребности Китая.

В тоже самое время, согласно the Comtrade database, число стран поставляющих сырую нефть в Китай увеличилось с 19 до 44. Впервые Казахстан появился как поставщик сырой нефти в Китай в 1997 году, экспортируя только 1,000 барр/сут. Уже к 2010 году эта цифра возросла до 175 000 барр/сут, составляя 4% общего импорта сырой нефти Китая. Данные опубликованные *Argus FSU Energy* демонстрируют объем казахстанской нефти, доставляемый нефтепроводом в Китай, возрастающий от 40 000 барр/сут в среднем в 2006 году до 220,000 барр/сут в 2011 году. Несмотря на продолжение нефтепровода Казахстан-Китай до нефтяных полей Актюбинска, экспорт немного затормозился (210 000 барр/сут в 2012 г.). Согласно данным по нефтяному экспорту для Казахстана из the Comtrade database, экспорт казахстанской сырой нефти в Китай возрос от 14 000 барр/сут в 2001 году почти до 230,000 барр/сут в 2011 году. Китай обеспечивает Казахстану рынок для экспорта нефти, доля которого составляет 16%. Согласно the UN Comtrade database в 2011 году китайский рынок был вторым для Казахстана после Италии (рис. 2 и 3).

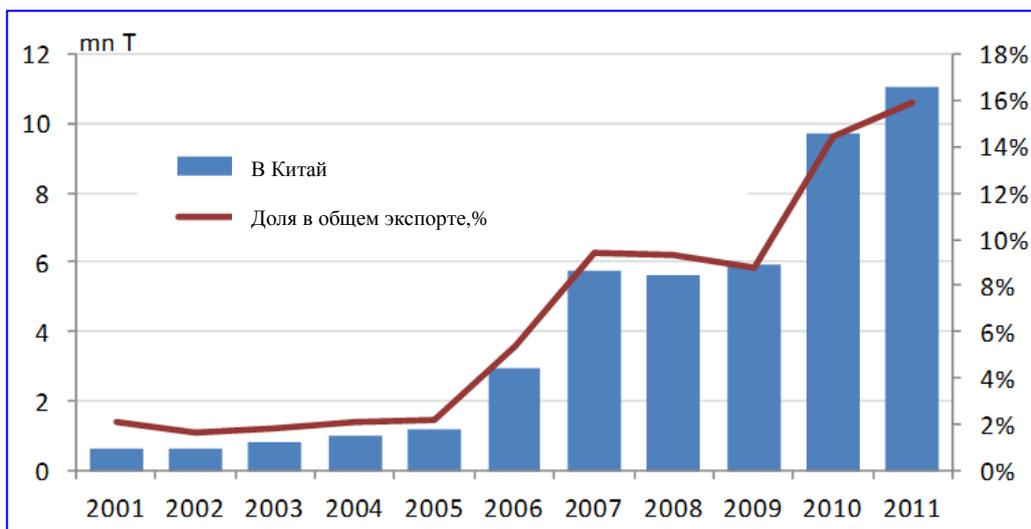

Рисунок 2. Экспорт сырой нефти из Казахстана в Китай

Источник: Расчеты авторов на данных UN Comtrade database и CGES

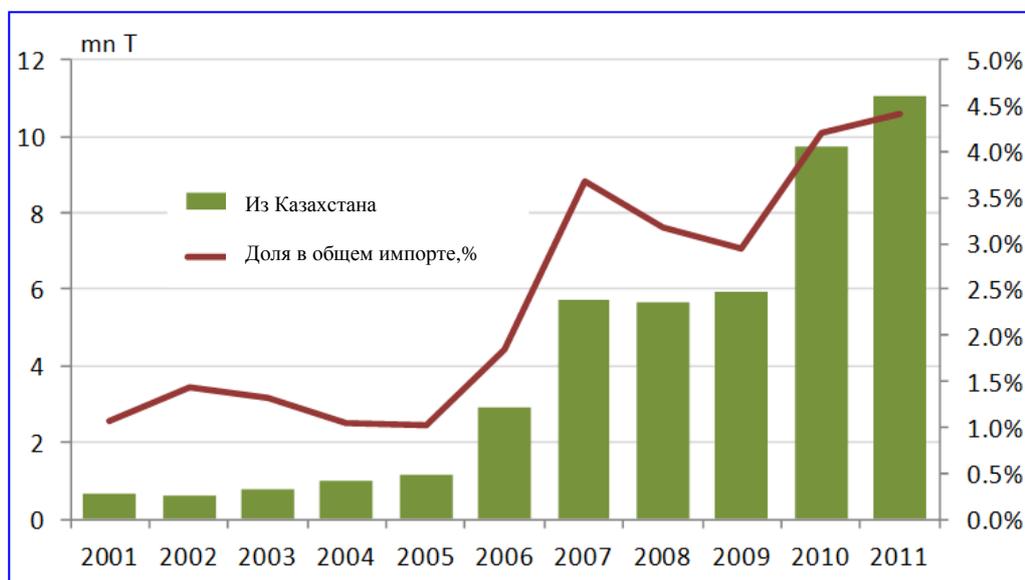

Рисунок 3. Импорт сырой нефти Китаем из Казахстана

Источник: Расчеты авторов на данных UN Comtrade database и CGES

Важно также отметить что наиболее значимыми статьями импорта для Казахстана являются нефтепродукты, получаемые из Китая. У Казахстана имеется три нефтеперерабатывающих завода, но они не могут обеспечить внутренний спрос в стране, когда как нефтеперерабатывающие заводы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая зарекомендовали себя наиболее надежными по поставке экспорта их нефтеперерабатывающих продуктов в Казахстан. Такие отношения типичны для производителей сырьевой направленности (каким является Казахстан) и экспортеров конечной промышленной продукции (каковым является Китай).

С недавнего времени Казахстан начал поставку сырой нефти для китайских нефтеперерабатывающих заводов в обмен на готовую продукцию, такой процесс известен под названием толлинг. Объем поставляемой нефти достаточно небольшой, в 2012 он составлял 1.0-1.5 млн. тонн (20 000-30 000 барр/сут) - и это отражает плачевное состояние казахстанских нефтеперерабатывающих заводов в Павлодаре, Шимкенте и Атырау. Дефицит нефтепродуктов в Казахстане обостряется перебоями в поставках сырой нефти из России на Павлодарский нефтеперерабатывающий завод в последние годы. Этот завод, расположенный на северо-востоке Казахстана на нефтепроводе приходящим из России, был изначально ориентирован на переработку западно-сибирской нефти. Завод испытывал постоянные перебои в поставках с момента распада Советского Союза в 1991 году. Однако Казахстан планирует реструктуризацию и модернизацию всех трех нефтеперерабатывающих заводов в надежде увеличить их продукцию и повысить мощности по переработке сырой нефти. Казахстан поставил себе целью покончить с зависимостью импорта нефти из России для Павлодарского нефтеперерабатывающего завода. По этой причине толлинговое соглашение с китайскими нефтеперерабатывающими заводами может быть относительно недолгим и может быть завершено, как только завершится реструктуризация казахстанских нефтеперерабатывающих заводов. Несмотря на это торговля нефтепродуктами стала настолько важна, что существует предложение строительства нефтепродуктопровода между двумя странами.

Несмотря на то, что общий объем нефти, который Китай импортирует из Казахстана все еще относительно небольшой и составляет только около 4% общего импорта сырой нефти Китая, торговля нефтью является важной для Китая по двум причинам. Во первых, прибыль от нефти, производимой китайскими компаниями, накапливается этими компаниями, и, во вторых, потому что обе страны имеют общую границу. Нефть, поставляемая из Казахстана в Китай, считается «надежной» нефтью – так как она не проходит ни через какое третье (транзитное) государство, или морскую линию, которую трудно охранять китайскому морскому флоту. Как результат, Казахстан все больше и больше становится важным нефтяным производителем для Китая. Для Казахстана важность китайского рынка, как нефтяного рынка экспорта, начала расти с 2006 года (рис. 2), с запуском прямого нефтепровода для сырой нефти, связывающего обе страны.

Первые шаги Китая в казахстанском нефтяном и газовом секторе ознаменованы покупкой СНПС (CNPC) 60% доли в Актобемунайгаз в июне 1997 года. Актобемунайгаз является четвертым крупнейшим производителем в Казахстане после Тенгиза, Казмунайгаза и Карачаганакского проектов. Это приобретение позволило китайской компании иметь

производство и нефтеразведку в северном регионе Казахстана Актобе. Нефтяные поля были уже связаны с сетью нефтепроводов страны и также имели железнодорожные погрузочные условия для сырой нефти, обеспечивая тем самым доставку на запад Китая по железной дороге. Впоследствии СНПС (CNPC) и Казмунайгаз построили нефтепровод, соединяющий нефтяные поля с нефтяным экспортным терминалом в Атырау. Рабочая мощность нефтепровода, в котором СНПС (CNPC) имеет долю 49% , составляет 6 млн. тонн в год.

Между 2003 и концом 2005 годов СНПС (CNPC) совершает дальнейший ряд приобретений в казахстанской нефте- и газодобыче, сосредотачиваясь на активах в южном Тургае в центре страны. В связи с отсутствием нефти в восточном Казахстане, это было наиболее очевидное решение проблемы по прямой доставке нефти в Китай, в связи с тем, что нефтяные поля были присоединены к Восточной части нефтепровода Казахстана, самой близкорасположенной инфраструктурой к китайской границе. Самое большое приобретение СНПС (CNPC) в южном Тургае была покупка в 2005 году PetroKazakhstan (бывшая Hurricane Hydrocarbons), которая приобрела портфель активов и совместных предприятий в регионе. По условиям сделки, СНПС (CNPC) купила 100% PetroKazakhstan и затем приобрела одну треть доли КАЗМУНАЙГАЗ. Кроме активов в области разведки и добычи PetroKazakhstan также владеет Шимкентским нефтеперерабатывающим заводом в Казахстане.

После 2005 года обеспечив сильную позицию в Южно Тургайском регионе китайские компании обратили свое внимание к западному Казахстану, несмотря на то, что CNPC уже имела интересы на нефтяном поле Северного Бузачи в Мангистау, который она купила в 2003. В 2006 году СІТІС купила Nations Energy, которая оперировала на Каражанбасе, нефтяном поле тяжелой нефти в Мангистауском регионе Казахстана на берегах Каспийского моря, в то время как CNPC в партнерстве с KMG купили Мангистаумунайгаз в 2009 году, третью по значимости для компании важную покупку активов в области добычи и нефтеразведки в Казахстане.

CNPC и другие китайские компании, работающие за рубежом, не имеют прямого указания со стороны китайского правительства обеспечить Китай нефтью, которую они производят (Jiang and Sinton, 2011). В самом начале пути китайские компании не располагали экономически привлекательными инструментами доставки ими в Китай произведенной нефти в Казахстане даже в случае, если бы они и желали этого. Решения реконструкции первой ветки нефтепровода Казахстан-Китай было в полной мере как политическим, так и экономическим решением, первоначально с большими усилиями с казахстанской стороны. Первый нефтепровод, построенный Китаем в Казахстане, транспортировал нефть с

месторождения CNPC Актюбемунайгаз на Атырау, где последний соединялся с экспортной инфраструктурой страны, которая транспортировала сырую нефть на экспортные терминалы на Черном море и через Российскую сеть нефтепроводов на Украину, Беларусь, Центральную и Восточную Европу и Балтийское море.

Вторая стадия Казахстан-Китай нефтепровода «Сырая Нефть», которая соединяет Актобе с Южным Тургаем, была запущена в эксплуатацию в 2009 году. CNPC (CNPC) теперь имеет прямой нефтепровод между нефтяными месторождениями в Актобе и внутренним рынком, а также свой собственный источник сырой нефти, смешанный с южно-тургайской нефтью повышенной вязкости. В результате объем сырой нефти, транспортируемой по нефтепроводу из Казахстана в Китай значительно увеличился и стал превышать 10 млн. тонн (200 000 барр/сут) в 2010 году и постоянно увеличивался с того времени.

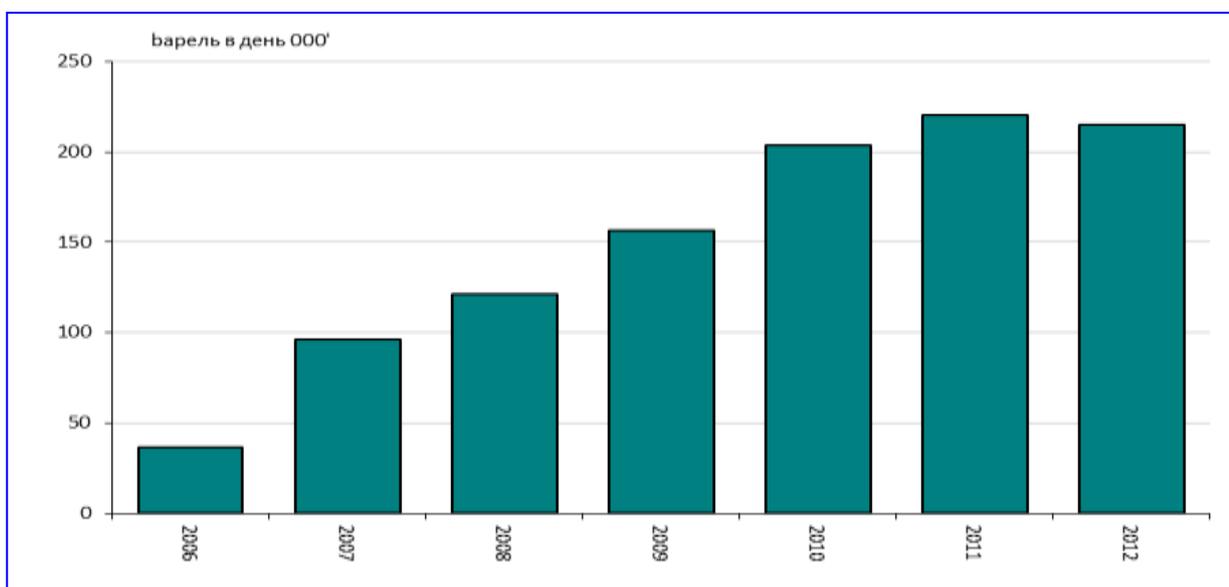

Рисунок 4. Казахстанский экспорт нефти через Атасу-Алашанкой

Источники: Argus & CGES

Несмотря на успех китайских компаний во вхождении на Казахстанский рынок, до недавнего времени Китай не имел присутствия в трех наиболее крупных проектах в Казахстане, а также не принимал участия в офшорных разведывательных операциях, которые по ожиданиям предполагают аккумулировать наибольший рост в добыче нефти. Производство нефти в южном Тургае падает и производство CNPC (CNPC) Актюбемунайгазом в лучшем случае остается стабильным, но не возрастает. Для того чтобы обеспечить рост объемов нефти, поставляемых из Казахстана китайским компаниям, нужно

производить инвестиции в проекты с лучшими потенциальными результатами чем те, которыми они обладают на сегодняшний день.

В 2013 году китайские компании еще раз обратили свое внимание на Казахстанский наиболее крупный проект Кашаган, для того чтобы обеспечить дополнительную долю сырой нефти, транспортируемую по нефтепроводу Казахстан-Китай. Это была уже не первая попытка Китая войти в проект Кашагана. В 2005 году СНПС (CNPC) достигла договоренности с BG Group о покупке 16.7% их доли в проекте за \$1.23 млрд., но другие участники проекта наложили вето на эту сделку, забрав и поделив эту долю между собой. В сентябре 2013 СНПС (CNPC) купил за \$5 млрд. 8.33% в проекте освоения месторождения Кашаган, за счет которого Казахстан планирует войти в десятку ведущих нефтяных держав. Покупка доли в главном проекте Казахстана стала очередным этапом экспансии Китая в энергетику региона, где позиции России постепенно слабеют.

Продавцом пакета выступила KMG, компенсировав продажу покупкой пакета другого участника - американской ConocoPhillips, которая вышла из проекта. Индийской компании ONGC Videsh Limited, которая готова была выкупить долю американской Conoco за \$5 млрд., было отказано казахстанской стороной в связи с наиболее высокой привлекательностью китайского коммерческого предложения (Lee, 2013), несмотря на определенную озабоченность в некоторых кругах казахстанского правительства, что влияние Китая в нефтегазовом секторе страны уже и без того велико. (Paik, 2012 p297). Один из пунктов соглашения предусматривает, что Китай инвестирует до \$3 млрд. - часть доли Казмунайгаза в рамках финансирования второго этапа разработки Кашагана, который должен начаться после 2020 года. Добыча в рамках первого этапа на месторождении Кашаган началась 11 сентября 2013 года. Однако 24 сентября эксплуатация месторождения была приостановлена после обнаружения утечек газа из наземного трубопровода, идущего с острова «Д» на завод «Болашак». Позже утечка газа была устранена, а добыча возобновлена. Но 9 октября 2013 года добычу вновь приостановили в связи с обнаружением очередной утечки газа. После ремонта поврежденного соединения было проведено гидроиспытание под полным контролем, в ходе которого были выявлены другие места потенциальных утечек газа. Затем началось тщательное расследование, в ходе которого было установлено, что причиной утечки газа является сульфидное растрескивание трубопровода. Несомненно, что очередной запуск добычи на Кашагане потребует дополнительного финансирования и, конечно, Казахстан ожидает, что СНПС (CNPC) примет в этом процессе активную роль.

3 Оценка казахстанского углеводородного сектора

Для того чтобы рассмотреть Китайско-Казахстанские энергетические отношения в перспективе, необходимо понять стоящую за этим экономику. Определение цены, которую Китай будет должен платить для того чтобы привлечь произведенную частными предприятиями в Казахстане нефть и победить в конкуренции с европейским рынком, является необходимым элементом этого анализа. Чтобы обеспечить поставку нефти в Китай, такие закупщики как CNPC должны предложить производителям более выгодные условия, чем те которые они могут получить в других местах. В виду того, что частные производители имеют обязательства продавать произведенный ими газ Казмунайгазу или по долгосрочным контрактам, возможности закупать газ произведенными частными компаниями уменьшается.

Для того чтобы определить цену, которая должна быть предложена производителю, используется метод расчета цены реализации *netback* (Mian, 2007; Newendorp and Schuyler 2000; Stermole and Stermole 2000). Для того чтобы вычислить цену, которую CNPC должна заплатить, нам необходимо определить стоимость казахстанского углеводорода добываемого на нефтяном поле. *Netback* расчеты, которые определяются как конечный объем продаж продукта минус все издержки, ассоциированные с доставкой этой продукции на рынок, вооружают нас инструментом для решения этой проблемы. На практике полный расчет *netback* для одного барреля нефти может быть произведен на основе объема, полученного из этой нефти нефтепродукта в определенной точке рынка, и вычтенного из него всех издержек по доставке, а также по нефтепереработке. Однако, в виду того что компании обязаны использовать ценовое соглашение без заинтересованности добычи/разведки и переработки, будет достаточно и более просто использовать стоимость самой сырой нефти на различных рынках.

Netback стоимость является стоимостью, которая может быть реализована в любой точке продаж минус издержки по доставке нефти с месторождения до точки продаж. Как правило такие издержки будут включать любые нефтепроводные тарифы, издержки погрузки в танкеры и издержки по доставке, где это имеет место. В зависимости от цели, для которой были произведены расчеты может быть важным включить экспортные пошлины или налоги. В наших расчетах мы игнорируем казахстанские экспортные пошлины на нефть в связи с тем, что они применимы ко всем экспортным направлениям и должны будут быть оплачены на экспорт в Китай по такой же ставке, как на экспорт в любую другую страну. В этих целях, *netback* расчеты могут быть сформулированы следующим образом:

$$NBV = P_s - C_d \quad (1)$$

где: NBV – netback стоимость за баррель нефти

P_s – цена продажи нефти на целевом рынке

C_d – издержки по поставкам нефти от месторождения до точки продаж

Издержки по поставке нефти могут быть выражены как

$$C_d = P + L + S \quad (2)$$

где: P – нефтепроводный тариф

L – издержки по загрузке в экспортном терминале

S – издержки по доставке, включая фрейт издержки, страховку, демередж и навигационные издержки, если имеют место.

Например, мы рассчитали *netback* стоимость для продажи тенгизской сырой нефти в Средиземноморье, используя опубликованную цену продаж CIF Med и вычитая издержки по доставке из экспортного терминала на Черном Море и нефтепроводный тариф по доставке нефти в терминал вместе с расходами на грузовые операции в терминале. Мы вычтем все экспортные пошлины, выплачиваемые за экспортируемую нефть, но согласно соглашения о разведке, разработке и долевом разделе добычи Тенгизский проект освобожден от оплаты экспортных пошлин – по крайней мере до настоящего времени. Цена продажи тенгизской сырой нефти на Средиземноморье была опубликована разными агентствами. Для наших расчетов мы взяли средние недельные оценки тенгизской цены CIF Med, опубликованных Argus Media Ltd. Издержки по доставке были рассчитаны через издержки по поставке нефти через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) нефтепровод от тенгизского месторождения до целевого экспортного терминала около Новороссийска на российской стороне Черного Моря и издержки по доставке нефти от терминала до Агусты на восточном побережье Сицилии.

Средняя цена продажи сырой нефти с Тенгиза CIF Med за первые 11 месяцев 2012 года (опубликованная Argus) составляла \$111.48 за баррель. Средняя цена доставки за баррель из Новороссийска по российской стороне Черного Моря до Агусты в Италии за этот же период составлял \$0.77 за баррель в танкере с дедвейт 130 000 т. Тариф за прохождение нефти через КТК составляет \$38 за тонну, что эквивалентно \$5 за баррель легкой нефти Тенгиза. Мы предполагаем страховые издержки \$0.03 за баррель, платы за разгрузку в порту - \$0.40 за баррель а также плату за навигацию и демерредж как \$0.23 за баррель. Все эти данные дают стоимость среднего netback для сырой нефти Тенгиза, проданных на Средиземноморском рынке, поставленные через КТК и танкером для первых 11 месяцев 2012 года - \$105.02 за баррель (Таблица 1). Несмотря на то, что это наиболее эффективный путь экспортирования тенгизской нефти на международный рынок, в реальности невозможно в

настоящее время справиться со всем потоком экспорта с месторождения. Дополнительные потоки доставляются для экспорта через украинскую сторону Черного моря по железной дороге и экспортированию через терминалы, расположенные на грузинской стороне Черного моря баржами и по Каспийскому морю из Актау в Баку и затем железной дорогой через Азербайджан и Грузию. Эти оба пути более дорогостоящие, чем КТК и таким образом уменьшают стоимость netback сырой нефти по сравнению с тем значением, которое получается при использовании КТК и танкеров в Агусту.

Таблица 1

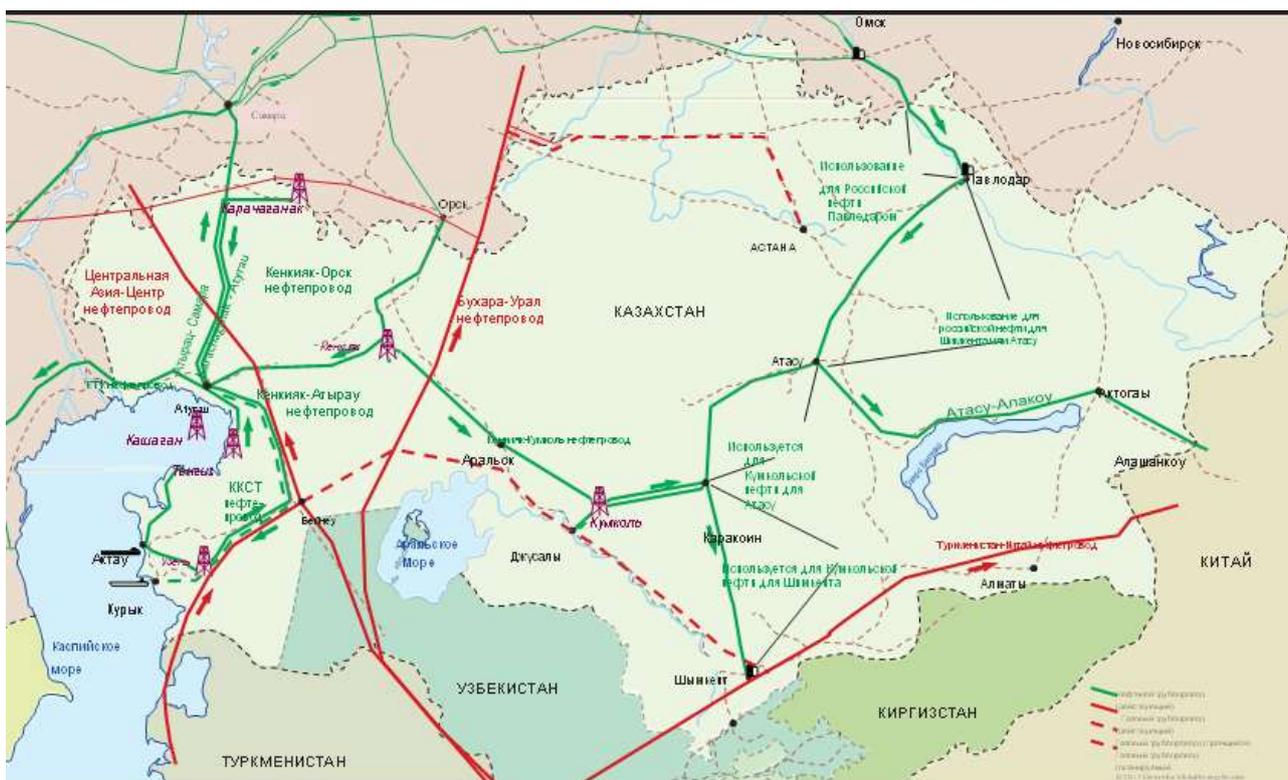
Средняя стоимость netback для сырой тенгизской нефти за 11 месяцев 2012 года, \$ за баррель

	Среднее 2012 г.
КТК cif Med	111,48
Перевозки (фрахт)	0,77
Страховка	0,03
Платежи за погрузку	0,36
Демерредж/навигация	0,23
Тариф нефтепровода КТК	5,07
Netback	105,02

Источник: расчеты авторов

К этой закупочной цене китайский покупатель должен добавить издержки по транспортировке нефти от китайской границы и затем через Китай по внутренним нефтепроводам. В сентябре 2012 года тариф прохода нефти по Атасу-Алашанкоу участку нефтепровода Казахстан-Китай был снижен до \$11.30 за тонну нефти на расстояние of 1 000 км. Например для доставки сырой нефти из Тенгиза в Китай покупателям будет необходимо перегнать нефть по железной дороге от месторождения до того пункта, где ее можно будет направить в нефтепровод и затем по нему перегнать в Китай. Наиболее очевидное направление по железной дороге будет движение на Актюбинск, а затем по нефтепроводу. Расстояние от Актюбинска до китайской границы составляет приблизительно 2 340 км, что даст общий тариф \$26.50 за тонну, или \$3.50 за баррель перевозки тенгизской сырой нефти по нефтепроводу от Актюбиска до китайской границы. (Карта 1). Карта 1 демонстрирует основную нефтяную и газовую инфраструктуру в Казахстане, подчеркивая ключевые нефтяные регионы на Каспийском побережье вокруг Алибекмолы (Кенкияка) и южного Тургая (Кумколя). В дополнение на карте показаны основные нефтяные (зеленым цветом) и

газовые (красным) магистральные трубопроводы.

Карта 1.

Centre for Global Energy Studies (CGES, 2012) высчитал издержки производства для всего периода эксплуатации любого месторождения в Казахстане, основанного на опубликованных данных существующих проектов (исключая Кашаган, который является особым случаем). Результаты расчетов дали следующие \$10-20 за баррель, исключая налоги. Мы не включили издержки по нефтепроводам ни в Казахстане, ни в Китае, так как они должны обеспечиваться в любом случае, если нефть самодобывается или производится другими производителями. В ситуации возрастающих цен на нефть становится понятным, что китайские компании предпочитают получить нефтяные активы Казахстана себе в собственность, чем надеяться на закупку нефти у других производителей.

4. Направления углеводородного сектора открыты для Китая

Как может Китай эффективно конкурировать за казахстанские углеводородные ресурсы? До сегодняшнего дня Китай использовал различные пути обеспечения углеводородным сырьем, в котором так нуждается его растущая экономика и рассматривал различных мировых поставщиков. (Ma и Andrew-Speed, 2006) Большинство импортируемой энергии

осуществляется через закупки, основанные на долгосрочных контрактах и тендерах на коммерческой основе у основных стран производителей нефти и газа, однако существуют четкие стратегии принятые Китаем по обеспечению углеводородным сырьем из других мест. Эти усилия фокусировались в частности на странах и регионах, которые или имеют географические преимущества близости расположения или общих границ, или в следствии того, что другие инвесторы избегают их по ряду причин. Китай следует ряду стратегий, которые по сути своей являются различными, но дополняют друг друга в обеспечении стабильного доступа к углеводородным ресурсам за пределами границ страны. Они включают:

1. Прямые инвестиции в области нефти и газа в странах, где правительства находятся под бременем санкции или давлением заемщиков, или в неблагоприятном политическом и экономическом климате (Иран, Судан, Венесуэла, Эквадор)
2. Прямые инвестиции в области нефти и газа в странах, где конкуренты с Запада имеют маргинальный интерес (Чад, Перу, Мавритания)
3. Агрессивные аквизиции в ключевых странах (Казахстан)
4. Сооружение нефтепроводов, позволяющих доставку углеводорода напрямую в Китай
5. Прямое участие в тендерах за сервисные контракты на Ближнем Востоке и Центральной Азии вместе с западными партнерами или без них (Ирак)
6. «Займы за нефть и газ» (loans for oil/gas)
7. Покупка нефти и газа на коммерческих условиях на открытом рынке.

Основываясь на анализе энергетических отношений между Казахстаном и Китаем, можно выделить ряд стратегий, которые были использованы для упрочнения позиций китайских компаний в нефтяном и газовом секторе Казахстана.

Давайте проанализируем 1 & 2 варианты. Компания CNPC инвестирует достаточно интенсивно по всему миру и уже имела операции в 29 странах мира к 2012 году. CNPC является лидером в этом отношении, но другие китайские компании тоже пытаются развить свои инвестиционные портфели в области нефтегазовой отрасли. Казахстан не вписывается ни в категорию стран, которую избегают другие инвесторы, ни в категорию стран с маргинальным интересом. Напротив, Казахстан является чемпионом по привлечению иностранных инвесторов среди стран СНГ обладающих минеральными ресурсами.

Что касается 3 варианта, то здесь несмотря на то, что Казахстан имеет большое присутствие западных инвесторов в нефтегазовом секторе, китайские компании тоже добились значительного успеха в доступе к нефтяным проектам, несмотря на то, что до

недавнего времени Китай не имел доступа к трем самым важным проектам – Тенгиз, Карачаганак и Кашаган.

Для Китая такая стратегия обеспечивает немедленный доступ к нефтяному и газовому богатству без долгих ожиданий и неопределенностей, ассоциируемых с разведывательными проектами. Это также обеспечивает доступ к производству «за издержки», нежели по мировым ценам. По этой причине приобретение активов в области добычи и разведки в стадии производства было основной частью стратегии Китая по приобретению нефти и газа Казахстана.

Для Казахстана эта стратегия помогла расширить поле внутренних инвестиций. В такой же мере как западные инвесторы помогали в начале 90х годов сбалансировать влияние России, также китайские инвесторы помогли сбалансировать влияние западных компаний. Однако теперь во многих кругах Казахстана существует опасение, что Китай стал очень влиятельным в казахстанском бизнесе, и эти опасения могут стать тормозом для новых приобретений Китая.

Вариант 4 предполагающий строительство нефтяных и газовых трубопроводов из Центральной Азии в Китай является основной частью стратегии Китая по обеспечению нефти и газа страны и их увода от западных соседей. Завершение проекта нефтепровода Казахстан-Китай обеспечит Китаю прямой доступ нефтепроводом к нефти, производимой на севере Каспия, и станет особенно важным в условиях, когда CNPC одержало победу над ONGC в приобретении доли в кашаганском проекте.

Нефте- и газопроводы в Китай очень важны для китайских инвесторов, потому что они обеспечивают низкие издержки по транспортировке и гарантированные поставки нефти и газа из Казахстана в Китай. Они также создают «момент истины» в отношениях двух стран, потому что эти нефтепроводы находятся в совместной собственности, поэтому необходимо чтобы они оперировали на уровне мощностей, обеспечивающих максимальные экономические выгоды для обоих инвесторов. Для Казахстана эти нефтепроводы являются инструментом диверсификации нефтяного и газового рынка.

Интересы китайского правительства и компаний в области нефти и газа в Казахстане основываются на факте, что обе страны имеют общую многокилометровую границу по суше, которая позволяет Китаю снизить морскую зависимость перевозки нефти от пиратства и возможных будущих блокировок от морского американского флота. Отношения между Казахстаном и Китаем также нашли преимущество в том факте, что Россия не проявляет интереса открыть доступ китайским инвестициям в области нефти и газа. (Paik, 2012).

Стратегия, которой придерживается Китай на пути доступа к нефтяным и газовым

богатствам Казахстана также включает в себя выдачу денежных займов Казахстану (Таблица 2). Эта стратегия играет важную роль, но не в такой мере, которую она играет в разных частях Африки и Латинской Америки.

Таблица 2.

Займы Китая Казахстану

Дата	Кредитор	Сумма	Заемщик	Заметки
Apr-09	CNPC	\$5.0 bn	KMG	неопределено
Apr-09	CEIB	\$5.0 bn	KDB	неопределено
Dec-09	CDB	\$2.7 bn	Самрук-Казына	перезаем Казахмысу
Feb-11	CDB	\$1.7 bn	Самрук-Казына	Часть перезаем ENRC для расширения Соколовско-Сарбайской шахты
Dec-11	CDB	\$1.34 bn	Казахмыс	Финансирование развитие новой шахты в Актогаы
Dec-11	CDB	¥1 bn	Казахмыс	Финансирование развитие новой шахты в Актогаы
Jun-12	CEIB	\$1.13 bn	KMG	Реконструкция Атырауского нефтеперерабатывающего завода
Dec-12	CDB	\$1.8 bn	КазТрансгаз	Реконструкция Бейнау- Шимкент нефтепровода
Sep-13	CDB	\$3.0 bn	Байтерек	
Sep-13	CEIB	\$5.0 bn	Байтерек	

CDB - Банк Развития Китая
 CCEIB- Экспорт-Импорт Банк Китая
 CIF - Международный Фонд Китая
 KMG - Казмунайгаз
 KDB - Банк Развития Казахстана

Источники: CGES и различные средства массовой информации.

И последний вариант – вариант 7, альтернатива для Китая в Центральной Азии по получению нефтяных и газовых активов для производства углеводородов для внутреннего потребления – покупка продукции от других производителей, как частных инвесторов, так и от государственных нефтяных и газовых компаний. Заметим, что большая часть импортируемой Китаем нефти приобретает именно таким способом. Китайские компании зачастую продают нефть, которую они производят за границей на открытом рынке также как поступают другие международные операторы. В настоящее время китайские компании не имеют обязательств доставлять производимую ими нефть в Китай для переработки и дальнейшего потребления.

5. Оценка влияния китайского присутствия на Казахстан: вместо заключения

Казахстан и Китай становятся значительными партнерами в области энергетики, со значительными инвестициями Китая в Казахстанский углеводородный сектор. (Сао и Bluth, 2012). Без сомнения, что основным фактором присутствия Китая в Казахстане является

многообещающий углеводородный сектор Казахстана, но также существует ускоренный рост экономических отношений между двумя странами. Доминирование Китая в экономике Казахстана приводит к ряду опасений о территориальной целостности, демографической и экономической экспансии Китая в Казахстане. (Асламова, 2009; Маслов и Прудник, 2007; Syroezhkin, 2011). Некоторые из них выражают озабоченность, что доминирование Китая произойдет во всех сферах деятельности (Адилов, 2006; Амрекулов, 2005; Ауэзов, 2004; Маслов и Прудник, 2007), в частности в геополитической экспансии Китая, возможного деления Казахстана между Россией и Китаем, а также поглощение Казахстана демографически, путем экономической экспансии; недостатком конкурентоспособности казахстанского промышленного сектора и сельского хозяйства и как результат усиления присутствия Китая на рынках Казахстана, постоянный рост доли Китая в казахстанском углеводородном секторе - все это будет представлять прямую угрозу казахстанским национальным интересам, возможным экологическим катастрофам от ирригационных проектов Китая (этот список взят из Syroezhkin, 2011). Конечно можно бесконечно дебатировать по поводу реалий и мифов этих опасений, однако наличие определенных фактов присутствия Китая, которые заслуживают внимания, так например, во внутренних операциях CNPC использует только китайское оборудование, что не вполне выгодно для казахстанского бизнеса, который по понятным причинам теряет часть потенциальной прибыли от этого. В дополнение к этому тенденция привоза собственной рабочей силы не может приветствоваться казахстанскими профсоюзными комитетами, которые выступают критиками иностранной компании за нежелания обеспечения рабочих мест местному населению. Дебаты китайско-казахстанских энергетических отношений много раз были на повестке для обсуждений в парламенте. К 2007 году казахстанский парламент утвердил закон, запрещающий иностранным компаниям продавать используемые ими лицензии третьим сторонам без государственного разрешения. В целом вопрос недостатка прозрачности в операциях в углеводородном секторе в Казахстане является темой постоянных политических дискуссий. Многие обозреватели выражают озабоченность по поводу недостаточной прозрачности при принятии решений по поводу распределения углеводородных запасов, прибыльности нефтепровода Китай-Казахстан, а также экологического риска. Существует определенная степень недоверия и культуры обвинения представителей Китая в Казахстане. Иногда такие обвинения могут принимать противоречивый характер и не способствовать улучшению отношений. Без сомнений, что любые инвесторы (западные или китайские) должны прислушиваться к настроениям населения и их желанию получения выгод от эксплуатации углеводородного сектора. В

долгосрочном периоде китайско-казахстанские энергетические отношения будут иметь значительное влияние на мировой энергетический рынок и согласие и взаимоуважение обеих сторон здесь просто необходимо.

Как сможет Китай изменить глобальное энергетическое уравнение в ближайшем будущем? Китай является ключевой страной в ожидаемом росте использования энергии и будет представлять более половины роста глобального спроса на нефть к 2020 году. Эти тренды значительно сместят мировые энергетические потоки с существенными геополитическими последствиями. (Jaffe, 2013). В этой связи динамика экономических и энергетических отношений между Китаем и Казахстаном была преобразована за последние десять лет и в настоящее время может быть охарактеризована как стратегическое сотрудничество.

В этой статье мы проанализировали китайско-казахстанские энергетические отношения и пришли к выводу что их долгосрочные перспективы будут иметь значительное влияние на мировой энергетический рынок. Основываясь на нашей дискуссии, мы определили стратегические цели Китая относительно казахстанских энергетических ресурсов как источника обеспечения бесперебойной энергии и диверсификации источников сырья в мировом масштабе. Основываясь на статистических данных, мы пришли к выводу, что Китай эффективно конкурирует за завоевание казахстанских углеводородных ресурсов, забирая их из других энергетических рынков (включая Европу) и это без сомнений отражается на ряде других внешних отношений.

Мы произвели netback вычисления для определения стоимости казахстанского углеводорода от месторождения до точки продажи на европейском рынке в итальянском порте Агусте. Это позволило нам определить цену, которую должен заплатить Китай, чтобы привлечь углеводородное сырье произведенное частными компаниями в Китай и увести его от европейского рынка. Высокая стоимость netback этой нефти, намного превосходящей издержки производства, четко показало, почему Китай предпочитает следовать стратегии вкладывания инвестиций в разведку и добычу казахстанского нефтяного сектора нежели покупать нефть у других производителей.

Без сомнений Китай может внушить опасения и боязнь в Казахстане в связи с активным присутствием в экономике и энергетике. Но, несмотря на это, китайско-казахстанские отношения в области энергетики и экономическая кооперация двух стран может создать хорошую основу для свободных экономических зон и развития взаимовыгодных связей для обеих сторон. В этой статье мы попытались проанализировать китайско-казахстанские энергетические отношения и пришли к заключению, что они

являются успешными на сегодняшний день - обеспечивая Китаю стабильный источник нефти и газа, создают предпосылки для диверсификации, передачи навыков и экономического роста для Казахстана.

Использованная литература

Адилов, М. (2006) В политике не бывает друзей и врагов, а есть только интересы. Республика - деловое обозрение, 3 ноября.

Амрекулов, Н. (2005) Дамоклов меч китайского дракона. Свобода слова. 8 февраля.

Асламова, Д. (2009) Китай начнет поглощать бывший СССР с Казахстана. Комсомольская Правда, 17-18 ноября.

Ауэзов, М. (2004) Началось великое переселение! Республика- деловое обозрение, 11 ноября.

CGES (2012), 'Upstream costs – do they justify high oil prices?', Centre for Global Energy Studies, London, 2012

Downs, E. (2010), 'China's Energy Rise', in Brantley Womack (ed.), *China's Rise in Historical Perspective* (Lanham, MD, Rowman & Littlefield, pp.181-198

Downs, E. (2004) 'The Chinese Energy Security Debate'. *The China Quarterly*. Vol.177. March, pp.21-41.

International Energy Agency (2013), *World Energy Outlook*, IEA, Paris, November.

International Monetary Fund (2013) *Regional Economic Outlook Update*. Asia and Pacific Department. October 11.

Jaffe A, (2013) Why China Should Start Worrying About the Mideast's 'Oil Weapon'. *The World Street Journal*. The Experts. September 26.

Jiang, Julie & Sinton Jonathan. (2011) 'Overseas Investments by Chinese National Oil Companies', IEA, Paris, February.

Kalyuzhnova Y. (2008) *Economics of the Caspian oil and gas wealth: Companies. Governments. Policies* (Basingstoke: Palgrave Press).

Kalyuzhnova, Y. and C. Nygaard. (2008) 'State governance evolution in resource-rich transition economies: An application to Russia and Kazakhstan', *Energy Policy*, 36 (6).pp 1829-1842.

Kalyuzhnova, Y., A.M. Jaffe, D. Lynch and R. Sickles ed (2002) *Energy in the Caspian Region: Present and Future*. Palgrave. 266pp.

Lee, J. (2013) 'India misses out in the Caspian again', (London: Centre for Global Energy Studies)

- Lee, J. (2009) 'China 's quest for Energy Security', (London: Centre for Global Energy Studies)
- Lee, J. (2007) 'The Future of Caspian oil exports', (London: Centre for Global Energy Studies)
- Lee, J. (2001) 'Domestic Use of Energy: oil refineries and gas processing' in 'Energy in the Caspian Region – Present and Future' Palgrave. ed. Y. Kalyuzhnova etl..
- Lee, J.(2001a) 'Prospects for Caspian Gas', (London: Centre for Global Energy Studies)
- Liao,X. (2006) 'Central Asia and China's energy Security'. *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol.4, No.4. pp61-69.
- Lo, B. (2008), *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics*, (Washington, DC, Brookings Institution Press)
- Ma, X. and P. Andrews-Speed (2006), 'The overseas activities of China's national oil companies: rationale and outlook', *Minerals and Energy*, 21, pp.1-14
- Маслов, О. и А. Прудник (2007) Казахстан начала XXI века как Польша перед 1939 годом, *Еженедельное независимое аналитическое обозрение*, 20 января.
- Mian, M. A. (2002) *Project Economics and Decision Analysis - Vol. I: Deterministic Models*, PennWell Publishing., pp. 261-262.
- Mian, M. A., (2007), 'Comparison of methods used to calculate netback value'. *Oil and Gas Financial Journal*. March 1. Volume 4. Issue 3.
- Niquet, V. (2006) 'China and Central Asia'. *China Perspectives*. 67 (September-October). pp.1-11. Online since 01 June 2007, connection on 04 June 2013. URL : <http://chinaperspectives.revues.org/1045>
- Paik, K-W. (2012) *Sino-Russian Oil and Gas Cooperation : The Reality and Implications*. Oxford University Press. Forthcoming.
- Saurbek, Z. (2008) 'Kazakh-Chinese Energy Relations: Economic Pragmatism or Political Cooperation?' *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 6, No. 1 (2008) pp. 79-93
- Stermole, F. J. and J.M. Stermole (2000) *Economic Evaluation and Investment Decision Methods*, 10th Edition, Investment Evaluations Corp., Lakewood, Colorado, USA, , pp. 480-482.
- Swanstrom, N. (2005) 'China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations?' *Journal of Contemporary China*, 14(45), Nov, pp. 569–584
- Syroezhkin, K. (2011) *China's Presence in Kazakhstan: Myths and Reality In Central Asia's Affairs*. 1(42): 17-25.

Tengrinews, (2013). Доля китайских компаний в нефтяной отрасли Казахстана в 2013 году превысит 40 процентов. January 8. <http://tengrinews.kz/money/dolya-kitayskih-kompaniy-neftyanoy-otrasli-kazahstana-2013-godu-prevyisit-40-226309/>

Жуков, С.В. и Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.:ИММО, Москва,2009

Сычева А.М., Спивак В.Ю.

**Проекты китайских нефтегазовых корпораций в государствах
Центральной Азии**

Быстрорастущая экономика КНР нуждается во все больших объемах энергетических ресурсов. Экологические проблемы КНР, вызванные потреблением угля как основного энергоносителя (см. рис. 1), заставляют Пекин искать более «чистые» виды топлива, а именно природный газ. Центральная Азия, богатая углеводородными месторождениями, уже не первый десяток лет входит в сферу интересов Китая.

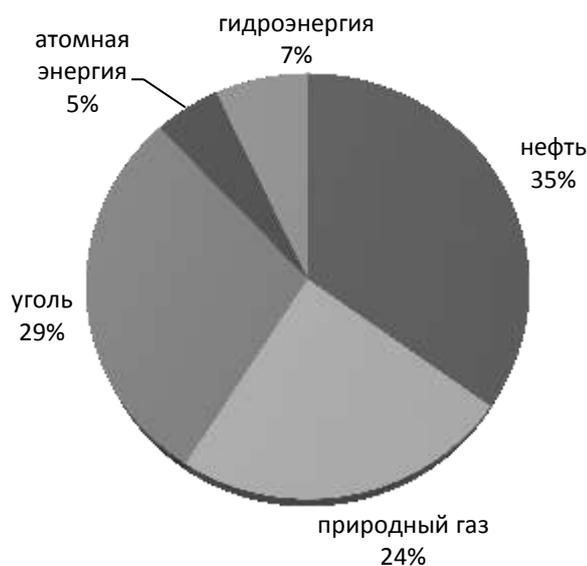

Рисунок 1. Структура топливно-энергетического баланса Китая в 2011 г.

Источник: Балабин В.Б. Место и роль Российской Федерации на мировых рынках нефти и газа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, 2011г.

В целях преодоления ощутимого ресурсного дефицита китайские нефтегазовые компании усиливают свою деятельность в соседних и близлежащих странах Центральной Азии, богатых углеводородами. Импорт газа из этого региона, как предполагают китайские специалисты, позволит увеличить потребление этого вида топлива в общей структуре энергопотребления КНР на 2%. В свою очередь, государства Центральной Азии нуждаются в идеологически не зацикленных финансово-торговых партнерах. Китайские компании действуют в регионе очень продумано, они не навязывают свою торговую политику. Китай не давит на лидеров центрально-азиатских государств в том, что касается внутренних реформ и либерализации общественной жизни. К тому же, страны Центральной Азии сами нередко инициируют конкурентные ситуации в целях извлечения всевозможных выгод и все больше стремятся разнообразить географию сотрудничества.

Богатые углеводородами государства ЦАР занялись капитализацией своих территорий, созданием инфраструктурных объектов, отводом земель для прокладки крупных трубопроводов, железных и автомобильных дорог, выставлением на рынок источников минерального и энергетического сырья.

Китай грамотно пользуется этим, он предлагает свои и подхватывает местные проекты. Таким образом, по сути, весь регион на сегодняшний день становится для Китая транзитным пространством в расчете на малоуязвимый, в сравнении с морским, сухопутный выход в Закавказье, через Каспий и дальше в Европу, на Ближний Восток, к Средиземному морю. То есть воссоздается Великий шелковый путь на новой технологической основе. Таким образом, формируются перспективные для Китая евразийские коридоры, более скоростные и дешевые, чем северные российские маршруты. Кроме того, в лице стран Центральной Азии Китай получил крупных поставщиков нужных ему ресурсов на длительную перспективу и гарантированных получателей разнообразных китайских товаров. Уже сегодня, значительные объемы нефти и цветных металлов, более половины импорта газа Китай ввозит из этого региона по удобным для него ценам.

Крупные китайские инвестиционные и кредитные средства, как правило, имеют условием приобретение китайского оборудования и техники, то есть работают на поддержание сравнительно высоких темпов роста китайской экономики.

Анализ экспансии китайских компаний в ЦАР показывает, что в КНР оформилась целенаправленная стратегия поддержки зарубежной экспансии национального бизнеса. Государственная стратегия глобального внешнеэкономического наступления осуществляется под девизом *«Идти во вне»*. Министерством торговли Китая в законодательной форме максимально упрощена процедура получения китайскими компаниями разрешения на инвестирование за рубеж. В результате к настоящему времени китайские компании, значительно расширили географию влияния и сумели разместить свои капиталы уже в 135 странах, включая Россию и страны СНГ⁴. Либерализация внешнеэкономической политики по инвестированию китайскими компаниями за рубежом, после 2000 года, привела к тому, что последние подписали более 100 двусторонних соглашений о зарубежном инвестировании.

Для осуществления внешнеэкономического инвестирования за рубежом китайским правительством используются средства суверенных фондов КНР. По данным международного Института суверенных фондов (SWF Institute) сейчас в Китае существует четыре суверенных фонда. Самый крупный из них - China Investment Corporation (CIC) с

⁴ Эксперт. - М., 2007. - N 4. - С.46.

официальным бюджетом в 575,2 млрд. долл занимает 4-ю строчку мирового рейтинга суверенных фондов по объемам валютных резервов. В отличие от многих суверенных фондов мира, активы всех инвестиционных структур КНР скопились в результате экспорта ширпотреба, а не энергоносителей.

China Investment Corporation - официальный инвестор китайских валютных резервов за рубежом. CIC подотчетен Министерству финансов КНР, откуда назначается большинство высших руководителей организации. Вся деятельность фонда направлена на то, чтобы гигантские запасы иностранных денег, которые скапливаются у КНР, приносили максимальный доход. Именно эта организация в наибольшей степени соответствует международным требованиям к суверенным фондам. С момента основания в 2007 году фонд инвестирует за рубежом и внутри страны. Для более удобного разделения работы в 2011 году были созданы две подведомственные структуры CIC: China Investment Corporation International Co., Ltd. (CIC International) для деятельности на внешнем рынке и Central Huijin Investment, Ltd. для инвестирования в основные государственные корпорации Китая.

CIC проявляет интерес и в сфере энергетики. В сентябре 2009 года CIC приобрела 45% акций российской Nobel Oil Group. В это же время корпорация выкупила 11% акций акционерного общества "Разведка Добыча «КазМунайГаз»" в Казахстане. Эта сделка хорошо укладывается в общий тренд энергетической экспансии Китая в среднюю Азию, в особенности в Казахстан.

Не взирая на определенное сопротивление со стороны западных государств, китайские инвесторы продолжают активно вкладывать деньги в зарубежные компании.

Китай пытается заявить о себе как о сильном мировом игроке и стремится войти в систему международных отношений в качестве полноценного участника проводя политику «мягкой силы»⁵.

При проведении зарубежного инвестирования в Китае существуют 4 важных условия, лишь соблюдая которые фирма может вложить деньги в зарубежное мероприятие:

⁵ Понятие «мягкая сила» ввел в теорию международных отношений профессор Гарвардского университета, американский политолог Джозеф Най. По его мнению, «мягкая сила» представляет собой использование политических идеалов и убеждений для оказания необходимого влияния на население других стран без силового, в том числе военного, давления. Согласно концепции Дж. Ная, к «мягкой силе» государства относятся экономическая модель его развития, его культура, идеология и ценностные ориентации и сила влияния в международных делах. Говоря о культурном влиянии, Дж. Най, прежде всего, имел в виду американскую массовую культуру. Внедряя в других странах свои культурные ценности, идеологию и социальный строй, США всячески пытаются выставлять их как образец поведения. Используя политику «мягкой силы», государство может влиять на объект, не отдавая команды, так как если страна воздействия верит в благоразумность твоих целей, то получится убедить сделать что угодно без применения силы или какого-либо дополнительного стимула.

- увеличение обеспеченности национальной экономики природными ресурсами;
- обеспечение экспорта национальных технологий, товаров и трудовых услуг;
- содействие приобретению в первую очередь активов, позволяющих использовать в национальной экономике результаты зарубежных исследований, технологические разработки, опыт управления и иностранных специалистов;
- поддержание слияний и поглощений, направленных на повышение конкурентоспособности китайских предприятий и ускорение их выхода на зарубежные рынки.

В качестве средств «мягкой силы» Китай использует дипломатию, экономическую помощь, включая инвестиции и торговые преференции, гуманитарную помощь, научные и образовательные программы обмена, моральные ценности и привлекательность духовной и материальной культуры традиционного и современного Китая. Наиболее значимым и эффективным инструментом "мягкого" влияния КНР являются постоянно растущие инвестиции. Подстраиваясь под потребности "мягкой силы", изменяется дипломатия КНР. Так, Китай увеличил количество встреч на высшем и высоком уровне, повысил квалификацию и профессионализм дипломатов, которые получают образование в престижных зарубежных университетах.

Также, что ни мало важно, КНР крайне обеспокоен активацией попыток проникновения Запада в ЦАР в связи с неопределенностью афганского фактора.

В 21 веке китайцы хотят создать новую экономическую зону, которая бы заняла промежуточную позицию между быстро развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой.

Председатель КНР Си Цзиньпин упомянул о концепции «экономической зоны Великого шелкового пути», выступая в Nazarbayev University (Казахстан) во время своего турне по четырем государствам Центральной Азии. Китайский лидер заявил, что КНР планирует создавать эту зону путем укрепления сотрудничества КНР со центрально-азиатскими странами в области торговли энергоносителями.

Китай считает себя непосредственно связанным с Центральной Азией через Синцзян-Уйгурский автономный район, население которого в культурном плане гораздо ближе к приграничному Казахстану. Поэтому в рамках своей политики в центрально-азиатском регионе Китай ратует за урегулирование всех спорных вопросов между странами.

Пока же объединение в рамках Великого шелкового пути не осуществилось, Китай активно использует Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве платформы для осуществления своих геополитических задач. Сотрудничество с Россией в рамках ШОС

открыло Пекину доступ в Центральную Азию, где влияние Китая с каждым годом возрастает.

В рамках своего постепенного проникновения в центрально-азиатские страны КНР реализует несколько проектов. Назовем крупнейшие из них:

Проекты КНР в Казахстане

Богатый газом и нефтью Казахстан имеет непосредственную границу с КНР и представляет наибольший интерес для Пекина.

Первая сделка китайского нефтегазового гиганта China National Petroleum Corporation (далее CNPC) была осуществлена в 1997 году, когда CNPC получила права на месторождение в районе казахского города Актобе через покупку 60,3% акций Актюбинской нефтяной компании. В составе приобретенных месторождений находятся крупнейшие нефтяные поля Казахстана Кенкияк и Жанажол. Через них сейчас проходит китайско-казахский трубопровод, который является базой для еще более крупномасштабного Трансазиатского трубопровода. В 2003 году CNPC увеличила свою долю в Актюбинской нефтяной компании до 85,42%. В настоящее время компания официально называется CNPC-Актобемунайгаз и является одной из наиболее крупных нефтедобывающих компаний Казахстана.

В том же 2003 году CNPC выкупила у саудовской нефтяной корпорации Nimir и у американской ChevronТехасо 35% и 65% акций месторождения Северный Бузачи. Однако в 2005 году российский Лукойл приобрел у Китая половину акций перспективного месторождения. В 2004 году Пекин стал обладателем половины пакета акций нефтяных месторождений Кансу и Бекстас в давно открытой Южно-Тургайской нефтеносной области.

В 2005 году CNPC приобрела 100% акций канадской нефтяной компании ПетроКазахстан, которая занималась разведкой и добычей нефти в Казахстане. Годом позднее, следуя законодательству Казахстана, китайская корпорация перепродала 33% акций правительственной компании КазМунайГаз. В этом же году CNPC передала пакет акций своей дочерней компании PetroChina. ПетроКазахстан владеет 11-ю месторождениями в стране и занимается разведкой в 5 перспективных районах.

В итоге, в настоящее время Китай по некоторым оценкам владеет до 25% общей нефтегазовой продукции Казахстана. Однако большая часть нефтегазовых месторождений, которые принадлежат КНР, разработаны уже давно и прошли пик добычи. Поэтому Пекин наиболее заинтересован в молодых шельфовых месторождениях Казахстана. В 2013 г CNPC совершила покупку 8,33% акций крупнейшего шельфового нефтегазового месторождения

Кашаган, открытого в 2000г в северной части Каспия. Это одно из самых крупных перспективных месторождений в мире, его общие запасы оцениваются в более, чем 30 млрд. баррелей нефти. Месторождение располагает солидными запасами природного газа, которые оцениваются более, чем 1 трлн. кубометров. Причём газ представляет для CNPC даже больший интерес, чем нефтяные запасы. В 11 сентября 2013г. началась разработка этого богатого месторождения.

Проекты КНР в Туркменистане

Китайская CNPC пришла в Туркменистан в 2002 году, когда был подписан договор с нефтяным концерном Туркменистана об оказании технического обслуживания по повышению нефтеотдачи на месторождении Кум-Даг. Месторождение в Кум-Даге было открыто в 1948 году и прошло пик советской добычи в 1975г., когда было извлечено 15,5 млн. тонн нефти. Однако уже после полугода работы на месторождении, китайские специалисты смогли добиться повышения объема добычи сырой нефти. После пяти лет работы в Кум-Даге китайская компания получила полный контроль над этим месторождением.

Основное сотрудничество двух стран осуществляется в рамках проекта Трансазиатского трубопровода. В 2007 году Пекин и Ашхабад пришли к важнейшему соглашению о поставках в КНР туркменского газа по строящемуся Трансазиатскому трубопроводу. В 2009 году на правом берегу реки Амударьи в Туркмении председатель КНР Ху Цзиньтао, президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, глава Казахстана Нурсултан Назарбаев и лидер Узбекистана Ислам Каримов провели открытие первого участка Трансазиатского трубопровода. Согласно договорам между сторонами, именно Туркменистан станет наиболее крупным поставщиком газа в Китай. Каждый год по Трансазиатскому трубопроводу будет проходить до 30 млрд. кубометров туркменского природного газа. В течение 30 лет Туркменистан будет поставлять Китаю до 30 млрд. кубометров природного газа с месторождения Самандепе на правом берегу р. Амударьи. В целом же, по новому газопроводу, после строительства новой ветки Туркменистан собирается поставлять Китаю до 65 млрд. кубометров своего газа к 2020 году. Это примерно столько же, сколько Туркмения ранее поставляла России.

Проекты КНР в Узбекистане

В 2006 году CNPC и компания «Узбекнефтегаз» подписали договор о совместной разведке нефти и газа на 5 разведочных блоках, площадь которых составляет 34 тыс. кв. км. Контрактные зоны расположены во впадинах Устюрт, Фергана и в долине реки Амударьи, в

районах, которые известны своими крупными запасами углеводородов. В течение 5 лет компания будет проводить разведку в этой области и планирует закончить 27 разведочных скважин.

Китай также участвует в разведке месторождений нефти и газа в Аральском море, площадь которого составляет 12 тыс. кв. км. Китайская CNPC сотрудничает с «Узбекнефтегазом», российским Лукойлом, малазийской нефтяной компанией Петронас и корейской корпорацией KNOС. Пять нефтяных гигантов образовали совместный консорциум и получили официальное разрешение от правительства Узбекистана заниматься нефтегазовой разведкой в водах Аральского моря.

С 2008г. CNPC совместно с «Узбекнефтегазом» занимается освоением относительно нового месторождения Мингбулак, открытого в 1992 г. в Наманганском районе Узбекистана. По предварительным оценкам, его запасы достигают 30 млн. тонн нефти. В таблице 1 представлены проекты компаний CNPS в центрально-азиатском регионе.

Таблица 1.

Проекты компании CNPC в государствах Центральной Азии

Страна	Месторождение	Компания	Доля %	Запасы нефти, млн. тонн	Запасы газа, трлн. м ³
Казахстан	Жанажол	CNPC	85,4	415	-
	Кенкияк (надсолевой)	CNPC	85,4	103	-
	Кенкияк (подсолевой)	CNPC	85,4	111	-
	Узеньское	CNPC	85,4	1100	-
	Северное Бузачи	CNPC	50	207	-
	Каражанбас	CNPC	44,62	340	-
	Урихтау	CNPC	50	200	0,04
	Арисское и Блиновское	CNPC	100	10,42	-
	Кумколь	CNPC	67	130	0,3
	Федоровский	CNPC	22,5	200	0,4
	Адайский	CNPC	50	100	-
	Багайдар	CNPC	20	Не раскрываются	Не раскрываются
Узбекистан	Мингбулак	CNPC	50	Не раскрываются	Не раскрываются
Туркменистан	Багтыярлык	CNPC	100	20	
	Всего (с учетом имеющихся данных)			2936,42	2,04

Источник: Индекс безопасности № 4 (99), том 17

Самым крупным проектом КНР в центрально-азиатском регионе является строительство трансазиатского трубопровода.

Рисунок 2. Трансазиатский трубопровод.

Источник: 3-я нитка Трансазиатского МГП Туркменистан - Китай может быть проложена по территории Киргизии. Журнал "Neftegaz.RU", 05 августа 2013г. <http://neftegaz.ru/news/view/112066/>

Пекин предполагает связать страны Центральной Азии и Китай через Трансазиатский трубопровод. Этот трубопровод позволит КНР удовлетворять значительную часть своих потребностей в углеводородах. Также проект позволит укрепить сотрудничество Китая с центрально-азиатскими государствами в нефтегазовой отрасли и усилить влияние КНР в регионе. В настоящее время в проекте Трансазиатского трубопровода участвует 4 государства: Туркменистан, Узбекистан, Казахстан и Китай. Однако изначально о сотрудничестве договаривались лишь Казахстан и Китай. Именно газопровод Казахстан-Китай является базовым для всего трансазиатского проекта.

Протяженность Трансазиатского трубопровода составит 1833 км. Таким образом, это будет самым длинным газовым трубопроводом в мире. На данный момент трубопровод уже имеет две линии («А» и «В») и тянется от правого берега реки Амударьи на территории Туркменистана, проходит по центру Узбекистана и югу Казахстана и соединяется с китайским трубопроводом Запад-Восток в Синцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Две линии газопровода А и В были открыты 26 октября 2010 года. В настоящий момент их пропускная способность составляет 23 млрд. кубометров в год. Далее газ идет к центру южного Китая, в дельту рек Янцзы и Чжуцзян. В процессе строительства находится третья

линия трубопровода «С». Также к 2016 году планируется протянуть четвертую линию «D», которая в отличие от остальных пройдет через территорию Киргизии.

Китайские специалисты планируют, что в будущем пропускная способность увеличится до 50-60 млрд. кубометров в год. Общая сумма международных инвестиций в данный проект по разным оценкам составит порядка 7,31 млрд. долл.

В сентябре 2013 года новый председатель КНР Си Цзиньпин и президент Казахстана Назарбаев торжественно открыли первый участок второй очереди китайско-казахского трубопровода. Вторая очередь проекта берет начало в Бейнеу Мангистауской области Казахстана и соединяется с газопроводом Китай – Центральная Азия в Чимкенте Южно-казахстанской области, её протяжённость – 1475 км, проектная пропускная способность – 10 млрд. кубометров в год, и может быть расширена до 15 млрд. кубометров в год, чтобы удовлетворить спрос КНР на газ южного Казахстана.

На саммите ШОС в Бишкеке в сентябре 2013 года была достигнута договоренность между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Киргизии Алмазбеком Атамбаевым о строительстве линии D Трансазиатского трубопровода, которая пройдет через территорию Киргизии.

Основной поток туркменского газа пойдет по еще не построенной линии Трансазиатского газопровода «D» (планируется, что линию проложат к 2016 году). Трубы будут прокладывать через территорию Киргизии, которая также получит доступ к более дешевому газу из Туркмении. Таким образом, Киргизия не будет в такой степени зависеть от дорогостоящих поставок из Узбекистана, что может повлечь трения между двумя странами. Такая ситуация поставит Китай в позицию арбитра на среднеазиатской арене и возвысит его авторитет в регионе.

Трансазиатский газопровод – первый проект, который осуществляется в обход России (за исключением участия российского «Стройтрансгаза» в строительстве туркменского участка трубопровода). Прямая связь с газоносными странами Средней Азии снижает зависимость Китая от российского газа. Цена на наш газ выше, чем на туркменский или казахский, плюс, РФ и КНР с 2006 года не могут договориться о конкретной цене на российский газ.

Литература

1. Аванян Э.А., Смирнова В.А., Халова Г.О. Проблемы и перспективы деятельности Российских нефтегазовых компаний в центрально-азиатском регионе: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 180 с.
2. Г.О. Халова, А.М. Сычева, В.Ю. Спивак. Деятельность китайских нефтегазовых компаний в государствах Центрально-Азиатского региона. Журнал «Нефть, газ и бизнес», №12 2013 г.
3. Гревцова А. Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН [Текст] / А. Н. Гревцова // Молодой ученый. — 2012. — №3. — С. 313-315.
4. Исследовательская компания «Abercade».
<http://www.abercade.ru/research/analysis/982.html>
5. <http://opinion.huanqiu.com>
6. Китайская национальная нефтегазовая корпорация
<http://www.cnpc.com.cn/cn/ywzx/gjyw/Kazakhstan>
7. Китайская национальная нефтегазовая корпорация
<http://www.cnpc.com.cn/cn/ywzx/gjyw/Turkmenistan>
8. Китайская национальная нефтегазовая корпорация
<http://www.cnpc.com.cn/ru/gszyels/wzbkst/>
9. “China Investment Corporation: Recent Developments in Performance, Strategy, and Governance” U.S.-China Economic and Security Review Commission 2013
10. “Chinese sovereign wealth funds: past, present and future” Yann Marin
11. Китайская инвестиционная корпорация http://www.china-inv.cn/about_cic/aboutcic_overview.html
12. Китайская инвестиционная корпорация http://www.china-inv.cn/include/resources/CIC_2012_annualreport_cn.pdf
13. Институт суверенных фондов <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>
14. Институт суверенных фондов <http://www.swfinstitute.org/swfs/china-investment-corporation/>
15. Институт суверенных фондов <http://www.swfinstitute.org/swfs/safe-investment-company/>
16. Нобель Ойл Групп <http://www.nobelholdings.com/news/?id=9509>

Инвестиции японских компаний в энергетический сектор государств ЦАР

I. Введение. Определение региона Центральной Азии

Регион Центральной Азии начал играть ключевую роль во внешней политике Японии сразу же после получения независимости от Советского Союза в 1991 году. Обсуждая японские инвестиции, а именно в энергетическом секторе ЦАР, важно видеть комплексный подход японского правительства в ранние 90-е, который способствовал надлежащему климату для входящих японских инвестиций за счет расширения объемов иностранной помощи и технической поддержки. Мы должны осознать, что японские корпорации не преследуют цель самостоятельно завладеть громадными энергетическими ресурсами региона и другими прибыльными секторами для бизнеса, в первую очередь происходит разработка долгосрочной политики расширения государственных займов, иностранной помощи, грантов и технической поддержки. В некоторых странах такой подход все еще продолжает подводить инвестиционный климат к мировым стандартам – например в Кыргызстане Япония по-прежнему на третьем месте, после США и Германии по объемам иностранной помощи.

Определяя регион Центральной Азии, с точки зрения инвестиционных назначений, японским корпорациям следует учитывать, что термин «Центральная Азия» больше не относится только к пяти постсоветским республикам, таким как: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, сегодня этот термин приобретает геополитическое значение, выходя за пределы географического. Учитывая значительную финансовую поддержку со стороны Японии таким странам как Афганистан или Монголия, ожидается, что эти рынки будут формировать существенную часть бизнес-портфеля Японии в ближайшие годы. За последние 20 лет прослеживается взаимосвязь между правительством и корпорациями в проявлении интереса к Центральной Азии и в этой статье упоминаются примеры успешных инвестиционных проектов среди минерально-сырьевых добывающих проектов. Хотя такие инвестиционные направления как Азербайджан на сегодня не связаны географически с регионом Центральной Азии, проект нефтедобычи Азери – Чираг – Гюнешли (АЧГ), на шельфе Каспийского моря у Азербайджана, задал тон японскому корпоративному присутствию в регионе. Эта статья рассматривает отдельные страны региона с конкретными примерами японской деятельности в их энергетическом секторе. Обсуждаются также видимые недостатки в инвестиционном климате отдельных стран,

которые сегодня могут помешать более активному подходу со стороны японских корпораций.

Рисунок 1. Корпоративное восприятие региона Центральной Азии

II. Причины интереса Японии к Центральной Азии

Япония все чаще рассматривает ЦАР не только как кластер 5 бывших советских республик, но также с точки зрения развития рынков Афганистана и Монголии. [1, с. 8] Это не только из-за их географического соседства, но и из-за взаимосвязанных бизнес вопросов - если, например, мы говорим о разработке углеводородных ресурсов в Туркменистане или Таджикистане, мы не можем игнорировать транспортный потенциал Афганистана. Если учитывать все более недоброжелательное отношение Китая к экспорту жизненно важных минеральных ресурсов в Японию, то нам нужно искать возможности в других местах, например, в Монголии, для балансировки новых внутренних потребностей.

Интерес Японии к Центральной Азии резко возрос после 1997 года, когда японский премьер-министр Хашимото определил новую государственную политику по отношению к региону, получившую название «Дипломатия Шелкового пути». Новый подход включал активный политический диалог, увеличение объемов экономического сотрудничества и активную роль в поддержании политической стабильности в регионе. [11, с. 2] В то время как мы должны четко различать помощь японского правительства в виде низкопроцентных государственных займов, денежных грантов и технической помощи от коммерческого кредитования, способствующих вхождению японских компаний в регион, без участия государства, как покажут дальнейшие примеры, японские корпорации просто не могли бы использовать эти назначения для бизнеса. Япония совмещала комбинированную поддержку,

корпоративное присутствие и расширение образовательных грантов для обучения в Японии, с целью повышения осведомленности об японских бизнес-потребностях, способствуя необходимому пониманию среди местного населения. Определяя секторы, которые получили наиболее прибыльные проекты, следует отметить, что развитие инфраструктуры и фокусирование на богатых природных ресурсах региона идут рука об руку в деятельности японских корпораций.

Что касается постсоветского региона Центральной Азии, помимо активного политического диалога с руководством каждой из республик в 1990-е годы, японское правительство, по сути, открыло путь для корпоративного ввода его корпораций с различными финансовыми инструментами, в том числе с помощью японского правительства в виде кредита на сумму до 2 миллиардов долларов, финансовых грантов, в размере 600 миллионов долларов, а также ряда коммерческих кредитных средств, предоставленных Японским банком международного сотрудничества (JBIC). [1, с. 4]

ЦАР также стал новым партнером для Японии, определяя отношения с крупными географическими соседями РФ и Китаем, а также регионом, где велась более независимая внешняя политика с целью исторического союза с США. При значительном военном присутствии на протяжении многих лет в КРГ, УЗБ и АФГ, США тем не менее, продолжает формировать определенные аспекты в понимании Японией реалий ЦАР.

Здесь я должен упомянуть о текущей программе правительства по обеспечению достаточных запасов стратегических ресурсов с целью поддержания функционирования японской экономики на определенный период времени, в случае войны, локальных конфликтов, внутренних беспорядков, стихийных бедствий или трудового спора. [24] В 2011 году событиями на атомной электростанции Фукусима были затронуты текущие балансы энергоносителей. В то время как нефть (в виде сырой нефти и различных видов топлива) вместе с СУГ всегда играла важную роль среди энергоносителей, сегодня стратегические ресурсы расширены до 9 металлов, которые необходимы в ключевых секторах экономики, таких как автомобилестроение и производство электротехники, авиация, медицина и электроэнергетика.

Рисунок 2. Хранилище Акита Петролеум
Источник: www.jogmec.go.jp

Рисунок 3. Хранилище СУГ, Камису
Источник: www.jogmec.go.jp

III. Добыча углеводородов Японией в области Каспийского моря – краеугольный камень успеха

Говоря о японском корпоративном вступлении в регион ЦАР, мы не можем игнорировать успешную работу нефтедобывающей промышленности на Каспии, чему, естественно, способствует географическое положение ЦАР.

Среди наиболее успешных зарубежных проектов апстрима, реализованных японскими корпорациями (с участием как частного так и правительственного сектора), хотелось бы выделить разработку месторождения ACG в Азербайджане и Кашаганского месторождения в Казахстане.

Регулируемая правительством Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам (JOGMEC) принимала участие в финансировании геологоразведочных работ, в долевым финансировании и кредитных гарантиях, японские корпорации «Иточу Азербайджан» (Itochu Oil Exploration Azerbaijan Inc.) и «Инпекс Юго-западный Каспий ООО» (INPEX Southwest Caspian Sea Ltd.) проводили производство в консорциуме, во главе с ВР.

Позвольте мне отметить, что сегодня, разработка Каспийского моря становится все более важной для других стран региона, а именно Туркменистана, который начинает укреплять свои экономические связи с Японией. С учетом новых сделок в нефтехимической промышленности, подписанных во время визита президента Туркменистана в Японию в сентябре этого года, японское корпоративное присутствие в Туркменистане в будущем вовлечет также и апстрим Каспия.

IV. Японские инвестиции в Казахстан

В 1990-х годах большая часть японской правительственной помощи для Казахстана была направлена в проекты минимизации последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, а также в проекты, предотвращающие экологическую катастрофу в окрестностях Аральского моря.

Японский выход на азербайджанский шельф способствовал строительству трубопровода Баку - Тбилиси – Джейхан, с японским финансированием. Японские корпорации сегодня также активны на казахстанском шельфе Каспийского моря. Следует отметить, что трубопровод БТД сегодня экспортирует на европейский рынок запасы казахстанской и туркменской нефти.

На сегодняшний день Казахстан получил наиболее значимые вложения японских корпораций в экономику, с общим объемом прямых иностранных инвестиций из Японии, достигающих почти 4 млрд. долларов США и присутствием 47 японских корпораций в стране. [11, с. 3] Еще за год до событий на Фукусиме, эта страна могла стать источником урана для покрытия 30% японских потребностей по производству ядерного топлива (другие значимые поставщики: Намибия, Республика Нигер, Канада и Австралия). Интерес японских корпораций распространяется сегодня также на огромные залежи редкоземельных металлов, найденных в этом регионе.

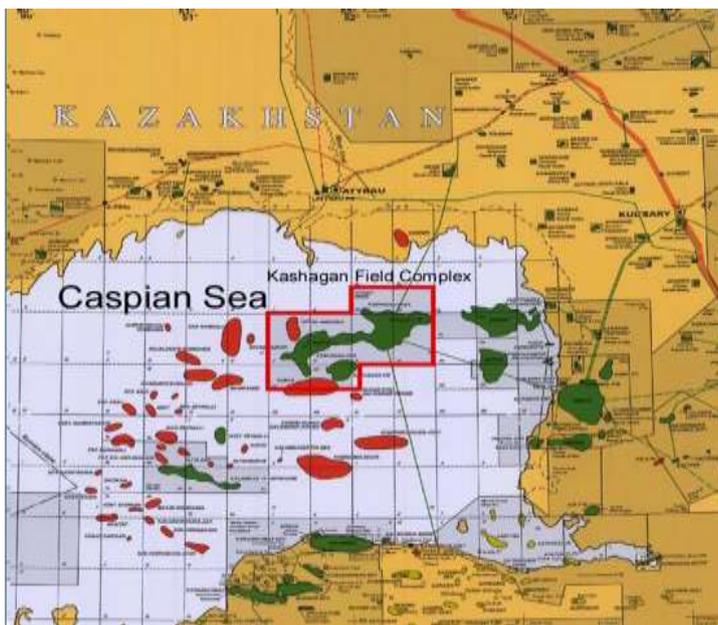

Рисунок 4. Карта Кашаганского месторождения
Источник: www.erewise.com/current-affairs

V. Японские инвестиции в Узбекистан

В то же время, хотя финансовая помощь и техническое содействие Узбекистану были наибольшими среди стран ЦА, японские корпорации еще не использовали весь потенциал этой страны. По последним данным Японская национальная корпорация нефти, газа и металлов начала геологоразведку урановых месторождений на северо-западе региона Новаи, что может привести к подписанию соглашения о разделе продукции в течение 5 лет. Хотя первоначальный Меморандум о взаимопонимании в отношении исследований урановых месторождений между Японией и Узбекистаном был подписан в 2007 году, в условиях постфукусимы японское правительство не объявило о начале геологоразведочных работ в 2013 году - и это показатель того, насколько важным остается сектор ядерной промышленности для развития японской экономики в 21-м веке.

В течение последних 3 лет были сделаны объявления о вступлении японских корпораций в разработку месторождений сланцевой нефти и редкоземельных металлов. Японские корпорации также приняли активное участие в строительстве Ферганского НПЗ и поддерживают интерес к программе по производству синтетического жидкого топлива, первый раунд которой прошел в малазийской компании «Petronas». Узбекская сторона подтверждает свою готовность развивать альтернативные источники энергии, а именно солнечную энергию. Прямые инвестиции в Узбекистан с Японии (в том числе в автомобильный завод в Самарканде) сегодня достигли 2,3 млрд. долларов США. [10, с. 2]

Рисунок 5. Область Навои, где происходит разведка урановых месторождений
Источник: www.jogmec.go.jp/english/news/release/release0023.html

VI. Японские инвестиции в Туркменистан

Инвестиционный потенциал энергетического сектора Туркменистана до сих пор не реализован полностью. Основной прорыв произошел после визита президента Бердымухаммедова в Японию в сентябре этого года, где были подписаны рамочные соглашения в секторе переработки углеводородов. Здесь я должен отметить, что туркменская сторона ожидает финансирования из Японии, но процесс выделения надлежащего финансирования среди японских банков и корпораций может занять некоторое время – так как для многих проектов Туркменистан предлагает оплату в виде продуктов, а не наличными деньгами. Проекты, относящиеся к переработке газа на компоненты удобрений и для производства химических веществ, необходимы углеводородной промышленности. Некоторые из проектов действительно получили финансирование, например, завод по производству аммония и мочевины (450 миллионов долларов займа ЯБМС), а также завод по производству серной кислоты (200 млн. долларов США займа ЯБМС). [14, с. 3] Япония, учитывая ее географическое положение, не стремится экспортировать туркменский газ для собственных нужд, она скорее сосредоточится на потенциальном экспорте продукции с добавленной стоимостью, в которой газ используется в качестве сырья. [14, с. 2]

Учитывая личные отношения между бывшим президентом Ниязовым и двумя японскими корпорациями Иточу и Комацу, эти корпорации в период с 2002 по 2010 год поставляли огромные объемы тяжелой техники для обеспечения строительства газотранспортной инфраструктуры в стране. [14, с. 3]

Выход японских корпораций на апстрим, особенно в Каспийском море, до сих пор не состоялся. Не существует никаких сомнений, что успешное и активное присутствие японских корпораций на азербайджанском шельфе Каспия может помешать разработке туркменского шельфа – так как территориальные вопросы по месторождению АЧГ между АЗ и ТКМ еще не решены.

Breakdown of Turkmenistan's natural gas exports (2012)

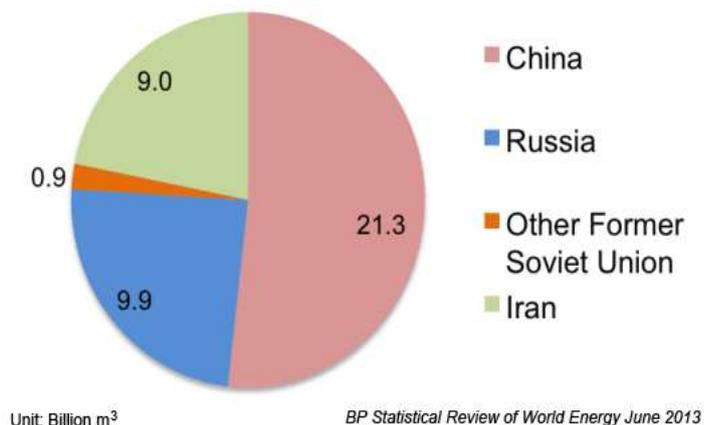

Рисунок 6. Экспорт природного газа Туркменистаном

Источник: ВР Статистический обзор мировой энергетики, 2013

VII. Японские инвестиции в Кыргызстан

Кыргызстан представляет страну ЦА с, вероятно, наиболее дружественными отношениями с Японией, несмотря на его относительно небольшую численность населения. Япония была одной из первых стран, которая получила безвизовый режим с Кыргызстаном, с возможностью неограниченного пребывания в стране по прибытии.

В то время как Япония является третьим по величине донором иностранной помощи и содействия стране после США и Германии, вступление японских корпораций в экономику до сих пор не реализовано. В недавней дискуссии с послом Японии в Бишкеке было выявлено, что многочисленные революции и продолжающийся антагонизм между киргизами и узбекским населением затрудняют признание страны безопасным местом для инвестиций. Но страна имеет большой плюс - ее статус членства в ВТО теоретически делает ее идеальным местом для инвестиций сегодня, и это видно по количеству ввозимых японских автомобилей в Кыргызстан.

Я должен также упомянуть, что в течение длительного периода времени, в Центральной Азии отделение Европейского банка реконструкции и развития возглавляли японские руководители. Япония, как основной акционер ЕБРР, сыграла важную роль в принятии решений этой транснациональной организации по распределению финансирования не только для Кыргызстана, но и для других стран ЦА. [12, с. 4] В настоящее время 42% от финансирования со стороны ЕБРР выделяется для энергетического сектора Кыргызстана. [21, с. 2]

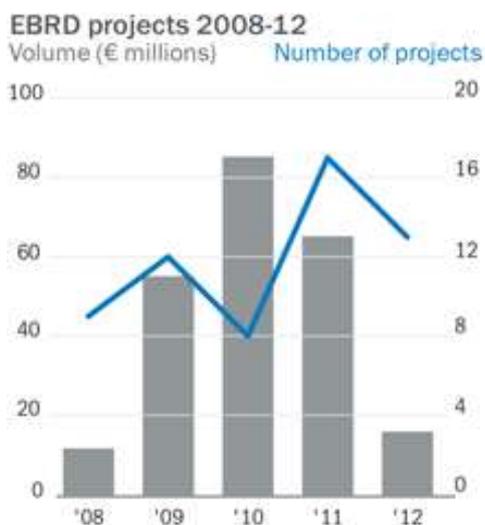

Рисунок 7. Проекты ЕБРР в Кыргызстане, 2008-2012

Источник: www.ebrd.com/pages/country/kyrgyzrepublic.shtml

VIII. Японские инвестиции в Таджикистан

Таджикистан является единственной страной из пяти постсоветских республик Центральной Азии, которая пострадала от гражданской войны и которая еще не восстановилась. [13, с. 2] В то время как Япония оказала помощь стране с ее попытками восстановления национальной инфраструктуры после гражданской войны, очень мало что произошло в области японского корпоративного вступления (правда, были реализованы некоторые незначительные проекты пищевой промышленности). [13, с. 4]

Рисунок 8. Тегис, Бохтарский район разведки природного газа

Источник: www.ogj.com/articles/print/volume-111/issue-5/exploration---development/tajikistan-pamir-pipedream-or-new.html

IX. Японские инвестиции в Монголию

Новые энергетические потребности Японии, связанные с периодом пост-Фукусимы, показали, что Япония все еще должна рассчитывать на международные источники угля, импорт которых увеличился за последние 2 года. В то время как Индонезия по-прежнему является на сегодня крупнейшим поставщиком в Японию, в угольном месторождении Таван Толгой в Монголии начались геологоразведочные работы Японской национальной корпорации по добыче газа, нефти и металлов. Поиск распространяется также на уран, медь и месторождения редкоземельных металлов.

Рисунок 9. Схема совместной разработки в Монголии

Источник: JOGMEC [4, с. 11]

X. Японские инвестиции в Афганистан

Учитывая огромную финансовую помощь Афганистану в 4,8 млрд. долларов США в целях реконструкции инфраструктуры, сельского хозяйства, сфер безопасности и образования [2, с. 2], страна хорошо знакома с японским присутствием в не-корпоративном секторе. Учитывая текущие потребности экономики Японии, в центре внимания сначала окажутся, скорее всего, огромные неосвоенные природные ресурсы, включая руду, драгоценные и редкоземельные металлы, а также поставки оборудования для электроэнергетики страны.

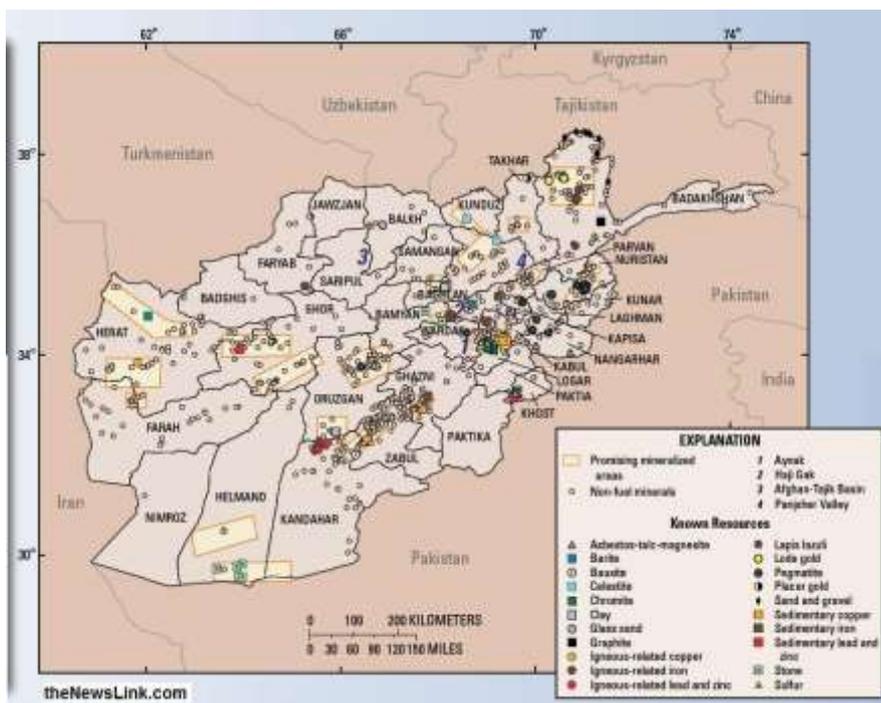

Рисунок 10. Прогнозируемые минеральные ресурсы Афганистана
 Источник: <http://minerals.usgs.gov/granted.html>

XI. Текущие недостатки в инвестиционном климате соответствующих стран Центральной Азии

После постранового описания текущего японского корпоративного статуса в регионе ЦА, я хотел бы суммировать проблемы, которые, на мой взгляд, мешают сегодня более активному японскому присутствию в экономиках стран региона.

На недавнем инвестиционном семинаре в Токио, посвященном странам СНГ, крупный международный аудитор обратил внимание участников на тот факт, что сейчас на высший пост в Казахстане есть 25 потенциальных претендентов, то есть 25 различных способов понимания того, что стране нужно от иностранных инвесторов.

В Узбекистане, где до сих пор не представляется возможным экспатриация капитала или любых других доходов от инвестиционного проекта, основное внимание японских компаний будет уделяться вопросу, когда Центральным банком будет разрешена полная конверсия местной валюты, с уходом от нынешней системы из 3 различных курсов валют, значительно отличающихся друг от друга.

В то время как на политическом уровне отношения между Японией и Туркменистаном находятся на историческом максимуме, без глубокой подгонки страны к международным инвестиционным стандартам может быть трудно дотянуть проекты до

полного завершения. Это вопрос для каждого инвестора страны - как бороться, например, с налоговым управлением, когда корпоративные или другие налоги могут быть, с одной стороны, аннулированы верхними представителями власти, а с другой стороны, компании могут сталкиваться с никогда не заканчивающимися административными барьерами.

В Кыргызстане вопрос ставится более открыто – «Намерена ли страна бесконечно поддерживать китайские инвестиции в природные ресурсы, в то время, как другие компании могут очень мало что предпринять из-за их желания играть по более справедливым правилам?»

Таджикистан все еще не полностью восстановил отношения с соседними странами - только его готовность сотрудничать в региональных инфраструктурных проектах (включая энергетику) поднимет его статус, как получателя инвестиций.

Монголия еще не полностью соответствует международным требованиям, за исключением горнодобывающей промышленности. Только реформирование законодательства по охране окружающей среды может побудить японские корпорации к рассмотрению участия в монгольских проектах.

В Афганистане, в то время как основные препятствия эпохи пост-гражданской войны преодолены, любой международный бизнес озабочен прекращением международного военного присутствия, гарантирующего определенный уровень безопасности.

XII. Заключение. Перспективы сотрудничества Япония – Центральная Азия

Я хотел бы подчеркнуть непреходящую значимость японского бизнеса для экономики стран Центральной Азии, которые могут использовать японское экономическое присутствие в качестве индикатора зрелости их инвестиционного климата. К тому же, географическая близость Центральной Азии с Японией делает ее идеальным партнером в решении многих экономических проблем и потребностей, с которыми столкнулась Япония. Если мы сравниваем разнообразие и объем природных ресурсов в Центральной Азии и Южной Америке, то взглянув на карту можно сказать что, с точки зрения японских корпораций, будет иметь более высокий приоритет.

Сильные экономические отношения со странами ЦА также укрепляют региональный альянс против Китая, который не всегда хочет контактировать с Японией на условиях равноправного партнерства.

Следует также не забывать, что многие из японских военнопленных были интернированы в страны ЦА, а именно Казахстан и Узбекистан, после Второй мировой войны, и в этих странах были построены длительные местные межличностные отношения. [11, с. 2]

Политика японских корпораций направлена на увеличение своей доли рынка на международном уровне, так как ЦАР с его 80-миллионным населением является важным рынком сбыта как конечной продукции, так и инвестиционных товаров.

Со стратегическими энергетическими и природными ресурсами, найденными в регионе, эти страны представляет собой идеальную возможность применить новейшие технологии и инновационные процессы для извлечения и использования востребованных ресурсов.

И, наконец, с нынешними дискуссиями по возрождению блоков в Советском стиле в виде Таможенного союза или Евразийского экономического союза, страны ЦАР будут иметь одну из самых важных ролей как деловых партнеров для японских корпораций в области пост-СССР.

Список использованных источников:

Рахимов, Мирзохид. Центральная Азия и Япония: Взаимное сотрудничество и перспективы более широкого партнерства. Журнал «Journal of Eurasian Studies». Октябрь 2013.

(www.elsevier.com/locate/euras, www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000328)

Помощь Японии в Афганистане (презентация). Министерство иностранных дел Японии. Март 2013. (www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/pdfs/japan_assistance.pdf)

Металлы – деятельность JOGMEC (презентация). Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам.

Июль 2012. (www.jogmec.go.jp/content/300059711.pdf)

Кунитомо, Хиротоши. Геолого-разведочные работы JOGMEC по поиску полезных ископаемых в Монголии (презентация). Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам. Август 2010.

(http://mric.jogmec.go.jp/kouenkai_index/2004/JOGMECs_MineralExploration_inMonngolia.pdf)

Катаяма, Хироюки. Роль JOGMEC в обеспечении поставок критических минералов (презентация). Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам. Ноябрь 2012.

(http://dnr.alaska.gov/commis/priorities/Slides/Hiroyuki_Katayama.pdf)

Хишида, Хадзиме. Роль и деятельность отдела по металлам JOGMEC. (презентация). Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам. Апрель 2010.

(<http://investimentos.mdic.gov.br/public/arquivo/arq1274106828.pdf>)

Тематическое руководство по горному делу JICA. Японское агентство международного сотрудничества. Февраль 2005.

([http://gwwweb.jica.go.jp/km/FSubject0901.nsf/50e70e491615c34a492571c7002a982d/7229f3298e0989d492570a7000d02bc/\\$FILE/JICA%20Thematic%20Guidelines%20on%20Mining.pdf](http://gwwweb.jica.go.jp/km/FSubject0901.nsf/50e70e491615c34a492571c7002a982d/7229f3298e0989d492570a7000d02bc/$FILE/JICA%20Thematic%20Guidelines%20on%20Mining.pdf))

Проблемы японской внешней политики и Азия - Центральная Азия 20 лет после независимости: политическая и экономическая ситуация и проблемы. Институт международных исследований и обучения. Апрель 2012. (www.iist.or.jp/en-m/2012/0206-0841)

Танака, Тецуджи. Центральная Азия и Япония: Часть 1. Обзор Центральной Азии и Южного Кавказа – повторное воссоединение Центральной Азии и Южного Кавказа! Институт международных исследований и обучения. Апрель 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0218-0889>)

Шимизу, Манабу. Центральная Азия и Япония: Часть 2. Геополитическое значение Узбекистана и выбранная стратегия перехода. Институт международных исследований и обучения. Май 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0219-0892>)

Цунозаки, Тошио. Центральная Азия и Япония: Часть 3. Казахстан, земля степей. Умелое использование богатых ресурсов и сбалансированная внешняя политика. Институт международных исследований и обучения. Июнь 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0220-0895>)

Наказава, Кенджи. Центральная Азия и Япония: Часть 4. Кыргызская Республика – страна озер и Шёлкового пути у подножья Тянь-Шаня. Институт международных исследований и обучения. Июнь 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0221-0898>)

Инагаки, Фумияки. Центральная Азия и Япония: Часть 5. Таджикистан – горная страна водного Шёлкового пути. Восстановление после гражданской войны. Институт международных исследований и обучения. Август 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0222-0902>)

Инагаки, Фумияки. Центральная Азия и Япония: Часть 6. Туркменистан – нейтральная страна природного газа и пустынь. Институт международных исследований и обучения. Сентябрь 2013. (<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0223-0905>)

Хиросе, Йоко. Центральная Азия и Япония: Часть 7 (окончательная). Южный Кавказ и страны Южного Кавказа. Их стратегическое значение и сложности как точки пересечения

цивилизаций и энергий. Институт международных исследований и обучения. Октябрь 2013.
(<http://www.iist.or.jp/en-m/2013/0224-0908>)

Кунимото, Хиротоши. Стратегические системы поддержки для горнорудной деятельности JOGMEC. (презентация) Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам. Март 2011. (http://mric.jogmec.go.jp/kouenkai_index/2004/JOGMEC_Kunitomo.pdf)

ЕБРР Азербайджан, справочная публикация. Июнь 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/azerbaijan.pdf>)

ЕБРР Казахстан, справочная публикация. Март 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/kazakhstan.pdf>)

ЕБРР Узбекистан, справочная публикация. Март 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/uzbekistan.pdf>)

ЕБРР Туркменистан, справочная публикация. Март 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/turkmenistan.pdf>)

ЕБРР Республика Кыргызстан, справочная публикация. Март 2013.

(www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/kyrgyzrepublic.pdf)

ЕБРР Таджикистан, справочная публикация. Март 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/tajikistan.pdf>)

ЕБРР Монголия, справочная публикация. Январь 2013.

(<http://www.ebrd.com/downloads/research/factsheets/mongolia.pdf>)

Программа по обеспечению запасов. Японская национальная корпорация по нефти газу и металлам. (www.jogmec.go.jp/english/stockpiling)

Золина С.А., Сеницын М.В.

**Прогноз нефтедобычи в Казахстане с помощью кривой Хубберта:
возможности и ограничения методологии**

По объему добычи нефти в 2012 г. Казахстан занимал 17 место в мире (81,3 млн. т), а по объему доказанных запасов – 12 место в мире (3,9 млрд. т)⁶. При этом по доказанным запасам конвенциональной нефти вне ОПЕК Казахстан занимал второе место после России (рисунок 1). По прогнозам ведущих энергетических агентств⁷ к 2035 г. Казахстан может нарастить добычу в 2,3 раза по сравнению с 2012 г. до 184,2 млн. т, что сделает его важным игроком мирового рынка.

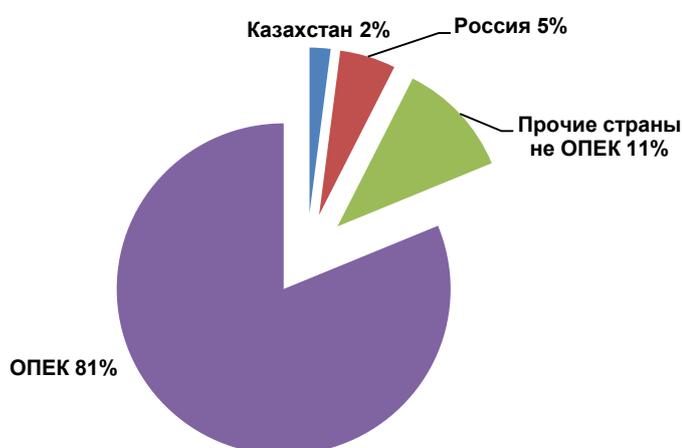

Рисунок 1. Доля Казахстана в мировых доказанных запасах конвенциональной нефти, 2012 г., %

Источник: расчеты на основе ОПЕК Annual Statistical Bulletin 2013.

Прогноз нефтедобычи в долгосрочном периоде имеет важнейшее значение для понимания перспектив экономического развития Казахстана. За 8 месяцев 2013 г. доля доходов от экспорта нефти в общих экспортных доходах составила 54%⁸. Так как доходы бюджета формируются в значительной мере за счет нефтегазового сектора, то важно знать временную структуру их поступления.

⁶ BP Statistical Review of World Energy 2013.

⁷ World Energy Outlook 2013. IEA

⁸ Расчет по данным Агентства Республики Казахстан по статистике. Экспорт Республики Казахстан отдельных товаров, средние цены и Внешнеторговый оборот по месяцам. http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersForeignTrade?_afzLoop=75609049111861&_afzWindowMode=0&_afzWindowId=p7dslweu0_242#%40%3F_afzWindowId%3Dp7dslweu0_242%26_afzLoop%3D75609049111861%26_afzWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dp7dslweu0_258

В настоящей статье предпринята попытка спрогнозировать казахстанскую нефтедобычу в долгосрочном периоде, опираясь на разные методы. Для Казахстана одной из главных трудностей при прогнозировании нефтедобычи является неопределенность относительно запасов нефти. Сравнение авторитетных международных баз данных за разные годы показывает, что оценки доказанных запасов нефти в стране постоянно меняются (таблица 1). Большие различия в оценке запасов приведут при моделировании к значительным сдвигам в прогнозном временном профиле добычи.

Таблица 1.

Оценка доказанных запасов нефти в Казахстане в 2000, 2006 и 2012 годах, млн. т

	2000	2006	2012
BP 2004	1091		
BP 2007	3413	5434	
BP 2013	737	1228	4093
ОПЕК 2013	3413	5434	4093

Источник: составлено по данным BP Statistical Review of World Energy June 2004, June 2007, June 2013; OPEC Annual Statistical Bulletin 2013.

Все расчеты в настоящей работе выполнены для двух сценариев по запасам нефти в Казахстане: базового – 4093 млн. т⁹ и оптимистического – 5434 млн. т¹⁰.

В методологическом плане работа опирается на модель с использованием кривой Хубберта. Однако такой подход имеет ряд ограничений. Во-первых, при растущей добыче (до достижения пика) моделирование чувствительно к величине первоначальных запасов.

Во-вторых, кривая Хубберта строится с учетом только геологической информации: погодовой и накопленной добычи, а также величины максимальных извлекаемых запасов. При этом не принимаются во внимание важные рыночные факторы, напрямую влияющие на добычу, например, цена нефти.

В-третьих, модель с кривой Хубберта дает на уровне рассматриваемой страны в целом релевантные результаты, если в стране имеется довольно большое число месторождений, а концентрация запасов невысока. Иначе говоря, запасы более или менее равномерно распределены по месторождениям. Первоначально кривая строилась для каждого американского месторождения, а затем индивидуальные кривые суммировались по стране в целом. При этом агрегированная модель дала эффективные оценки для США. Однако для

⁹ BP Statistical Review of World Energy 2013.

¹⁰ BP Statistical Review of World Energy 2007.

стран, в которых запасы сосредоточены на нескольких крупных месторождениях, суммирование индивидуальных моделей дает более адекватную оценку, нежели агрегированная модель. В Казахстане разрабатываются два очень крупных месторождения – Тенгиз и Карачаганак, которые к 2013 г. обеспечили 40% совокупной накопленной нефтедобычи страны¹¹. Вводимое в оборот гигантское месторождение Кашаган содержит примерно столько же доказанных запасов нефти, сколько два этих крупных разрабатываемых месторождения.

Наконец, модель не учитывает инфраструктурные ограничения, в том числе критически важные для Казахстана ограничения на экспорт нефти. Из-за ограниченного внутреннего рынка, а также условий контрактов, Казахстан экспортирует до 92% всей добываемой нефти. Нефть экспортируется нефтепроводами, по железной дороге и танкерами через порт Актау. В 2012 г. по трубопроводам было экспортировано 55 млн. т, через морской порт Актау – 7 млн. т, по железной дороге – 7 млн. т¹² (10% от общего экспорта). При существенном наращивании добычи Казахстан может столкнуться с ограничениями физической экспортной инфраструктуры.

Учитывая эти моменты, в работе первоначально была построена базовая модель с использованием кривой Хубберта, затем базовая модель последовательно модифицировалась, чтобы учесть указанные ограничения. Всего было построено три модели: базовая модель с кривой Хубберта (1), затем она была модифицирована с учетом зависимости нефтедобычи от цены нефти (2), третья модификация модели является развитием модели (2) и учитывает рост нефтедобычи, связанный с вводом месторождения Кашаган.

Для построения моделей использовался ряд данных по годовой добыче нефти в Казахстане с 1965 года. Так как Казахстан добывает нефть с 1911 г.¹³, полагается, что к 1965 г. накопленная добыча составила 50 млн. т. Цена нефти на исторических данных бралась как средняя по трем сортам (Brent, WTI, Dubai) в реальном выражении в ценах 2005 г., в прогнозном периоде до 2035 г. использовался прогноз ЦЭИ ИМЭМО РАН, для периода 2036 – 2050 гг. цена зафиксирована на уровне 2035 г. Оценки запасов взяты по данным статистической информации ВР, ОПЕК, North Caspian Operating Company.

¹¹ U.S. Energy Information Administration. Kazakhstan. Overview/Data. <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=kz>

¹² В 2012 году Казахстан сократил добычу нефти. http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-2012-godu-kazakhstan-sokratil-dobyichu-nefti-----227450/

¹³ U.S. Energy Information Administration. Kazakhstan. Overview/Data. <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=kz>

Базовая модель с кривой Хубберта

В первую очередь была построена классическая модель с кривой Хубберта (1).

Для этого вначале по историческим данным оценивалась базовая модель с кривой Хубберта с одним фактором, а именно – накопленной добычей:

$$\frac{q_t}{Q_t} = \alpha + \beta_1 \cdot Q_t + \varepsilon, \quad (1)$$

где q_t – годовая добыча; Q_t – накопленная добыча; ε – ошибка.

В прогнозный период годовая добыча находится по формуле:

$$q_{t+1} = \frac{-(\alpha + 2\beta_1 Q_t - 1) - \sqrt{(\alpha + 2\beta_1 Q_t - 1)^2 - 4\beta_1 \cdot (\beta_1 Q_t^2 + \alpha Q_t)}}{2\beta_1}$$

В результате коэффициенты регрессии имеют верные с точки зрения экономического смысла знаки, а также статистически значимы на уровне значимости 1% (таблица 2).

Таблица 2.

Коэффициенты регрессий и их значимость

Первоначальные коэффициенты				
	α	β_1 (при Q_t)	β_2 (при P_{t-3})	R_{Adj}^2
Базовая модель	0,076*	-0,0000129*		0,78
Базовая модель, скорректированная на цену нефти, в т.ч. для Кашагана	0,081*	-0,0000205*	0,0000908**	0,87
Скорректированные с учетом запасов коэффициенты				
	Сценарий по запасам	α	β_1 (при Q_t)	β_2 (при P_{t-3})
Базовая модель с кривой Хубберта	Оптимистический	0,0752	-0,00001	
	Пессимистический	0,0876	-0,00002	
Базовая модель, скорректированная на цену нефти	Оптимистический	0,0667	-0,0000138	0,0000908
	Пессимистический	0,0791	-0,0000214	0,0000908

*- коэффициент значим на уровне значимости 1%, ** - 10%.

Источник: расчеты авторов.

По полученной модели была рассчитана прогнозная годовая добыча нефти в Казахстане, при этом максимальная накопленная добыча (запасы) нефти, рассчитанная по модели, равна 5895,2 млн. т., что выше, чем по данным статистических сборников ВР 2007 и 2013 (таблица 1). Поэтому расчетная модель была скорректирована в соответствии с доказанными запасами по данным ВР.

В пессимистическом сценарии пик добычи нефти в Казахстане будет достигнут уже в 2017 г., когда максимальная годовая добыча нефти составит 89,6 млн. т (рисунок 2). В

оптимистическом сценарии годовая добыча достигнет 102,2 млн. т (пик в 2023 г.). При высоких доказанных запасах Казахстан будет с 2024 г. добывать в среднем на 30 млн. т. в год больше, чем при низких.

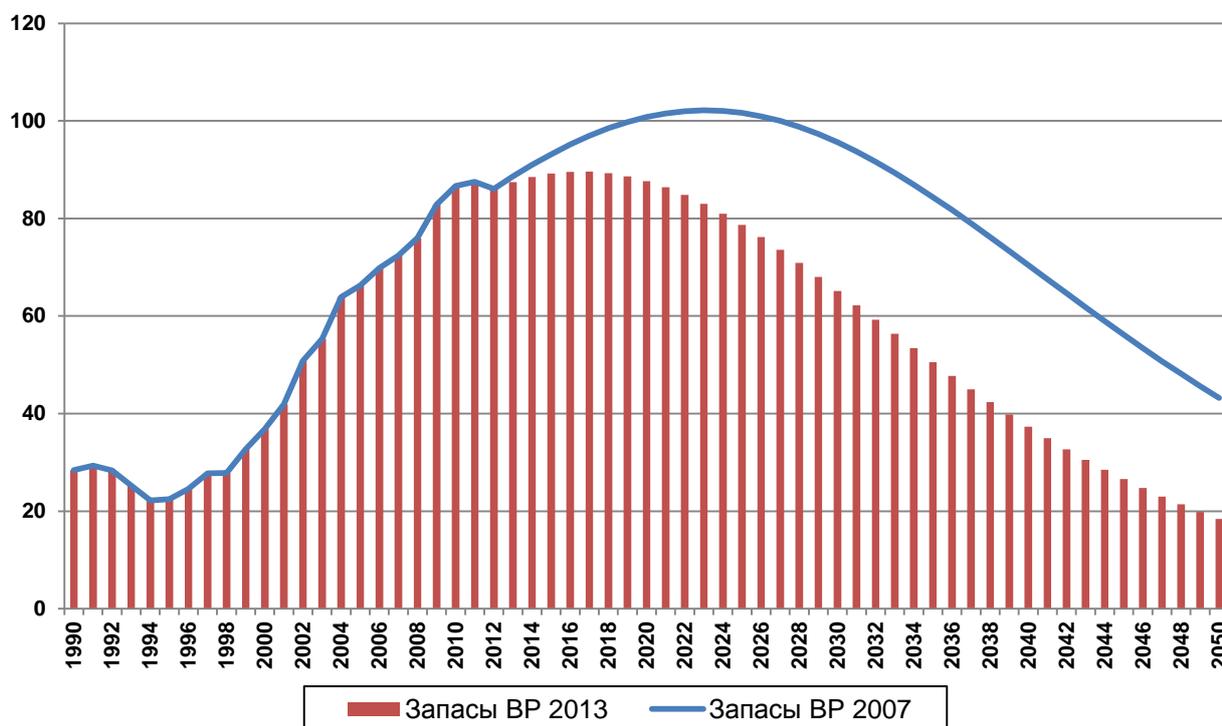

Рисунок 2. Годовая добыча нефти в Казахстане (1990 – 2012 гг. – факт, 2013 – 2050 гг. – расчет) по базовой модели с кривой Хубберта и двум сценариям запасов, млн. т
 Источник: расчеты авторов.

Таким образом, величина доказанных запасов значительно меняет временную структуру добычи нефти.

Базовая модель с кривой Хубберта, скорректированная на цену нефти

Чтобы учесть важные рыночные факторы, влияющие на нефтедобычу, необходимо на исторических данных оценить коэффициенты регрессии:

$$\frac{q_t}{Q_t} = \alpha + \beta_1 \cdot Q_t + \beta_2 \cdot P_{t-3} + \varepsilon, \quad (2)$$

где q_t – годовая добыча; Q_t – накопленная добыча; P_{t-3} – цена нефти с лагом 3 года; ε – ошибка.

В прогнозный период годовая добыча находится по формуле:

$$q_{t+1} = \frac{-(\alpha + 2\beta_1 Q_t - 1 + \beta_2 P_{t-3}) - \sqrt{(\alpha + 2\beta_1 Q_t - 1 + \beta_2 P_{t-3})^2 - 4\beta_1 \cdot (\beta_1 Q_t^2 + \alpha Q_t + \beta_2 P_{t-3} Q_t)}}{2\beta_1}.$$

Для цены взят лаг 3 года, так как временной разрыв между периодом высоких цен на нефть и увеличением добычи из-за роста инвестиций составляет 3 – 5 лет.

В результате коэффициенты регрессии имеют верные с точки зрения экономического смысла знаки, а также статистически значимы на уровне значимости 10% (таблица 2). Скорректированный R^2 в модели с ценами выше, чем в базовой модели. Это говорит о том, что вторая модель лучше описывает данные.

Аналогично базовая модель с ценами скорректирована в соответствии с доказанными запасами по данным ВР.

В пессимистическом сценарии пик добычи нефти в Казахстане будет достигнут уже в 2017 г., когда максимальная годовая добыча нефти составит 89 млн. т. В оптимистическом сценарии пик будет в 2023 г., когда годовая добыча достигнет 102 млн. т (рисунок 2). При высоких доказанных запасах Казахстан с 2025 г. будет добывать в среднем на 30 млн. т. в год больше, чем при низких. Таким образом, величина доказанных запасов значительно меняет временную структуру добычи нефти.

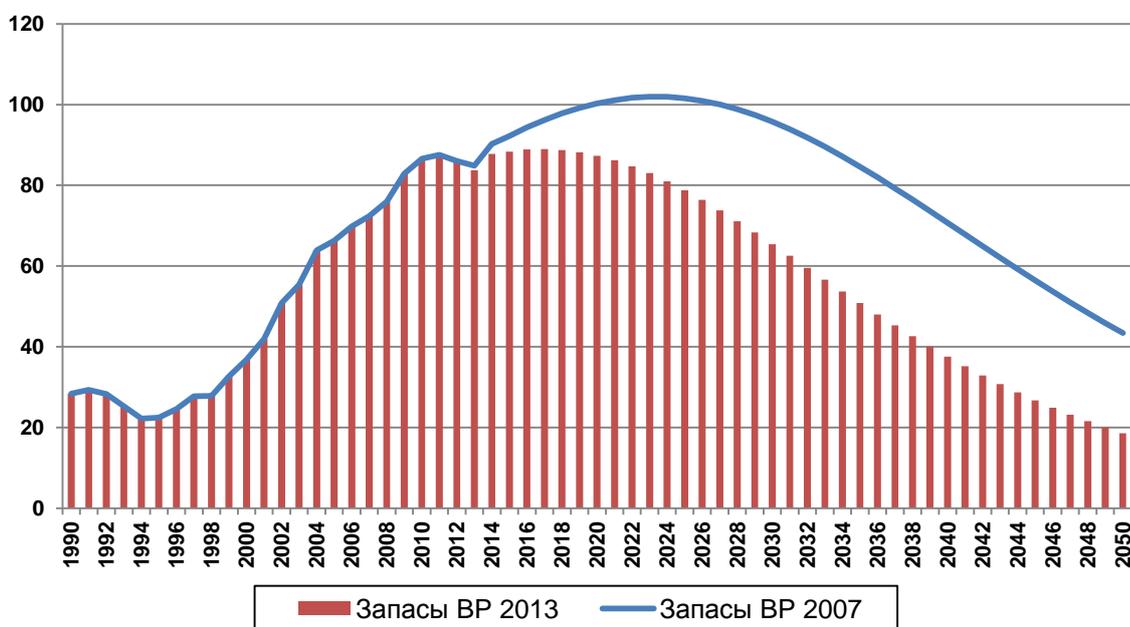

Рисунок 3. Годовая добыча нефти в Казахстане (1990 – 2012 гг. – факт, 2013 – 2050 – гг. – расчет) по скорректированной по цене модели с кривой Хубберта и двум сценариям запасов, млн. т

Источник: расчеты авторов.

Можно заметить, что динамика добычи по базовой модели с кривой Хубберта и модели, скорректированной по цене нефти, практически не отличаются. Это говорит о том, что на исторических данных за последние 10 лет профиль нефтедобычи был малочувствителен к изменению цены нефти. Но это не гарантирует, что в будущем зависимость нефтедобычи Казахстана от цены не усилится. В начале десятилетия Казахстану важно было наращивать экспорт для получения валютной выручки и создания финансовых

резервов. В настоящее время эти задачи выполнены, и добыча нефти в Казахстане становится более чувствительной к рыночной конъюнктуре.

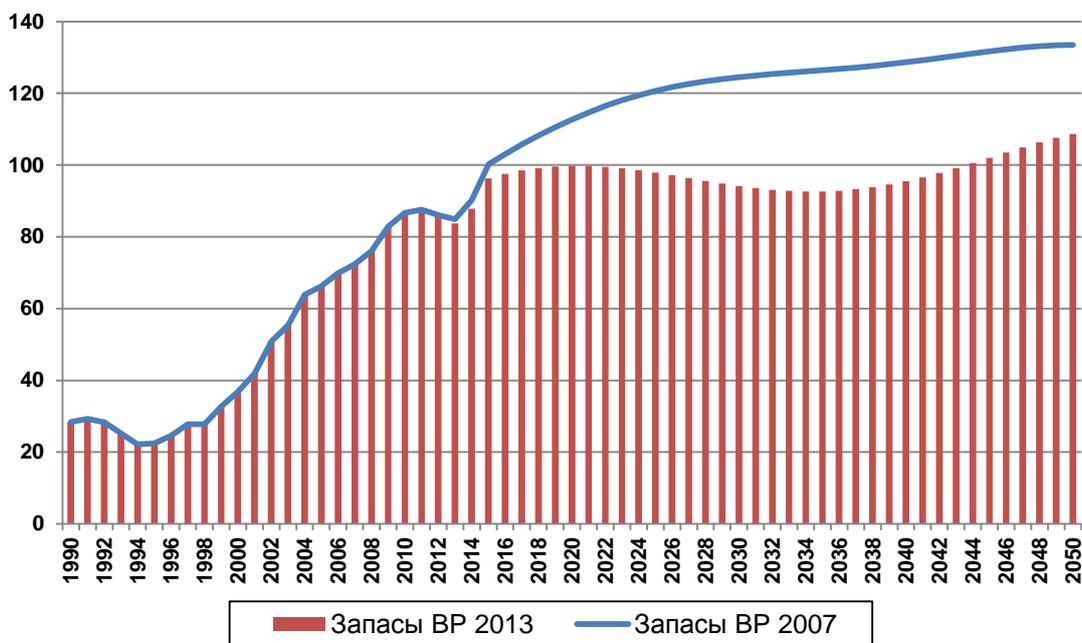
Базовая модель с кривой Хубберта, скорректированная на цену нефти с учетом ввода Кашаганского месторождения

30 июня 2000 г. в Казахстане было открыто крупное Кашаганское месторождение, запасы которого составляют 4,8 млрд. т¹⁴. Его ввод позволит значительно нарастить нефтедобычу Казахстана.

Прогнозная добыча на Кашагане моделируется аналогично, с коэффициентами регрессии (2). Предполагается, что ввод месторождения произойдет в 2015 г., первоначальная добыча составит 8 млн. т.

Прибавляя с 2015 г. добычу на Кашагане к годовой добыче, полученной в предыдущей модели, мы получаем прогноз, учитывающий цену нефти, а также ввод в действие крупного месторождения.

В оптимистическом сценарии запасов ввод в действие Кашаганского месторождения позволяет значительно сдвинуть пик нефтедобычи до 2051 г. В пессимистическом сценарии запасов введение в оборот Кашагана сглаживает падение добычи после пика 2020 г., стабилизирует нефтедобычу, а затем выводит добычу нефти в Казахстане на новый пиковый уровень в 2057 г. (рисунок 4).

¹⁴ КазМунайГаз. Кашаган. <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan/>

Рисунок 4. Годовая добыча нефти в Казахстане (1990 – 2012 гг. – факт, 2013 – 2050 гг. – расчет) по скорректированной по цене модели с кривой Хубберта с учетом ввода Кашагана по двум сценариям запасов, млн. т

Источник: расчеты авторов.

В результате, ввод в действие Кашаганского месторождения, как минимум, стабилизирует нефтедобычу и денежный поток в долгосрочном периоде.

Сможет ли Казахстан потребить и экспортировать всю ту нефть, которую он добудет? Согласно «Долгосрочной стратегии на период 2012 – 2022 годов» КазМунайГаз¹⁵ пропускная способность нефтепровода КТК для казахстанской нефти увеличится на 25,9 млн. т по сравнению с 2012 г., а нефтепровода Казахстан – Китай – на 10 млн. т. В оптимистическом сценарии к 2022 г. добыча возрастет на 30 млн. т до 116 млн. т, но так как внутренняя нефтепереработка (по планам КазМунайГаз) увеличится на как минимум 5 млн. т, то вся добытая нефть будет потреблена и экспортирована. Таким образом, инфраструктура не выступит в роли фактора, ограничивающего нефтедобычу.

Сформулируем основные выводы. Важнейшим параметром для моделирования динамики нефтедобычи в долгосрочной перспективе является величина запасов. Объем доказанных запасов нефти в Казахстане с 2003 по 2012 г. был скорректирован трижды, причем разнонаправленно: в 2005 г. оценка была увеличена более чем в 4 раза по сравнению с 2004 г., в 2007 г. оценка доказанных запасов увеличилась незначительно, а в 2012 г. – сокращена на 25%¹⁶. Меняющиеся оценки величины запасов вносят большую неопределенность в деятельность компаний.

Более того, прозрачная информация о запасах позволила бы дать более релевантный прогноз временного профиля добычи нефти в зависимости от динамики мирового рынка нефти, заданной прогнозом цены барреля. Нефтяным компаниям это позволит оптимизировать инвестиционную стратегию, а государству даст ориентиры для планирования фискальной, бюджетной и денежно-кредитной политики.

В заключение сравним полученный прогноз с прогнозом ведущих международных энергетических агентств (МЭА). Можно заметить, на 2020 г. наши прогнозы добычи нефти сопоставимы с прогнозом МЭА, однако прогнозные данные на 2035 г. намного менее оптимистичны по сравнению с прогнозом МЭА (рисунок 5).

¹⁵ Казахстан – основной двигатель роста добычи нефти в Евразии: ключевые проекты, перспективы и новые возможности. <http://kazenergy.com/ru/5-55-2012/7490-2013-01-08-08-40-43.html>

¹⁶ BP Statistical Review of World Energy 2003 – 2012

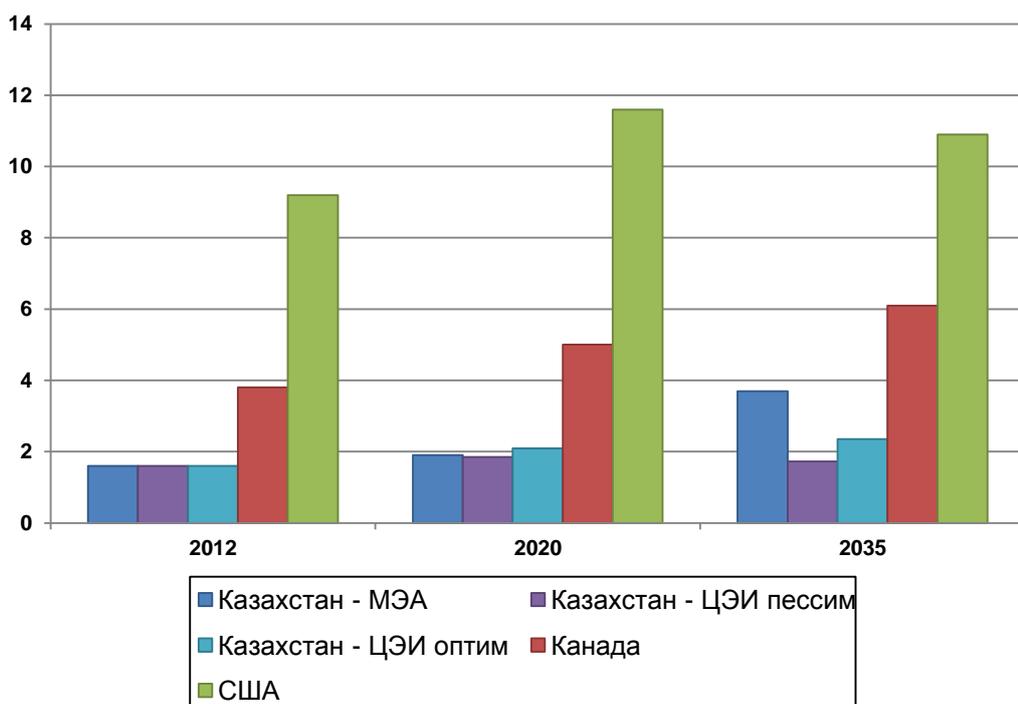

Рисунок 5. Прогноз добычи нефти, млн. барр. в день

Источник: World Energy Outlook 2013 и расчеты авторов.

Прогноз МЭА на 2035 г. превышает пессимистический прогноз ЦЭИ в 2,2 раза, и оптимистический – в 1,6 раза. Прогноз ЦЭИ более пессимистично оценивает роль Казахстана на Евразийском рынке нефти.

Список использованной литературы

1. International Energy Agency. World Energy Outlook 2013
2. BP Statistical Review of World Energy 2003 – 2013
3. ОПЕС Annual Statistical Bulletin 2013.
4. U.S. Energy Information Administration. Kazakhstan. Overview/Data. <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=kz>
5. Агентство Республики Казахстан по статистике. Экспорт Республики Казахстан отдельных товаров, средние цены; Внешнеторговый оборот по месяцам. http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersForeignTrade?_afLoop=75609049111861&_afWindowMode=0&_afWindowId=p7dslweu0_242#%40%3F_afWindowId%3Dp7dslweu0_242%26_afLoop%3D75609049111861%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dp7dslweu0_258

6. Казахстан – основной двигатель роста добычи нефти в Евразии: ключевые проекты, перспективы и новые возможности. <http://kazenergy.com/ru/5-55-2012/7490-2013-01-08-08-40-43.html>
7. КазМунайГаз. Кашаган. <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan/>
8. В 2012 году Казахстан сократил добычу нефти. http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-2012-godu-kazahstan-sokratil-dobyichu-nefti---227450/

Халова Г.О., Морозов В.В., Шорохова Е.О. **Энергетическая интеграция РФ и государств ЦАР: проблемы и решения**

Торгово-экономические отношения РФ со странами ЦАР

Торгово-экономические отношения России с постсоветскими государствами Центральной Азии: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном имеют богатую, продолжительную многовековую историю. Страны были дважды интегрированы в условиях единых экономических систем: Российской империи и СССР, их экономические отношения сменяли периоды как спада, так и подъёма.

Еще со времен Российской империи страны Центральноазиатского региона получили доступ на российский рынок и в регион начали поступать значительные инвестиции. Однако во время пребывания в составе Российской империи регион оставался аграрным и слабо развитым, в основном поставлял сырье для российской текстильной промышленности: шелк, шерсть и хлопок-сырец.

Экономическая интеграция в рамках СССР России и республик Центральной Азии способствовала укреплению их экономического потенциала. Следует отметить стремительный экономический взлет республик Центральной Азии в 1924 – 1990 гг. Вместе с тем, в рамках единого народнохозяйственного комплекса (ЕНК) СССР, где действовали принципы планово-централизованного распределения ресурсов (финансовых, материальных и других) специализация республик носила в основном аграрно-сырьевую направленность. Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан поставляли на союзный рынок главным образом нефть, газ, минеральное сырье и продукцию сельскохозяйственного назначения, т.е. товары с низкой долей добавленной стоимости.

Распад Советского Союза в 1991 году оказал негативное влияние на торгово-экономические отношения России и стран Центральной Азии. В 1992 году, по сравнению с 1991 годом, объемы торговли между РФ и ЦА уменьшились почти в 10 раз. Развал ЕНК СССР породил системный кризис на постсоветском пространстве. Действовавшие десятилетиями торгово-экономические связи были разрушены, а новые альтернативные не могли сформироваться в короткие сроки.

Лишь после преодоления острого внутривосточного кризиса, с приходом к власти в Кремле В. Путина и его команды, значение Центральной Азии (ЦА) в российской внешней стратегии стало поступательно возрастать. Россия с начала XXI века постепенно начала укреплять свое взаимодействие с бывшими советскими республиками ЦАР. Однако, объём

товарооборота России со странами Центральной Азии уже долгие годы, остается крайне низким. В 2012 году он составлял всего 3,6% от общего объема внешнеторгового оборота РФ.

Несмотря на то, что со странами ЦА Россию связывает общее прошлое, экономическая взаимозависимость России и стран региона, сложившаяся в бывшем СССР и опиравшаяся на централизованно планировавшиеся товарные и инвестиционные потоки, за прошедшие десятилетия не стала основой для восстановления достигнутого на предшествующем этапе развития экономических связей, основные количественные и качественные показатели которых значительно уступают советскому уровню.

Вплоть до настоящего времени Россия не создала цельную и единую концепцию развития отношений со странами Центрально-Азиатского региона. Вместе с тем укрепление сотрудничества с этими странами становится все более важным, особенно, с точки зрения геополитических и экономических аспектов.

Экономические интересы России в ЦА тесно переплетены с геополитическими. Выделим чисто экономические сферы взаимодействия, формируемые в рамках существующих в ЦА благоприятных для ведения бизнеса факторов. К ним относятся:

1) крупные месторождения и значительные запасы полезных ископаемых: углеводородное сырье, руды и металлы;

2) трудовые ресурсы¹⁷;

3) емкий внутренний рынок, а соответственно, возможности для роста и расширения российского экспорта;

4) возможности модернизации транзитных путей из ЦА, а так же пограничных с ней азиатских стран в Европу через российскую территорию. Россия проявляет готовность участвовать в строительстве и эксплуатации трубопроводов в ЦА.

Эффективность экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии в этих направлениях требует создания соответствующих условий, как политических, так и экономических. В связи с этим были созданы следующие экономические институты: Таможенный Союз, ЕврАзЭС, ЕАБР, Антикризисный Фонд ЕврАзЭС, Соглашение о зоне

¹⁷ М.Б. Денисенко из института демографии ГУ-ВШЭ в работе «Международная миграция в России. Осознанная необходимость» По данным ФМС России, из 6,3 млн. иностранцев, прибывших в Россию на срок от 3 месяцев и более, граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана насчитывалось 2 млн. человек» (по данным за 2009 г.)¹⁷. Такое количество трудоспособного населения может быть использовано и на территории стран Центральной Азии путем создания, к примеру, совместных предприятий

свободной торговли в СНГ. Уже заявлено о формировании Евразийского экономического союза, который должен начать функционировать по принципу Евросоюза с 2015 г.¹⁸

Страны региона заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией, это обусловлено, в частности, тем, что РФ может способствовать удовлетворению спроса на инвестиции, обеспечивающие модернизацию экономики не только в топливном и сырьевом секторе, но и в других экономических секторах. Россия для стран Центральной Азии является потенциальным, но пока еще не в полной мере задействованным импортером продукции аграрного сектора.

Доля РФ в товарообороте государств ЦАР составляет около 20%. За последние пять лет эта доля упала почти на пять пунктов. С другой стороны рынок стран региона важен для РФ с точки зрения экспорта готовой продукции. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, машин и транспортного оборудования. Однако, как отмечалось выше, доля региона в товарообороте РФ составляет всего 3,6 %.

Стоит отметить, что с распадом СССР роль России в странах Центральной Азии заметно уменьшилась. Она перестала быть единственным доминирующим игроком в регионе и безальтернативным стратегическим партнером для развития стран. Эту позицию готовы занять, прежде всего, Китай, Турция и Евросоюз. Степень их влияния на формирование экономической политики стран ЦА и проникновение в экономику возрастают. Страны воздействуют на формирование экономической обстановки, к которой России приходится адаптироваться, взаимодействуя с новыми факторами на территории стран региона и по рынкам сбыта продукции и инвестиционным проектам.

Очевидно, что необходим перелом во взаимоотношениях РФ и государств ЦАР, а он может наступить только лишь при кардинальной смене стратегий развития всех названных государств, их ориентации долгосрочным и общим целям. Проанализируем динамику торгово-экономических отношений РФ и государств ЦА за 2007-2012 гг.

¹⁸ В 2015 году Таможенный союз будет преобразован в Евразийский экономический союз, - ЕЭК // Tazabek. 06.03.2013. URL: <http://tazabek.kg/news:346994/>

Таблица 1.

Внешняя торговля России со странами Центрально-азиатского региона в 2007- 2012 гг. (млрд. долл.)

Страны	2007		2008		2009		2010		2011		2012		2012/2007 %	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт										
Казахстан	11,9631	4,6125	13,3608	6,3702	9,1465	3,6849	10,7959	4,4777	12,9066	6,8593	14,5579	7,8699	121,69%	170,6211%
Киргизия	0,8786	0,2093	1,311	0,4919	0,9155	0,3667	0,9922	0,3866	1,1603	0,2928	1,6341	0,1953	185,9891%	93,311%
Таджикистан	0,6076	0,1638	0,7941	0,2087	0,5724	0,2133	0,6733	0,2129	0,7204	0,09	0,6779	0,0672	111,5701%	41,0256%
Туркмения	0,3842	0,0694	0,8099	0,1003	0,9986	0,045	0,7591	0,1463	1,1597	0,1428	1,251	0,1831	325,6117%	263,8329%
Узбекистан	1,7291	1,4507	2,0675	1,2917	1,6965	0,8427	1,8901	1,5519	2,1066	1,8597	2,325	1,3895	134,463	95,7813%
Всего регион	15,5626	6,5057	18,3433	8,4628	13,3295	5,1526	15,1106	6,7754	18,0536	9,2446	20,4459	9,705	131,378%	149,1769

Источник: customs.ru

Согласно приведенной таблице 1, основным торговым партнером России в ЦАР неизменно остается Казахстан, причем и как основной покупатель российской продукции, и как поставщик товаров на российский рынок. Вторым по значимости внешнеторговым партнером России в Центральной Азии является Узбекистан. Уступая Казахстану по размерам товарооборота с Россией, Узбекистан вместе с тем намного превосходит по этому показателю остальные Центральазиатские страны, и эта тенденция прослеживается за весь рассматриваемый период с 2007 по 2012 гг. Третье место во внешней торговле России со странами ЦА по экспорту и по импорту занимает Киргизия.

Четвертое и пятое место попеременно занимает Таджикистан и Туркменистан. Но, если сравнивать 2007 г., то экспорт и импорт России с Таджикистаном составлял 0,6076 млрд дол и 0,1638 млрд дол, а с Туркменистаном 0,3842 млрд дол и 0,0694 соответственно, то в 2012 г., экспорт и импорт России с Таджикистаном составил 0,6779 млрд дол и 0,0672 млрд дол, а с Туркменистаном 1,251 млрд дол и 0,1831 млрд дол соответственно, что свидетельствует об укреплении экономических отношений с Туркменистаном. В 2012 г. по объёму товарооборота России со странами Центральной Азии, Туркменистан занял 4 место. Прирост экспорта России в ЦА в 2012 г. по сравнению с 2007 г. составил 31,38%, а импорт из государств ЦАР вырос на 49,1%.

Анализируя полученные данные можно сделать вывод о том, что экспорт из России в Центральноазиатский регион и импорт в Россию из стран Центральноазиатского региона имели положительную динамику, однако торгово-экономические отношения развивались неравномерно. Одной из причин этого был мировой экономический кризис.

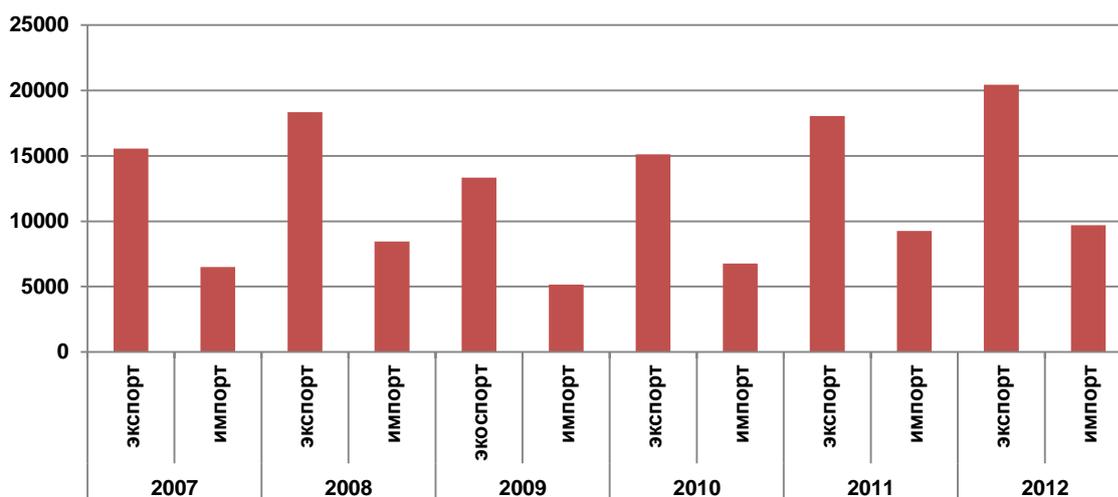

Рисунок 1. Внешняя торговля России со странами Центрально-азиатского региона в 2007-2012 гг. (млн. долл.)

Источник: customs.ru

Таблица 2.

Товарная структура экспорта ЦА в Россию в 2012 г.(%)

	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан
с/х сырье	0,55%	10,4%	50,55%	3,65%	4,71%
руды и металлы	38,7%	7,13%	11,94%	0,07%	6,63%
топливо	11,96%	11,6%	1,37%	40,34%	0,000178%
промышленные товары	31,75%	60,8%	25,37%	33,2%	70,44%
химические продукты	8,38%	3,55%	1,12%	21,15%	7,29%
машины и транспортное оборудование	8,66%	6,52%	9,65%	1,59%	10,93%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%

Источник: unctadstat.unctad.org

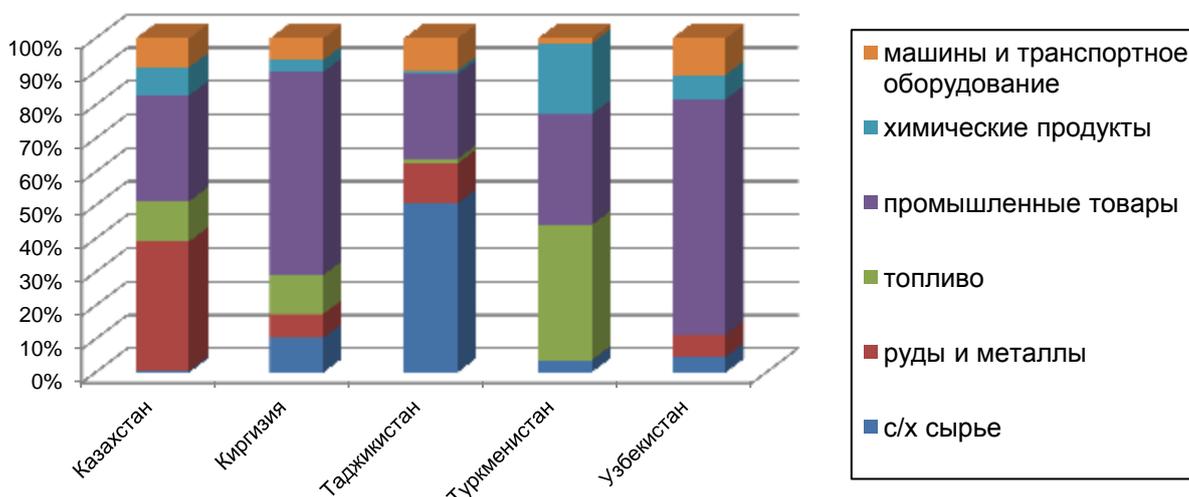

Рисунок 2. Товарная структура экспорта ЦА в Россию в 2012 г.

Источник: unctadstat.unctad.org

Структура основных экспортируемых товаров стран Центральноазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) в Россию в 2012 г. представлена в табл.2, рис.2. Из таблицы видно, что наибольшую долю экспорта из Казахстана в Россию в 2012 г. занимали руды и металлы – 38,71%, далее идут промышленная продукция и готовые товары – 31,74%, доля экспорта топлива из Казахстана в Россию – 11,96%. Что касается Киргизии, самую большую долю экспорта в Россию занимают промышленные товары – 60,80%, далее идет топливо и сельскохозяйственное сырье – 11,60% и 10,40% соответственно. 50,56% экспорта Таджикистана в Россию приходится на сельскохозяйственное сырье, 25,37% на

промышленные товары и 11,94% - на руды и металлы. Товарная структура экспорта Туркменистана в Россию выглядит следующим образом – 40,34% приходится на топливо, 33,20% на промышленные товары и на химическую продукцию – 21,15%. Промышленные товары в экспорте Узбекистана в Россию составляют 70,44% представленной товарной структуры, 10,93% приходится на машины и транспортное оборудование и 7,29% - на химическую продукцию.

Таблица 3.

Товарная структура импорта в ЦА из России в 2012 г. (%)

	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан
с/х сырье	0,72	2,76	4,79	2,63	13,73
руды и металлы	3,26	0,53	8,63	0,39	2,14
топливо	21,59	62,54	26	1,21	8,35
промышленные товары	47,68	23,34	39,15	68,39	52,81
химические продукты	6,83	6,39	12,08	6,25	7,71
машины и транспортное оборудование	19,92	4,44	9,35	21,13	15,25
Всего	100	100	100	100	100

Источник: unctadstat.unctad.org

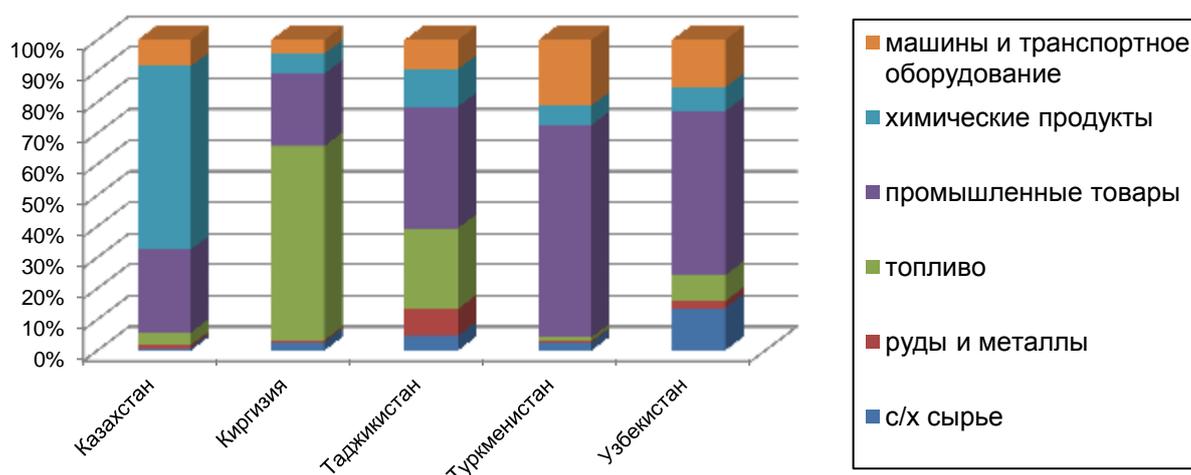

Рисунок 3. Товарная структура импорта в ЦА из России в 2012 г.

Источник: unctadstat.unctad.org

На протяжении всего постсоветского периода торговый баланс между Россией и странами Центральной Азии характеризуется ярко выраженным положительным сальдо в пользу России. Это связано с тем, что российский экспорт в Центральноазиатский регион в большей степени насыщен готовой продукцией (машины и оборудование, продовольствие, химическая продукция и т.п.) с высокой нормой добавочной стоимости. В то же время экспорт стран Центральной Азии в Россию в большей степени насыщен сырьевыми ресурсами (энергосырьевые, черные и цветные металлы, химическое сырье,¹⁹ текстильное сырье, различные виды минерального сырья и т.п.) с низкой нормой добавочной стоимости.

Взаимоотношения в энергетическом секторе

Энергетическое взаимодействие РФ и государств ЦАР в первом десятилетии XXI века, как и в советский период, осуществлялось в основном в нефтегазовом секторе, но, тем не менее, наблюдаются признаки расширения сотрудничества России со странами Центральной Азии и по другим отраслям ТЭК. Основными производителями нефти и газа в регионе являются: Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. В таблице 4 представлены показатели, характеризующие нефтегазовые комплексы РФ, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Из таблицы видно, что по сравнению с советским периодом добыча нефти возросла лишь в Казахстане и Туркменистане. В РФ и Узбекистане объёмы добываемого сырья снизились. Что касается газа, то рост добычи наблюдался в Казахстане и Узбекистане, в России и Туркменистане объёмы добычи газа упали, причём значительно (см. табл.4).

¹⁹ Минеральные удобрения, продукты первичной переработки сырой нефти, различных видов минералов, газового конденсата и т.п.

Таблица 4.

Основные показатели нефтегазовых секторов России, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана

Показатели	Россия		Казахстан		Туркменистан		Узбекистан	
	нефть, млрд. т.	газ, трлн. м ³	нефть, млрд. т.	газ, трлн. м ³	нефть, млрд. т.	газ, трлн. м ³	нефть, млрд. т.	газ, трлн. м ³
Доказанные запасы	11,9	32,9 (17,6% мировых запасов)	3,9	1,3 (0,7% мировых запасов)	0,4	17,5 (9,3% мировых запасов)	0,1	1,1 (0,6% мировых запасов)
1990 год								
	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³
Добыча	550	630	14,8	3,0	8,0	90,6	4,0	45,5
Экспорт	133	143	14,8	-	-	70,6	-	10,8
2012 год								
	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³	нефть, млн.т	газ, млрд. м ³
Добыча	526,2	592,3	81,3	19,7	11,0	64,4	3,2	56,9
Экспорт	240	178,7	68,1	20,5	6,2	41,1	-	12,5
Внутреннее потребление	147,5	416,2	12,8	9,5	4,8	23,3	3,9	47,9

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2013

После распада СССР в 1990-х годах взаимоотношения в топливно-энергетическом секторе экономики между Россией и странами Центральной Азии наблюдалось в основном между Россией и Казахстаном. Это взаимодействие обуславливается крайне тесной структурно-технологической взаимозависимостью, как экономик, так и приграничных областей. Однако, укрепления сотрудничества России с Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном практически не наблюдалось, за исключением незначительных и нерегулярных поставок газа из Туркменистана и Узбекистана, а также коммерческих и гуманитарных поставок нефти и нефтепродуктов в Кыргызстан и Таджикистан.

Таблица 5.

Физические объемы торговли нефтью (1990 и 2011 годы)²⁰

Страна	Поставки нефти из России в страны региона, млн. тонн		Поставки нефти из стран региона в Россию, млн. тонн	
	1990 год	2011 год	1990 год	2011 год
Казахстан	18,4	7,2	14,8	0,5
Узбекистан	6,5	0,0	0,0	0,0
Итого	24,9	7,2	14,8	0,5

Примечание: (*) означает, что Узбекистан не был и не является экспортером нефти, хотя и обладает определенными ее запасами и не был экспортером в 1990 г.

Таблица 6.

Объемы поставок газа из Туркменистана и Казахстан в российском направлении (1990 и 2011 годы)

Страна	Поставки газа в российском направлении, млрд. куб. м.	
	1990 год ²¹	2011 год ²²
Туркменистан	65,1	0
Казахстан	-	8,0
Итого	65,1	8,0

Примечание: (*) означает, что в советское время туркмено-узбекский газ экспортировался как единый продукт.

²⁰ На основе данных Российского статистического ежегодника. 2012: Стат.сб./Росстат. – Р76 М., 2012. С.716-717

²¹ Данные за 1990 год - Всемирный Банк со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана и Казахстана (Uzbekistan: Plan of Economic Reform. The World Bank, Washington, D.C., 1993; Kazakhstan: Transition of the State. – The World Bank, Washington, D.C., 1997); данные за 2008 год - Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана и Казахстана (Kazakhstan: Country Report. - London: The Economist Intelligence Unit, June 2008; Uzbekistan: Country Report. - London: The Economist Intelligence Unit, June 2008).

²² На основе данных Российского статистического ежегодника. 2012: Стат.сб./Росстат. – Р76 М., 2012. С.716-717

В настоящее время сотрудничество России со странами ЦАР в нефтегазовой сфере можно вкратце охарактеризовать следующим образом. Наиболее активным государством, проявляющим наибольший интерес к сотрудничеству как с Россией, так и на всем постсоветском пространстве, является Казахстан. И зачастую он выступает инициатором развития интеграционного сотрудничества. И для России Казахстан представляет наибольший интерес. Например, «инвестиции из России в нефтегазовые комплексы Центрально-Азиатского региона были представлены в основном в Казахстане, в проекте нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск» и освоении газоконденсатного месторождения «Карачаганак»»²³. В последние годы масштабы взаимодействия с Казахстаном в нефтегазовой отрасли значительно возросли по сравнению с 1990-ми годами, когда наблюдался кардинальный спад. Сегодня они приближаются к масштабам советского времени. Но следует отметить, что позиции конкурентов в нефтегазовом секторе Казахстана заметно окрепли, поэтому российские компании сталкиваются с жесткой конкуренцией на рынке. Сотрудничество в угольной и электроэнергетической отраслях имеет положительную тенденцию, однако оно несравнимо ниже уровня взаимодействия в советское время. Что касается атомной отрасли, то в последнее десятилетие можно наблюдать значительное усиление сотрудничества, но и в этой области экономических отношений Россия сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны Китая.

Кыргызстан. Сотрудничество с Россией в ключевой сфере экономики и энергетики Киргизии – гидроэнергетики развивается медленными темпами. Только осенью 2012 г. во время визита В.В. Путина в Киргизию, было принято решение о строительстве каскада ГЭС в верховьях реки Нарын, хотя «предпосылки для строительства здесь этих гидроэлектростанций были заложены еще в 50-е годы прошлого века, когда для освоения водных ресурсов реки Нарын, протекающей через Киргизию и Узбекистан, была создана строительная организация «Нарынгидроэнергострой»»²⁴. В нефтегазовой сфере – это сотрудничество с российской компанией «Газпром». В конце июля 2013 г. «РФ и Киргизия подписали межправительственное соглашение о передаче Газпрому газотранспортной системы (ГТС) Киргизии и создании совместного предприятия (СП) по ее управлению»²⁵. В целом, перспективы развития энергетического взаимодействия пока туманны.

²³ Парамонов В., Строков А. Россия и Центральная Азия: состояние и возможные перспективы торговли углеводородами. - Центра конфликтных исследований при Академии Вооруженных Сил Великобритании. - Февраль 2008.

²⁴ Пономарев В. Россия вернулась на энергетические рынки стран Средней Азии. «Expert Online» /17 июня 2013. <http://expert.ru/2013/06/17/strategicheskij-shag/>

²⁵ РФ и Киргизия подписали соглашение о передаче Газпрому ГТС Киргизии. РБК. 29.07.2013. <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20130729130825.shtml>

Таджикистан. Энергетическое сотрудничество представлено разведкой газовых месторождений, освоением внутреннего рынка нефтепродуктов и в гидроэнергетической (завершение строительства Сангтудинской ГЭС). В 2013 г. «Газпром» планирует вложить в геологоразведку Шахринав порядка 15 млн дол. Однако, связи со специфической политикой Таджикистана, экономические отношения, и в частности, отношения в энергетической сфере носят неясный характер.

Туркменистан. Отношения между Россией и Туркменистаном не получили качественного изменения и основываются на торговле газом, как и в 90-х годах. Хотя в период 2000-2008 годов, объемы увеличились на порядок по сравнению с 1990-ми годами, однако в 2009 году в результате последствий мирового кризиса сократились в несколько раз. Растущая внешняя конкуренция КНР и ЕС за газовые ресурсы Туркменистана и маршруты их транспортировки, разрушение российской монополии на экспорт/транзит туркменского газа привели к тому, что Туркменистан стал одним из основных конкурентов России на китайском газовом рынке. На сегодняшний день Туркменистан стал основным поставщиком природного газа в Китай. В 2012 году поставки Туркменистана удовлетворяли 51,4% от всей рыночной потребности в природном газе в КНР²⁶.

Узбекистан. Взаимоотношения России и Узбекистана в нефтегазовой отрасли значительно расширились по сравнению с 1990-ми годами. Они представлены масштабными геологоразведочными работами и освоением месторождений, проектами по переработке сырья и торговлей газом. Взаимодействие же в других отраслях ТЭК пока не наблюдается. Развитие и перспективы отношений главным образом определяют рядом политических и экономических факторов.

Таким образом, анализ развития российско-центрально-азиатского сотрудничества в целом и в нефтегазовой сфере в частности показывает:

1. сырьевую направленность экспорта всех государств, причем нередко страны выступают на внешних рынках как конкуренты. Низкий технологический уровень большинства предприятий стран ЦАР не позволяет производить высококачественные и конкурентоспособные на мировом рынке товары, прежде всего оборудование, электронику, многие другие виды сложных изделий;

2. Россия и страны ЦАР уделяют крайне малое внимание вопросам глубокой переработки нефти и газа с получением продуктов с высокой нормой добавочной стоимости. Добыча и экспорт углеводородов сами по себе формируют достаточно хрупкий фундамент

²⁶В. Бычков. Туркменистан «закрывает» более половины потребности Китая в природном газе. Интернет журнал "Биржевой лидер". 7.08.2013г. <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/turkmenistan/entry1008174566.html>

для выстраивания долгосрочных и устойчивых межгосударственных отношений в нефтегазовой и других сферах государств ЦАР и России. Это и ослабляет их промышленно-инновационное развитие;

3. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда в странах, обладающих значительными запасами углеводородов, бóльшая часть предприятий нефтегазохимического синтеза, а также предприятий следующего технологического звена фактически простаивает либо имеет несущественную загрузку. Это, в свою очередь, крайне негативно сказывается на функционировании всех остальных перерабатывающих отраслей промышленности.

Вместе с тем, по нашему мнению, в настоящее время складываются благоприятные условия для укрепления сотрудничества России и государств Центрально-Азиатского региона (ЦАР) в энергетике и в первую очередь в нефтегазовой сфере. Именно углеводороды могли бы сыграть важную роль в инновационно-промышленном развитии России и Центральной Азии. Вызвано это тем, что:

Во-первых, в течение длительного времени государства ЦАР и Россия входили в единый народнохозяйственный комплекс СССР, и до сих пор их экономики взаимодополняемы и взаимозависимы.

Во-вторых, все указанные страны заявили о модернизации национальных экономик, поэтому они заинтересованы в преодолении сырьевой ориентации.

В-третьих, уровень экономического и геополитического потенциала России позволяет ей стать не только гарантом обеспечения политической безопасности в регионе, но и ключевым звеном в укреплении энергетического сотрудничества.

В-четвертых, государства ЦАР при умелом менеджменте российских нефтегазовых компаний могут стать одним из самых рентабельных направлений для российских энергетических компаний. Регион располагает значительными запасами недорогого сырья, дешевой рабочей силой. Промышленное производство в государствах ЦАР требует меньших затрат на строительство, транспортировку и эксплуатацию при формировании энергетической инфраструктуры. Сотрудничество в энергетической сфере позволит сохранить, развить и модернизировать перерабатывающие предприятия за счет загрузки их производственных мощностей. Очевидно, что эффективность модернизации национальных хозяйств будет зависеть от эффективности кооперации производства в странах ЦАР и России.

В-пятых, для государств Центральной Азии укрепление энергетического сотрудничества с нашей страной позволит выйти на более емкий российский рынок, решить вопросы безработицы и развивать высокотехнологичные отрасли промышленности.

По нашему мнению необходима энергетическая интеграция России и Центрально-Азиатских государств, которая позволит укрепить их экономическую интеграцию. Перспективы энергетических взаимоотношений имеют положительную тенденцию благодаря интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности между Россией и Казахстаном, по созданию ЕЭП. Целесообразна разработка комплексной программы энергетического сотрудничества названных стран, иначе Россия вынуждена будет строить свои интеграционные планы по созданию единого экономического пространства с учетом необходимости взаимодействия с ЕС и Китаем. Очевидно, необходимо преобразовать сферу нарастающих противоречий в сферу взаимовыгодного партнерства.

Энергетическая интеграция

Интеграция, т.е. конвергенция до определенной степени схожих экономических систем²⁷, является способом снижения общесистемных рисков за счет вовлечения все новых ресурсов, и создания, новых более высоких институциональных уровней.

Рисунок 4. Логика развития, ведущего к энергетической интеграции.

²⁷ Хрусталева М.А. Методология политического анализа. М.: Проспект, 2010. С.100

На современном этапе расширения 5 технологического уклада сформировалось информационное общество, требующее активного формирования глобальной экономики. Для более эффективного встраивания в глобальный мир, т.е. на собственных условиях, большинство стран становятся участниками региональных интеграционных группировок.

Одной из таких региональных интеграционных группировок стал таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, который в соответствие с их планами должен перерасти в экономический союз образца ЕС.

По нашему мнению, основу этого союза должна составлять энергетическая интеграция, т.е. совокупность отношений в энергетической сфере, на основе которой формируется экономический фундамент региональной интеграционной группировки.

Рисунок 5. Энергетическая интеграция

Энергетическая интеграция сегодня предполагает системную генерацию и реализацию совместных энергетических проектов: по добыче, переработке и транспортировке углеводородов, а также совокупность мер в энергетической сфере, с помощью которых Россия поддерживает развитие экономик интегрирующихся стран. В институциональном плане она нашла выражение в создании и расширении системы

интеграционных институтов вначале АврАзЭС, затем ТС. В перспективе институциональные отношения между постсоветскими странами должны вылиться в создание единого экономического пространства. По расчётам специалистов, абсолютная величина интеграционного эффекта от создания ЕЭП для РФ в первые пять лет действия ЕЭП составит \$346,8 млрд (см.табл.7).

Таблица 7.

Абсолютная величина интеграционного эффекта создания ЕЭП., млрд. долл.²⁸

Страна	Период	
	5 лет	10 лет
Россия	345,8	566,8
Белоруссия	16,4	30,2
Казахстан	28,0	46,8
Украина	90,7	128,8
Всего	480,9	772,6

Однако, несмотря на то, что энергетическая интеграция несет очевидные преимущества как в стратегическом (встраивание в мировые интеграционные тренды), так и в тактическом (экономические выгоды см. табл.7) планах, на ее пути имеются важные системные препятствия.

Часто среди таких препятствий фигурирует давление со стороны конкурентов за ресурсы Центральной Азии. Вначале 90-х в регион проникли компании США и ЕС, вначале нулевых сюда пришла «мягкая сила» китайского дракона.

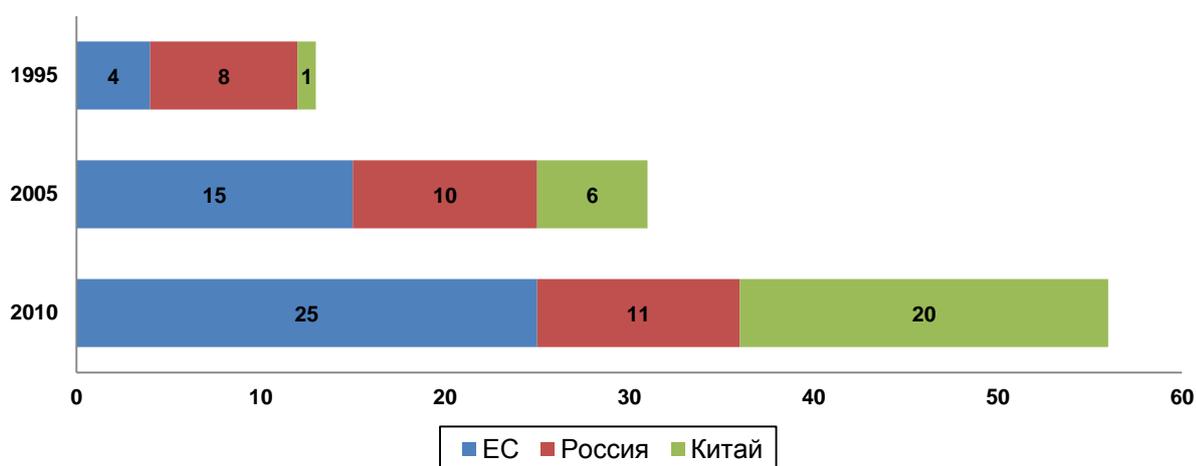

Рисунок 6. Объём экспорта государств ЦАР в млрд долл.²⁹

²⁸ Глазьев С., Клоцвог Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инновационном сценариях развития стран-участниц// РЭЖ. 2008., №7/8

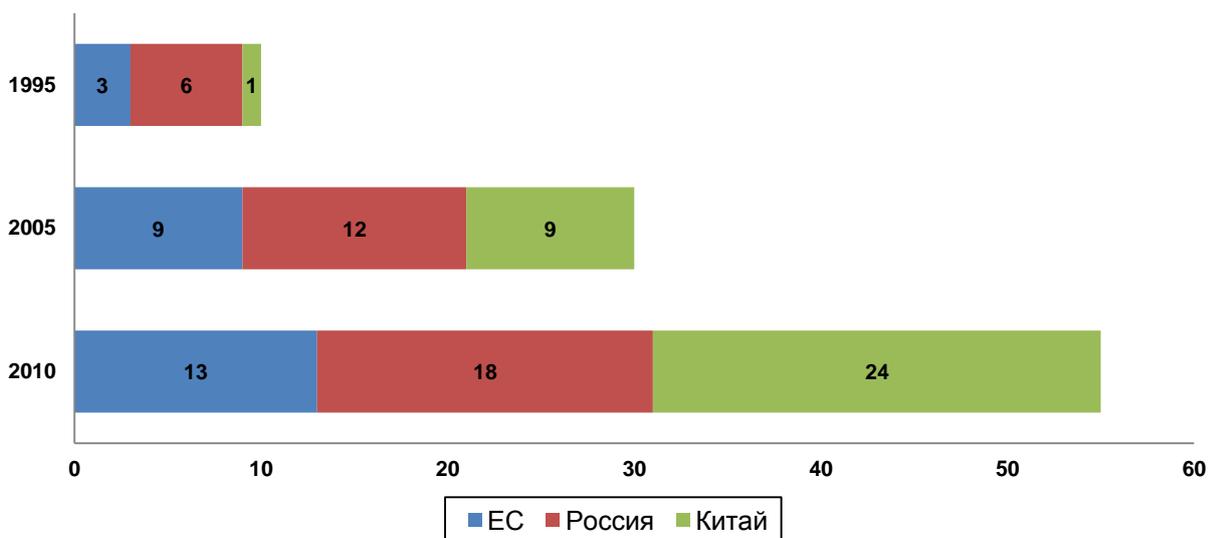

Рисунок 7. Объём импорта в государства ЦАР в млрд долл.³⁰

Доля российских компаний снижается в растущем товарообороте региона с «остальным миром». Вместе с тем это не системная проблема, а ее следствие. ЦА использует свои ресурсы как трамплин в развитую экономику, российские энергетические компании же стремятся использовать инерцию этого трамплина в своих целях. Хотя в абсолютном выражении товарооборот России и стран ЦА стабилен и немного расширяется, однако его темпы отстают от темпов роста товарооборота региона в целом.

В структуре товарооборота стран ЦА, сырье составляет подавляющую долю экспорта. В структуре экспорта России ситуация аналогичная, только порядок цифр другой. Россия продает и свои сырьевые ресурсы, и ресурсы, закупленные в ЦА. В этом и кроется проблема системного порядка. Например, в газовой сфере в 90-е Россия фактически была посредником по продаже туркменского газа. Естественно, что периодически стороны, находящиеся на разных концах торговой цепочки пытаются избавиться от посредника. Это причина периодически возникающих нефтегазовых конфликтов России и ЕС, России и стран ЦА.

Сегодня значительная доля совместных проектов лежит в сфере посредничества и транзита энергоресурсов. Именно в этой связи так устойчива доля товарооборота России и ЦА, ведь это инерция еще с советских времен. Вместе с тем, именно страны ЦА по-прежнему остались значимыми покупателями продукции российского машиностроения.

²⁹ Мухамеджанова Д.Ш. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества Казахстана и Центральной Азии//Евразийская интеграция: экономика, право, политика. №13, 2013 С.43

³⁰ Там же С.43

Страны ЦА для России являются в основном рынком сбыта технологичной продукции.

В чем же тогда интерес энергетической интеграции для России, как интегратора, если сам регион интересен скорее ее производителям как рынок сбыта, а энергопотенциал региона используется в качестве источника оплаты транзита?

Энергетическая интеграция сегодня несет для России серию важных моментов:

- во-первых, интеграция в ЦА позволяет России контролировать энергопотенциал региона, влияя на своих европейских и китайских партнеров;

- во-вторых, если сама Россия желает преобразиться в качестве мировой технологической державы и наконец, использовать энергетические ресурсы стран ЦА по прямому производственному назначению, то энергетическая интеграция способна обеспечить отечественную промышленность необходимым сырьем;

- в-третьих, при использовании энергетического потенциала центральноазиатского региона отпадет необходимость внутреннего дисконта для отечественного потребителя энергии, и экспортные цены на российские энергоресурсы останутся на прежних высоких уровнях;

- в-четвертых, энергетическая интеграция создает мощный стимул институционального развития постсоветского пространства, в результате которого создаются площадки для совместного диалога, как политических элит, так и деловых партнеров, что само по себе создает центроостремительные тенденции.

- в-пятых, сама энергетическая основа интеграции представляет собой прочный фундамент хозяйственного развития, ведь нынешние технологии, завязаны на использование энергии, это самый простой, но в тоже время самый необходимый товар в современном информационном мире;

- в-шестых, энергетическая интеграция дает возможности роста всем участникам деловых отношений, как технологически развитым, так и преимущественно сырьевым.

Таким образом, от энергетической интеграции выгоды получают как энергетически обеспеченные страны, так и зависимые. Формируется общая геоэкономическая система, основанная на системном управлении энергетическим потенциалом, что имеет непревзойденную важность на современном этапе развития постсоветского региона.

Не меньшую важность имеет и тот факт, что преодоление проблем интеграции находится внутри России, а не за ее пределами. Изменение характера ее собственного экономического развития способно стать мощным интеграционным стимулом, особенно

принимая во внимание, что институциональный комплекс деловых и политических отношений, обеспеченный развитием сотрудничества в энергетической сфере, уже создан.

Энергетическая интеграция позволяет не только наращивать объем внутренней торговли ТС, а энергетические ресурсы составляют все-таки большую долю внутриинтеграционного торгового оборота стран-участниц союза, создавая тем самым экономический и что особо важно - институциональный каркас будущего регионального объединения, но и выгодно позиционирует интеграционную группировку на международной арене, делая ее конкурентоспособной в глобальном мире.

И наконец, энергетическая интеграция является важной ступенью к реализации рубля в качестве региональной валюты, а группировка в целом может стать одним из мировых эмиссионных центров.

Список литературы

1. Глазьев С., Клоцвог Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инновационном сценариях развития стран-участниц// РЭЖ. 2008., №7/8
2. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный Мир, 2012
3. Денисенко М.Б.: "Международная миграция в России: осознаваемая необходимость" <http://www.gosbook.ru/node/48622>
4. Морозов В.В. Энергетическая интеграция и вызовы мировой глобализации// Нефть, газ и бизнес. 2013, №7
5. Мухамеджанова Д.Ш. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества Казахстана и Центральной Азии//Евразийская интеграция: экономика, право, политика. №13, 2013
6. Народное хозяйство СССР в 1990 г. (Статистический ежегодник)// Государственный комитет СССР по статистике, 1991 г.
7. Парамонов В., Строков А., Россия – Центральная Азия: состояние и возможные перспективы торговли углеводородами (информационно-аналитический доклад)// Центр конфликтных исследований при Академии Вооруженных Сил Великобритании. - Февраль 2008.
8. Пономарев В. Россия вернулась на энергетические рынки стран Средней Азии.// «Expert Online» /17 июн 2013, 12:19 <http://expert.ru/2013/06/17/strategicheskij-shag/>

9. Синицина И. Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы. Институт государственного управления и политики. Доклад №5, 2012
10. Халова Г.О., Шорохова Е.О., Торгово-экономические отношения РФ со странами Центральноазиатского региона// Нефть, газ и бизнес. 2013, №10
11. Хрусталеv М.А. Методология политического анализа. М.: Проспект, 2010
12. BP Statistical Review of World Energy June 2013, <http://www.bp.com/statisticalreview>

Энергетическая интеграция Казахстана и России в энергетике

Основополагающей тенденцией развития мировой энергетики на рубеже веков является глобализация энергетических рынков, создание единого энергетического пространства, возрастание взаимопроникновения региональных и страновых энергетических структур. Все эти факторы объективно способствуют укреплению взаимозависимости участников мирового энергетического процесса, консолидации их усилий для обеспечения устойчивого, надежного энергоснабжения стран и регионов в условиях нестабильности мировых цен на нефть и роста политической напряженности вокруг отдельных стран-производителей. При этом объективная потребность в обеспечении энергетической безопасности и стимулирования инвестиционной активности в отраслях энергетики требует особого внимания к вопросам реформирования естественных монополий в сфере энергетики, которое осуществляется в настоящее время в Европе, а также транзиту энергоносителей как доминирующему аспекту стабильности энергообеспечения в Евроазиатском регионе.

Основными побудительными мотивами глобализации являются:

- значительный рост международной торговли энергоресурсами;
- все большая удаленность регионов добычи нефти и газа регионов потребления;
- рост протяженности транспортировки;
- изменения в технологической сфере.

Одним из основных последствий является постоянно увеличивающаяся конкуренция глобального масштаба, приводящая к волне слияний, поглощений и интеграционных преобразований на энергетическом пространстве.

В этой конкуренции принимают участие консолидированные национальные и наднациональные энергетические компании, поддерживаемые государственными институтами на дипломатическом, экономическом и политическом уровне, а также нормами международного права.

Внешняя среда, влияющая на стратегическую концепцию развития энергетических отраслей, характеризуется страновым и региональным влиянием международных партнеров.

По мнению ряда специалистов, учитывая, что углеводородные ресурсы региона являются предметом международного интереса, растет вероятность формирования энергетических альянсов.

Проявление данной тенденции уже сегодня заметно в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Таможенного Союза как начального, на наш взгляд,

«первого» этапа интеграционного сотрудничества Казахстана, России и Белоруссии. Урегулирование вопросов, связанных с более чем вероятными конфликтами интересов между странами-производителями и странами потребителями углеводородов, стало основной причиной возникновения идей формирования в частности Энергетического Клуба ШОС.³¹ Эти интересы определяются не только потенциально обширным рынком, установившимися за долгие годы техническими и потребительскими стандартами, сложившейся однотипной технической инфраструктурой, но и определенной зависимости России и Казахстана от отношений с другими внешнеэкономическими партнерами и форм сотрудничества с ними, применительно к процессам формирования и развития основных центров влияния в современном мире.

Стратегические интересы всех основных внешних сил, скорее всего, коснутся исключительно увеличения объемов добычи и транспортировки углеводородов. Поэтому непосредственное формирование и создание энергетических альянсов и союзов будет способствовать усилению экспортно-сырьевой ориентации нефтегазовых отраслей Казахстана и России.

Внутренняя среда характеризуется применением рациональных для обеих сторон методов регулирования спорных вопросов с целью удовлетворения конкурирующих интересов стран-участниц энергетического альянса. На сглаживание «острых углов» направлены меры по развитию сотрудничества в энергетической сфере.

История развития процессов энергетической интеграции с участием России на постсоветском пространстве показала их сложность и противоречивость. Энергетические противоречия между Казахстаном и Россией имеют специфический характер, заключающийся в однонаправленном векторе решения этих противоречий. С Казахстаном у России сложились особые экономические отношения, связанные с экспортом и импортом энергоресурсов.

По мере наращивания добычи нефти в Казахстане она в возрастающих количествах поступает на европейский рынок, где конкурирует в нефтью российских компаний. Несмотря на возрастающую тенденцию производства нефти в России некоторые казахстанские аналитики с определенной степенью вероятности полагают, что в ближайшие года добыча нефти все же будет снижаться и рассчитывают, что казахским добывающим компаниям удастся занять освобождающуюся нишу на европейских рынках³².

³¹ Данные Международной научно-практической конференции «Энергорынок Центральной Азии: тенденции и перспективы» (г. Ташкент, декабрь 2005 г.) и круглого стола «Перспективы формирования Энергетического клуба ШОС» (г. Ташкент 6 февраль 2007 г.)

³² Оразалиев Е. Мировой рынок нефти и газа: современные тенденции развития/Казахстан в глобальных процессах (Алматы), №3 2005, С.104

Наиболее острыми в отношениях с Россией являются вопросы транзита казахской нефти через российскую территорию, причем, учитывая то обстоятельство, что транзитом нефти по российской территории занимается государственная компания «Транснефть», эти противоречия неизбежно выходят на межгосударственный уровень. В начале 2000-х годов, будучи крупным и растущим нефтеэкспортером, Казахстан считал, что ему приходится «выбивать» из России свою «законную» квоту на транзит нефти через российскую территорию. По мере диверсификации маршрутов экспорта нефти из Казахстана острое противоречий сместилось на функционирование Каспийского трубопроводного консорциума (КТК).

КТК представляет собой единственный частный магистральный экспортный нефтепровод на территории России. Доли в проекте распределены следующим образом: Россия – 24%, Казахстан – 19%, Султанат Оман – 7%. Среди частных нефтяных компаний-участников консорциума — Шеврон Каспиан Пайплайн Консорциум Компани (Chevron Caspian Pipeline Consortium Company) – 15%, ЛУКАРКО Б.В. (LUKARCO B.V.) – 12,5%, Роснефть-Шелл Каспиан Венчерз Лтд. (Rosneft-Shell Caspian Ventures Limited) – 7,5%, Мобил Каспиан Пайплайн Компани (Mobil Caspian Pipeline Company) – 7,5%, ЭНИ Интернэшнл Н.А. Н.В. С.А.Р.Л. – 2%, БГ Оверсиз Холдинг Лтд. (BG Overseas Holding Limited) – 2%, Казахстан Пайплайн Венчерз ЛЛС (Kazakhstan Pipeline Ventures LLC) – 1,75% и Орикс Каспиан Пайплайн ЛЛС (Oryx Caspian Pipeline LLC) – 1,75%.

Противоречия двух стран-экспортеров имеют и другие проявления. В 2005 году «КМГ» участвовал в тендере на приватизацию литовского нефтеперерабатывающего концерна Mazeikiu Nafta. Российская «Транснефть» вначале предоставила, а затем отозвала свою гарантию о предоставлении технических возможностей по транспортировке казахстанской нефти в направлении Литвы³³. Тем самым Россия воспрепятствовала участию казахстанской компании в тендере. Другой пример. В 2005-2008 гг. неожиданно для России Казахстан открыл новый экспортный маршрут для экспорта нефти в КНР в направлении Атасу-Алашанькоу. При этом, правда, казахстанская сторона предложила российским компаниям транспортировать нефть по этому трубопроводу.

Очевидно, что и далее у двух нефтеэкспортеров могут возникать проблемы, обусловленные борьбой за активы и рынки. Причем в случае сохранения тенденции к нарастанию государственного участия в нефтяной промышленности эти проблемы неизбежно будут выходить на уровень межгосударственных отношений.

³³ Сергеев П. Казахская нефть пробивает дорогу в Литву// Коммерсантъ, 21.11.2005

Именно в этой связи возникает объективная необходимость создания и развития интеграционного энергетического сотрудничества в рамках создания наднациональных органов национальных нефтегазовых компаний с целью достижения максимального эффекта от поставленной цели и, при необходимости, регулирования «острых» вопросов.

Предпосылки создания Евразийского нефтегазового сообщества ЕврАзЭС

В рамках ЕврАзЭС и Таможенного Союза как одного из проявлений интеграционного процесса важнейшим, на наш взгляд, является вопрос транспортировки энергоносителей (нефть, газ, нефтепродукты) за пределы стран ТС, формирования соответствующей транзитной политики и расширения экспортных поставок у/в на мировые рынки путем недискриминационного доступа в газотранспортную систему стран ТС.

Ратифицированное от 2 мая 2011 года Соглашение о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики регламентируют деятельность нефтегазовых компаний только в рамках стран Единого Экономического Пространства (далее – ЕЭП), ограничивая доступ к газотранспортной системе при транспортировке в третьи страны, не входящие в число стран ЕЭП.

Получение доступа к российским ГТС необходимо в том числе и в связи с планами Казахстана по увеличению к 2020 году в 2,3 раза объема добычи газа – до 90-92 млрд. куб. м. с 39,5 млрд. куб. м. в 2011 году.

По нашему мнению, целесообразно на наднациональном уровне разработать и принять ряд мер для повышения экономической привлекательности экспорта в российском направлении каспийской нефти по трубопроводу в Самару и далее на экспорт по системе трубопроводов «Транснефти». Для решения этой задачи требуется разработка и внедрение механизмов сохранения качества транспортируемой на экспорт нефти. Это будет способствовать заинтересованности казахстанских нефтяных компаний по увеличению транзита по маршруту Атырау – Самара.

Также немаловажен вопрос урегулирования ключевых позиций по взаимным поставкам нефти и нефтепродуктов, соотношению поставляемых объемов и принципам ценообразования (пошлинно/беспошлинно).

Целый ряд поставленных задач найдет свое решение лишь благодаря взаимовыгодной корпоративной интеграции стран-участниц ЕЭП (их нефтегазовых компаний) в рамках провозглашения наднационального уровня регулирования ключевых вопросов топливно-энергетического (нефтегазового) сотрудничества.

Вектор энергетического сотрудничества после вступления в Таможенный Союз.

Таможенный союз предусматривает единый режим торговли в отношении третьих стран и унификацию таможенного администрирования. 1 января 2010 года введен Единый таможенный тариф (ЕТТ) в рамках ТС: в среднем величина тарифа для республики увеличилась на 4.4%.

После создания Таможенного союза в Казахстане усилился рост цен.

Таблица 1.

Темпы роста инфляции

Показатель	2011 г.	2010 г.	2013 г.
Инфляция, % (январь/июль)	5,6	4,6	4,8
Инфляция, % (годовое выражение)	8,5	7,8	5,9

Источник: Данные Национального Банка РК (2011 г.)

Одним из факторов роста инфляции стали ввод Единого таможенного тарифа, открытие границ государств – участников ТС. Если до вступления Казахстана в Таможенный союз средний уровень импортных пошлин составлял 6.2%, то с формированием ЕТТ средний уровень ввозных пошлин на товары из третьих стран стал равен 10.6%. Кроме того, наблюдается значительный рост цен на нефтепродукты. Так, регулируемые цены на бензин Аи-92/93 в августе 2011 года выросли на 29.2% по сравнению с началом 2010-го, бензин Аи-80 соответственно на 28.7%, дизельное топливо – на 34.3%.

Рост цен на нефтепродукты в Республике Казахстан (РК) обусловлен открытием границ в рамках ТС, упрощением таможенных формальностей, активизацией товарооборота, увеличением предложения российских нефтепродуктов на казахстанском рынке. Наличие указанных тенденций приведет к некоторому выравниванию казахстанских и российских цен на ГСМ на внутреннем рынке республики. В противном случае может произойти отток отечественных нефтепродуктов за пределы республики.

В связи с этим правительство Казахстана принимает меры по регулированию цен на нефтепродукты. Так, указом президента от 20 июля 2011 года №463-IV ЗРК принят закон «О государственном регулировании производства и оборота отдельных видов нефтепродуктов»³⁴. В соответствии со статьей 6 закона Правительство «утверждает порядок определения предельной цены на розничную реализацию нефтепродуктов и перечень

³⁴ Рахматулина Г. Влияние Таможенного Союза на экономическое развитие Казахстана/Евразийская Экономическая Интеграция, №1(14), 2012

нефтепродуктов, на которые установлено государственное регулирование цен». Как было отмечено выше, на август 2011 года правительство установило следующие предельные розничные цены для АЗС республики: бензин Аи-92/93 – 106 тенге за литр, Аи-80 – 86 тенге за литр и дизтопливо – 90 тенге за литр.

Но реализация закона зашла в тупик, и решение этих проблем пока происходит крайне медленно.

В связи с этим правительство РК планирует принять решение по ввозу национальной компанией «КазМунайГаз» из России в Казахстан 50 тыс. тонн бензина Аи-92. Импорт будет осуществляться по российским ценам, а реализация – по регулируемым казахстанским ценам. Очевидно, что при существующей разнице цен на ГСМ в странах Таможенного союза НК «КазМунайГаз» будет ввозить нефтепродукты из России «себе в убыток». Таким способом правительство пытается решить две основные задачи. Первая – ликвидировать дефицит ГСМ на внутреннем рынке республики. Вторая – не допустить развития инфляции, удерживая ее в запланированном коридоре 6–8%³⁵.

Проблемы дефицита ГСМ на внутреннем рынке Казахстана пока решаются за счет внешних ресурсов, что в очередной раз подтверждает необходимость и актуальность развития собственного производства нефтепродуктов, повышения его конкурентоспособности. Этот процесс имеет большой временной лаг, что не дает возможности адекватно «ответить на вопросы».

В связи с этим, еще большую актуальность приобретает активизация интеграционных процессов, которая пока не привела к существенному изменению объема экспортно-импортных операций Казахстана с государствами – участниками ТС в данном секторе экономики.

Этот факт подтверждается неблагоприятной тенденцией изменения ситуации на энергетическом (нефтегазовом) рынке государств, вступивших в Таможенный Союз, в частности, в Казахстане.

Таблица 2.

Экспорт и импорт нефти, нефтепродуктов и газа в Казахстане

	2009 г.	2010 г.	1.11.2013 г.
Экспорт нефти (млн.т.), в т.ч.:	67	71,2	50,1
по трубопроводу Атырау-Самара (млн.т.)	7,5	15,3	15

³⁵ Константинов, 2011

по КТК (млн.т.)	27,5	28,6	32,7
Импорт нефти (на ПНХЗ и ПКОП) (млн.т.)	5,7	6	4,8
Экспорт бензина (млн.т.)	0,1	0,1	0,1
Импорт бензина (млн.т.)	0,9	0,8	1,8
Экспорт дизтоплива (млн.т.)	0,8	0,6	0,9
Импорт дизтоплива (млн.т.)	0,4	0,4	4,3
Экспорт газа (млрд.м³)	7	9,1	18,6
Импорт газа (млрд.м³)	4,1	3,3	4,8

Источник: Министерство нефти и газа РК, НК КазМунайГаз

Совершенствование нормативно-правовой базы и создание условий для взаимодействия нефтегазовых комплексов позволит углубить процесс интеграции Казахстана и России в сфере энергетики.

Создание единой корпоративной стратегии развития и тесное сотрудничество на уровне высшего топ-менеджмента нефтегазовых компаний Казахстана и России как единого структурированного энергетического субъекта на региональном, а в дальнейшем – на мировом уровне (НК КазМунайГаз – ОАО Газпром или НК КазМунайГаз – ОАО НК Роснефть) создаст реальные условия для составления достойной конкуренции нефтегазовым мэйджерам мира.

Список литературы.

1. Единое транспортное пространство ЕврАзЭС: перспективы создания единой системы управления. Имамниязова Г.А. – Алматы, 2012. – с.68
2. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество как основополагающий фактор развития интеграционных процессов на Евразийском пространстве. Вадим Густов. ЕЭИ - №2 (15) апрель-июнь'12
3. Европейская интеграция. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы «Per Concordiam». Тим В. Дейтон – Том 3 №4.
4. Глобализация энергетического рынка как основа интеграции Казахстана и России. Шабарова А.К. – Информационно-аналитический журнал «Нефть, газ и бизнес», №1'13.

Диверсификация газового экспорта Туркменистана: планы и реалии

Диверсификация газового экспорта является одной из первоочередных задач энергетической политики Туркменистана. В настоящей работе анализируются основные возможные экспортные направления поставок туркменского газа на мировые рынки.

Туркменистан обладает значительными запасами природного газа. По оценкам ВР, в 2012 г. извлекаемые запасы составляли 17,5 трлн. куб. м, или 9% от совокупных мировых запасов, что ставит Туркменистан на четвертую позицию в глобальном рейтинге наиболее обеспеченных газом стран после Ирана, России и Катара (рисунок 1). При этом за последние пять лет оценки запасов выросли в 7,5 раз. В 2007 г. они оценивались всего в 2,3 трлн. куб. м (рисунок 2). Значительное увеличение запасов связано как с открытием новых месторождений, так и с переоценкой запасов на уже открытых и разрабатываемых месторождениях с привлечением международного аудита.

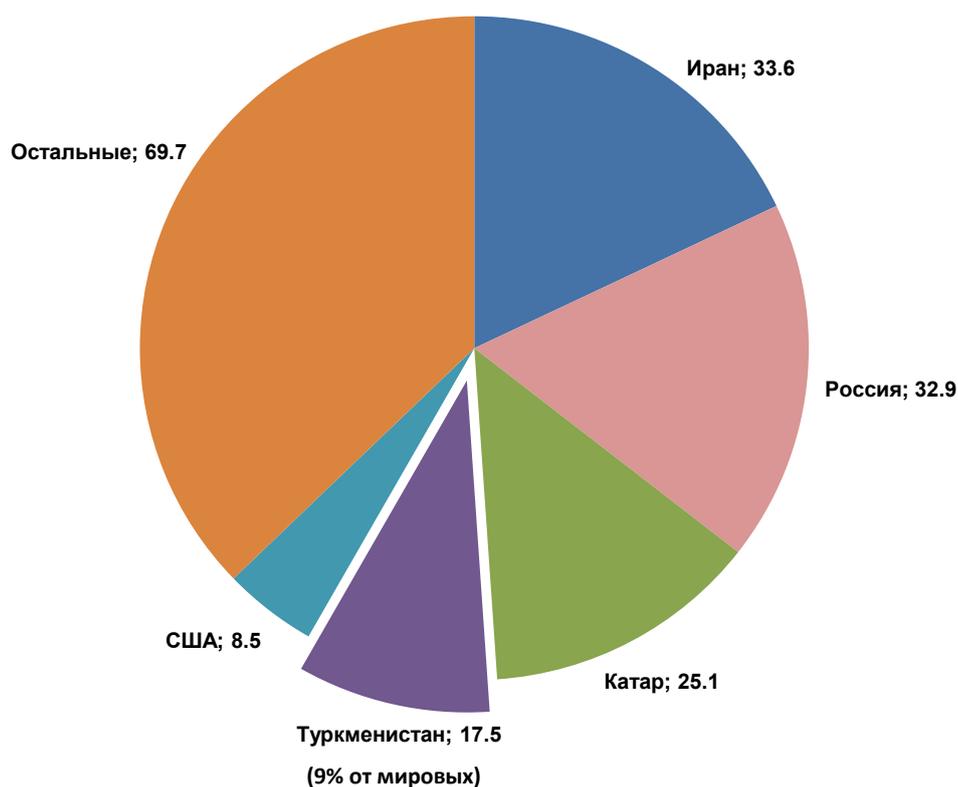

Рисунок 1. Структура мировых запасов природного газа в разрезе стран 2012 г., трлн. куб. м.

Источник: рассчитано по данным ВР.

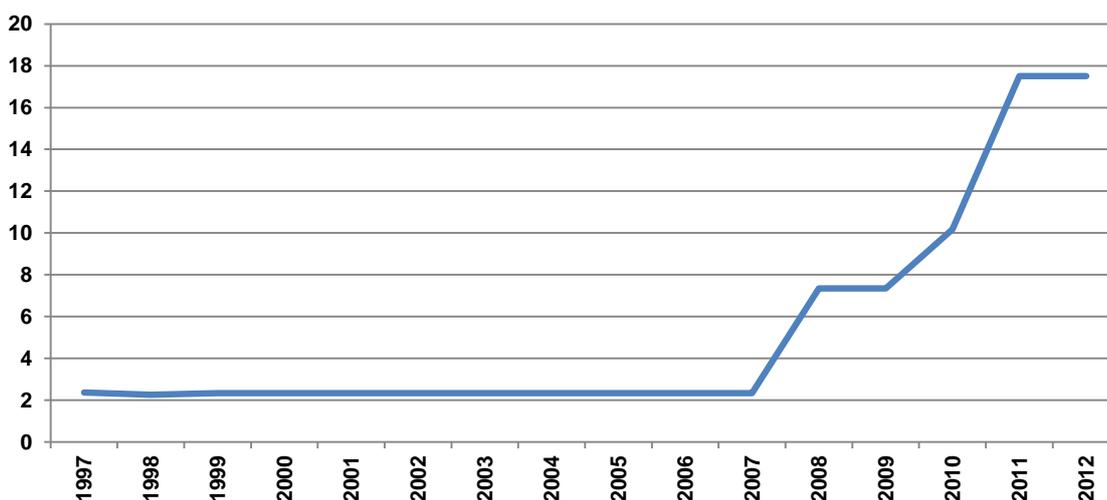

Рисунок 2. Динамика роста запасов природного газа в Туркменистане, трлн. куб. м
 Источник: ВР.

Большинство месторождений Туркменистана расположены на суше, что делает их разработку сравнительно более дешевой и менее технологически требовательной, чем добычу на шельфе. При этом текущий уровень добычи газа не соответствует объему газовых запасов страны. Несмотря на значительный рост оценок газовых запасов за последние пять лет, добыча газа в 2012 г. была на 21% ниже достигнутого еще в 1989 г. максимума (рисунок 3). При этом с геологической точки зрения потенциал наращивания добычи очень высокий – только в конце 2013 г. началась промышленная эксплуатация второго крупнейшего газового месторождения в мире Галкыныш с запасами более 26 трлн. куб. м.

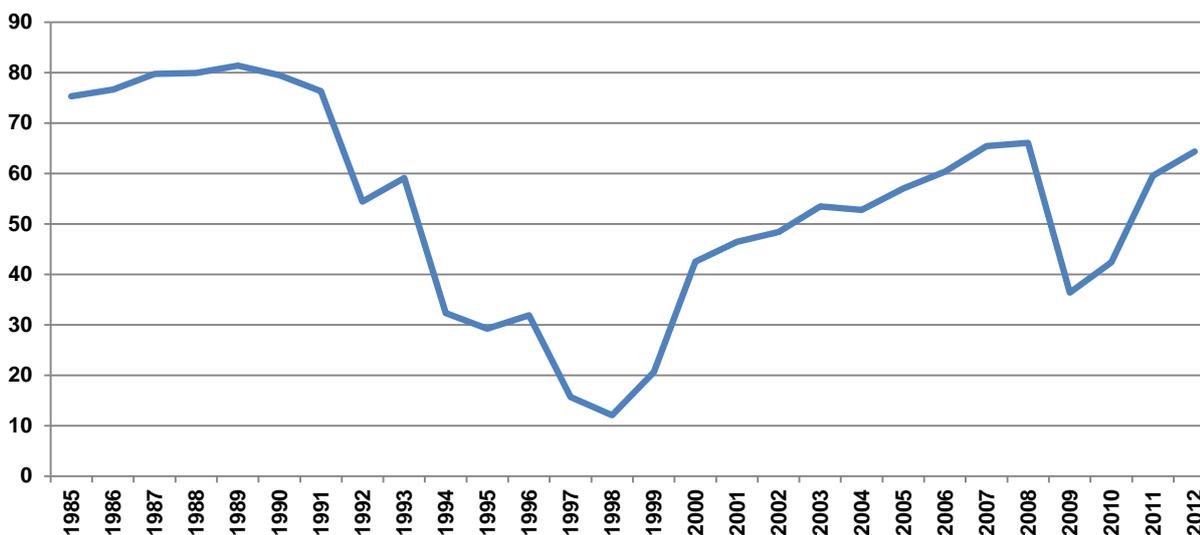

Рисунок 3. Динамика добычи природного газа в Туркменистане, млрд. куб. м
 Источник: ВР.

Внутреннее потребление газа в Туркменистане невелико, так как население страны составляет всего около 5 млн. чел. и в подавляющей своей массе получает невысокие

доходы. К тому же промышленность в стране недостаточно диверсифицирована и не способна предъявлять устойчивый платежеспособный спрос на газ. То же можно сказать и об электроэнергетике, спрос на которую зависит, в конечном итоге, от платежеспособности населения и промышленности. Из-за ограниченного внутреннего спроса на природный газ главным стимулом наращивания его добычи выступает экспортный спрос.

Однако Туркменистан относится к группе стран, не имеющих выхода к морю, а значит выход туркменского газа на зарубежные рынки затруднен. Более того, страна не имеет прямого доступа к крупным импортерам газа и окружена странами, в которых добыча природного газа существенно превосходит его внутреннее потребление, и которые сами являются его экспортерами – Россия, Иран и, в возрастающем масштабе, Азербайджан. Это существенно затрудняет экспорт, так как туркменский газ является прямым конкурентом собственному газу стран-транзитеров.

Не удивительно, что динамика добычи туркменского газа демонстрирует высокую волатильность. После распада СССР добыча быстро снижалась, достигнув в 1998 г. минимального уровня около 11 млрд. куб. м в год (рисунок 3). Затем добыча стала расти, главным образом за счет увеличения объемов экспорта в Иран и Россию. Ирану для снабжения газом своих северных регионов, не соединенных газопроводами с газовыми месторождениями на юге, выгоднее закупать импортный газ даже в условиях превышения собственной добычи над потреблением по стране в целом.

В 2009 г. из-за резкого снижения добычи природного газа Туркменистан активизировал поиск альтернативных экспортных маршрутов. Главным достижением на этом направлении стало начало поставок газа в Китай, что стало поворотным моментом в диверсификации туркменского газового экспорта и позволило стране вновь начать наращивать добычу.

В условиях отсутствия прямого доступа к рынкам сбыта, выхода к океану и нарастающей конкуренции со стороны газа стран-соседей, Туркменистан вынужден проводить экспортную политику, основным принципом которой стала продажа природного газа на своей границе любому платежеспособному покупателю. При этом все инвестиционные, политические и транзитные риски доставки газа конечным потребителям должен также взять на себя его покупатель.

Китай является для Туркменистана крайне привлекательным партнером в газовой сфере. Во-первых, на протяжении длительного периода времени эта страна демонстрирует очень высокие темпы экономического роста – среднегодовой темп роста ВВП КНР за последнее десятилетие составил более 10%. Даже в кризис 2009 г. ВВП страны вырос на 9%.

Несмотря на то, что в средне- и долгосрочной перспективе торможение экономической динамики страны неизбежно, темпы роста ее ВВП все равно останутся высокими по сравнению с другими крупнейшими экономиками мира. По нашим оценкам, темпы экономического роста в Китае в 2013 - 2020 гг. составят 7-8%.

Доля газа в структуре генерации электроэнергии в Китае невелика, но при этом быстро растет. Если в 2006 г. этот показатель составлял всего 0,5%, то в 2011 г. – уже 1,8%, что, учитывая высокие темпы экономического роста в КНР в долгосрочной перспективе, свидетельствует о значительном потенциале спроса на природный газ. Дополнительно конкурентные позиции газа по сравнению с углем в китайской электроэнергетике усиливает обостряющаяся нехватка инфраструктуры по транспортировке последнего от пунктов добычи и импорта к центрам потребления.

Китай обладает значительными финансовыми ресурсами и способен профинансировать строительство необходимой инфраструктуры под гарантии будущих поставок газа. По оценкам, КНР в 2010-2011 гг. уже предоставила Туркменистану кредиты в размере 8 млрд. долл.

Важно, что Китай готов взять на себя не только экономические, но и политические риски. В том числе благодаря накопленному КНР опыту работы в центрально-азиатском регионе сторонам удалось согласовать строительство к 2016 г. четвертой нити газопровода Туркменистан-Китай, которая будет проходить по территории Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Газовое сотрудничество Туркменистана и Китая развивается высокими темпами. Газопровод Туркменистан–Китай был сдан в эксплуатацию в декабре 2009 г. В 2012 г. экспорт туркменского газа в Китай составил 20 млрд. куб. м, что составляет около половины всего газового экспорта страны (рисунок 4). В сентябре 2013 г. две страны заключили соглашение о стратегическом партнерстве³⁶. По состоянию на конец 2013 г. между двумя странами были подписаны договоры на поставку 40 млрд. куб. м природного газа в год к 2025 г. и 65 млрд. куб. м – к 2020 г. К концу 2014 г. планируется построить третью нить газопровода Туркменистан-Китай, в 2016 г. – четвертую, сырьевой базой для которой станет месторождение Галкыныш.

³⁶ <http://english.cri.cn/6909/2013/09/03/2724s785740.htm>

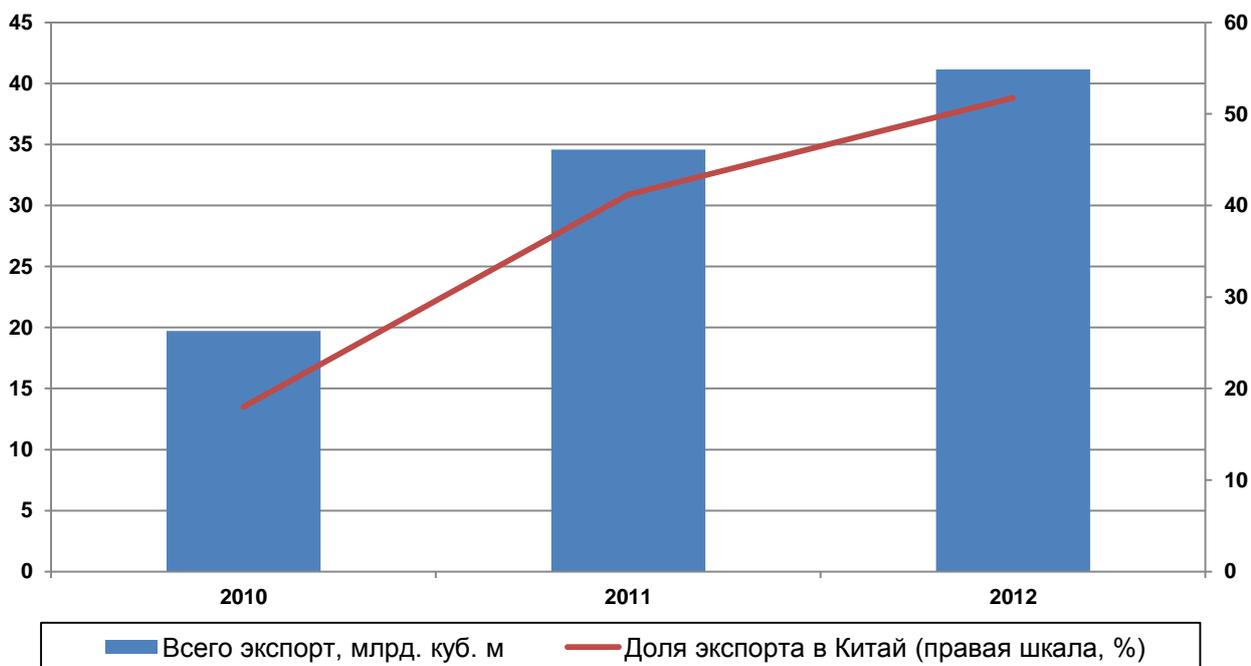

Рисунок 4. Динамика экспорта природного газа Туркменистаном и доля Китая в экспорте, 2010-2012 гг.

Источник: рассчитано по данным ВР.

Возможности Туркменистана нарастить экспорт газа на другие рынки ограничены.

«Мифологический» газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ)

Возможность строительства этого газопровода обсуждается уже более 20 лет, однако целый ряд объективных экономических и политических ограничений не позволяют рассчитывать на успешную реализацию этого проекта.

Предполагается, что газопровод протяженностью около 1700 км должен транспортировать природный газ из Туркменистана до индийской границы и проходить по территории двух транзитных стран – Афганистана и Пакистана. Пропускная способность газопровода составит 33 млрд. куб. м. в год, из которых по 14 млрд. куб. м. предназначено для Индии и Пакистана, 5 млрд. куб. м. – для Афганистана.

Несмотря на заинтересованность в строительстве газопровода ТАПИ стран-потребителей, экономика проекта ТАПИ в долгосрочной перспективе является высоко неопределенной. По данным МЭА из-за истощения месторождений собственная добыча природного газа в Индии в 2011 г. снизилась на 9% по сравнению с достигнутым годом ранее максимумом и составила 46,5 млрд. куб. м. В 2012 г. по предварительной оценке, добыча газа сократилась еще на 13% до 40,4 млрд. куб. м. При этом платежеспособный спрос на газ в этой стране существенно ограничен даже в условиях достаточно низкой в сравнении с другими крупными странами долей природного газа в общем потреблении энергии.

Внутренние цены на природный газ в Индии субсидируются государством и значительно уступают цене импорта, а уровень доходов населения очень низкий.

Дополнительно возможность Индии оплачивать импортный газ ограничивается устойчивым дефицитом счета текущих операций платежного баланса, который в 2012 г. по данным мирового банка составил 5% ВВП.

Предполагается, что цена туркменского газа будет привязана к цене нефти и, по оценкам, составит 13 долл. за млн. б.т.е. при цене нефти 100 долл. за баррель³⁷, что сравнимо с потенциальными ценами на импорт СПГ. При такой же цене нефти стоимость импорта катарского СПГ в Индию с учетом регазификации оценивается в чуть более 14 долл. за млн. б.т.е., что ненамного дороже трубопроводного газа из Туркменистана. При этом поставки СПГ являются существенно более гибкими, чем трубопроводный газ, и предоставляют возможность диверсификации поставщиков газа, что делает их реальным конкурентом проекту ТАПИ.

Еще большие вопросы вызывает платежеспособность Пакистана, который, как предполагают сторонники проекта ТАПИ, будет потреблять столько же туркменского газа, сколько и Индия. В 2012 г. ВВП на душу населения в стране составил всего 1260 тыс. долл., а дефицит счета текущих операций платежного баланса – 1% ВВП.

ТАПИ является очень дорогостоящим проектом. В 2008 объем необходимых инвестиций оценивался Азиатским банком развития, который курирует этот проект, на уровне 7,6 млрд. долл., однако уже в начале 2012 г. ряд аналитиков указывал, что реалистичная оценка требуемых финансовых ресурсов составляет 14 млрд. долл.

Высокие геополитические риски делают этот проект практически нереализуемым. Значительная часть газопровода будет проходить по территории Афганистана, которая определяется ООН как зона чрезмерно высокого риска (рисунок 5). Эксплуатация газопровода будет сопряжена с высокими расходами на обеспечение безопасности, которые невозможно с достаточной точностью оценить заранее. С выводом американских войск из Афганистана в конце 2014 г. ситуация еще более осложнится. Дополнительно стабильность поставок туркменского газа для Индии ставят под угрозу непростые индо-пакистанские отношения.

Реализация проекта ТАПИ сталкивается и с конкуренцией со стороны потенциальных альтернативных газопроводов, в т.ч. газопровода из Ирана в Индию через Пакистан. Последний в отличие от ТАПИ исключает Афганистан, а вероятное ослабление введенных США экономических санкций против Ирана окажет поддержку этому проекту. Однако стоит

³⁷ <http://www.ogj.com/articles/print/volume-111/issue-3/transportation/roadblocks-remain-to-tapi-pipeline.html>

отметить, что этот проект также является крайне противоречивым, и ряд стран, в т.ч. США и Саудовская Аравия, неоднократно выступали против его реализации.

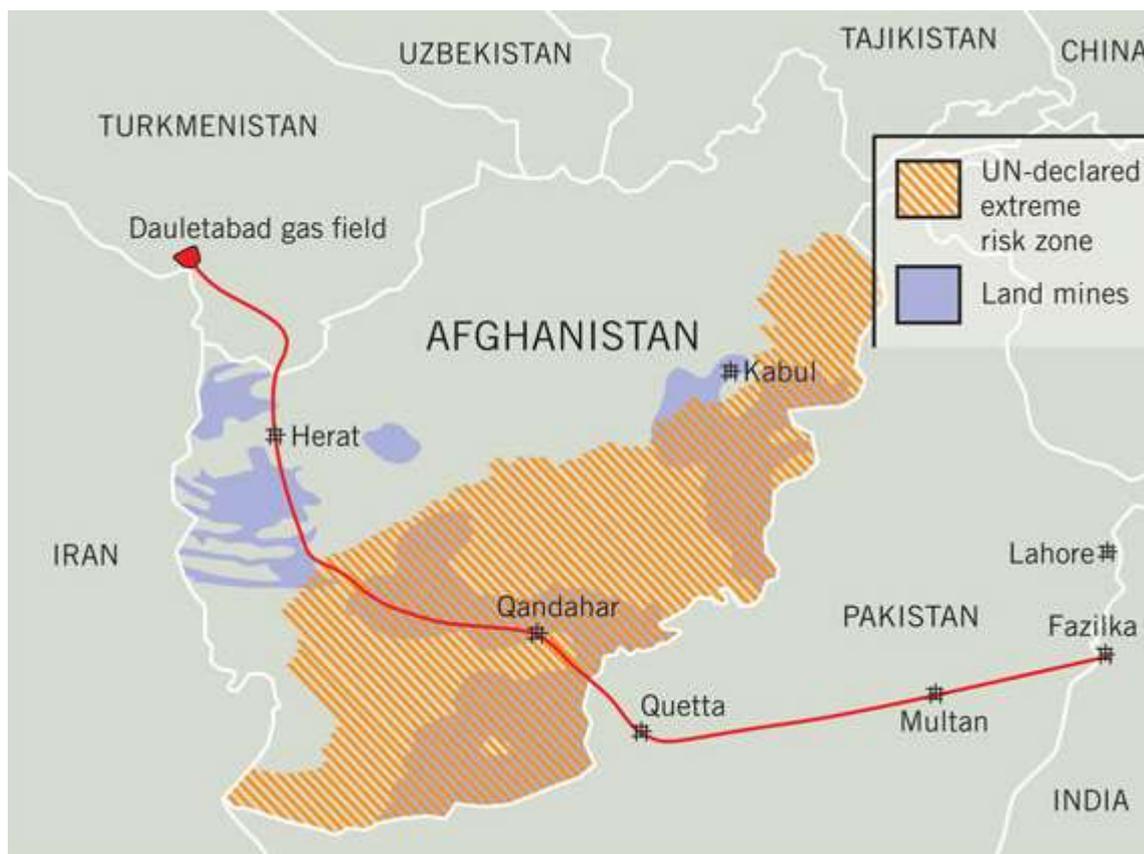

Рисунок 5. Планируемый маршрут газопровода ТАПИ
Источник: Oil&Gas Journal.

Европейское направление экспорта туркменского газа

Потенциальный экспорт туркменского газа в Европу столкнется с возрастающей конкуренцией. В кратко- и среднесрочном периоде экономический рост в этом регионе будет сдерживаться, в том числе, проводимой политикой жесткой бюджетной экономии для преодоления долгового кризиса, что также окажет негативное влияние на спрос на газ. При этом возобновление экспорта газа в Европу через Россию по газопроводу «Средняя Азия – Центр» в условиях слаборастущего или даже сжимающегося рынка представляется крайне маловероятным.

Для экспорта туркменского газа в европейском направлении необходимо строительство новых газопроводов. Обсуждается проект газопровода по дну Каспийского моря в Азербайджан и далее в Европу. Это не только требует дорогостоящих технологий, но и несет в себе значительные риски для экосистемы Каспийского моря.

С другой стороны, Азербайджан также планирует нарастить экспорт в Европу собственного газа. Уже приняты инвестиционные решения о запуске второй стадии

разработки гигантского месторождения «Шах-Дениз», а также строительстве Транс-Анатолийского (TANAP) и Трансадриатического (TAP) газопроводов. Совокупный объем инвестиций по этим проектам оценивается ВР, которая является оператором разработки «Шах-Дениз», в размере 28 млрд. долл. Предполагается, что поставки 16 млрд. куб. м азербайджанского газа в год начнутся в 2018 г., из них 10 млрд. куб. м будет приходиться на Италию, Грецию и Болгарию, 6 млрд. куб. м – на Турцию.

Хотя Туркменистан зарезервировал 10 млрд. куб. м газа для поставок Европу, потенциальный шанс возобновить экспорт на европейском направлении может появиться только в случае значительного увеличения "запроса на импорт" газа (потребление минус собственная добыча) в странах Европы, что по нашим оценкам, не произойдет ранее 2020 г.

Таким образом, анализ показывает, что наиболее перспективным и практически реализуемым направлением экспорта туркменского газа на сегодняшний день является Китай. При этом Туркменистан проводит экономически здравую политику продажи газа на своей границе, что позволяет избегать экономических, политических и транзитных рисков, которые он не в состоянии контролировать.

Об авторах

Джулиан Ли – старший аналитик Центра Энергетических Исследований, Лондон, Великобритания

Золина Светлана Александровна – магистр НИУ Высшая школа экономики, младший научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, e-mail: zolina@imemo.ru

Калюжнова Елена – Директор Центра Евро-Азиатских Исследований, Университет Рединга, Великобритания, e-mail: y.kalyuzhnova@henley.ac.uk

Копытин Иван Александрович – научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, e-mail: kopytin@imemo.ru

Масленников Александр Оскарович – научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, e-mail: maslennikov@imemo.ru

Морозов Виталий Владимирович – к.э.н., доцент кафедры экономической теории, Факультет экономики и управления РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, e-mail: morozoff-vv@yandex.ru

Резникова Оксана Бениаминовна – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН, e-mail: rezxana@yandex.ru

Рэнэ Канаяма – Председатель правления Японского инвестиционного консультативного совета (JIAC), e-mail: csee.advisory@gmail.com

Синицын Михаил Владимирович – научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, e-mail: sinitsyn@imemo.ru

Спивак Вита Юрьевна – стажер Шэньчжэньского политехнического университета (Shenzhen Polytechnic), Китай, e-mail: spivakvu@gmail.com

Сычева Анастасия Михайловна – аспирант кафедры стратегического управления топливно-энергетическим комплексом, Факультет международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, e-mail: sty6a@rambler.ru

Халова Гюльнар Османовна – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики и энергетической политики, Факультет международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, e-mail: khalovag@yandex.ru

Шабарова Алия Каирбековна – магистрант кафедры мировой экономики и энергетической политики, Факультет международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина e-mail: aliusha17@mail.ru

Шорохова Екатерина Олеговна – аспирант кафедры стратегического управления топливно-энергетическим комплексом, Факультет международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, e-mail: eo.shorohova@mail.ru